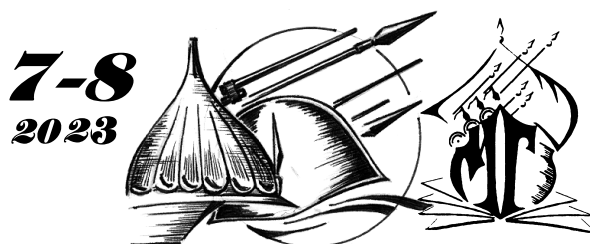

Россия, Русь! Храни себя, храни!

Союз писателей России

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Владимир БОЛЬШАКОВ. О русофобской сущности глобализма	3
Валерий КИРИЛЛОВ. Кормилица недовольна	52
Андрей СОШЕНКО. Открываем двери для беды	107
Максим ВОРОБЬЁВ. Рабы цифры	114

ПРОЗА

Василий ВОРОНОВ. На своём берегу. Рассказ	26
Павел КРЕНЁВ. Мина. Рассказ	40
Михаил СМИРНОВ. Два рассказа	64
Дмитрий ВОРОНИН. На Пасху. Рассказ	119
Георгий КАН. Северное сияние. Рассказ	128

ПОЭЗИЯ

Татьяна ГРИБАНОВА. Родные ветра. Стихи	46
Андрей МАРКИЯНОВ. На распутьях небес. Стихи	94
Нина ДЬЯКОВА. В ожидании чуда. Стихи	101
Юрий САВЧЕНКО. Дар сердец. Стихи	140
Татьяна ПАРСАНОВА. Вернуться в хуторок... Стихи	144

СИМВОЛ ВЕРЫ

Фотиния САФРОНОВА. **От Куликова поля до Бахмута** 149

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Сергей КАРАМЫШЕВ. **Польша как источник русофобии** ... 168

Валерий ГАБРУСЕНКО. **Лучшая военная контрразведка в мире** 177

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

Сергей МИХЕЕНКОВ. **«Я был пехотой в поле чистом...»** 183

Семён ГУДЗЕНКО. **Стихи** 199

РУССКИЙ ВОПРОС

Евгений ЕВТУШЕНКО. **О несовместимости суперэтносов** .. 204

Федор ПАПЯНИ. **Тезисы русской ликвидации** 210

СУДЬБЫ

Эмма МЕНЬШИКОВА. **«Судьбы трагичней и парадоксальней не найти»** 214

СУММА ТЕХНОЛОГИЙ

Сергей ОВЧИННИКОВ. **Сценарий жрецов глубинного государства** 230

ТАЙНОЕ И ЯВНОЕ

Владимир БОЛЬШАКОВ. **Капкан хазарского каганата** 241

УРОКИ ИСТОРИИ

Владимир АНИЩЕНКОВ. **Перед шестым разделом Польши** 265

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Дмитрий ОРЕХОВ. **Мы думали, что победили фашизм** 272

Александр СЕВАСТЬЯНОВ. **О нашей мотивации** 275

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. **Протуберанцы. Размышления и воспоминания. Продолжение** 278

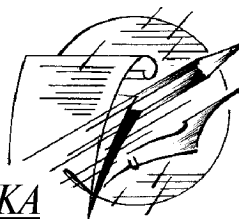
Владимир БОЛЬШАКОВ

О РУСОФОБСКОЙ СУЩНОСТИ ГЛОБАЛИЗМА

Преступники на пьедесталах

Июнь 1917 г. Американский банкир и лидер нью-йоркских сионистов Якоб Шифф покупает целый пароход, набивает стрелковым оружием трюмы и передает его обосновавшемуся в США недоучке и террористу Лейбе Троцкому, который вместе с группой сионистских боевиков из Нью-Йорка отправляется на нем в Петроград делать революцию, взрывать Российскую Империю и готовить убийство всех Романовых. Такова была месть Шиффа за отказ Николая II отменить черту оседлости.

Всё окружение Ленина и Троцкого и сионистское лобби при Сталине — это сборище недоучек (ни укого из них не было диплома о высшем образовании, а Зиновьев даже среднюю школу не закончил), психопатов, авантюристов, террористов и уголовников, которые в первые годы советской власти последовательно занимались этноцидом русского народа. Творили они эти злодеяния в полном соответствии с заветами своих кумиров Маркса и Энгельса, призывавших к уничтожению «реакционных славянских народов», прежде всего русского.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Январь 1932 года. На кёльнской вилле барона Курта фон Шредера экс-канцлер Ф. фон Папен представляет главу нацистской партии НСДАП Гитлера управляющему Банком Англии в 1920—1944 гг. барону Норману и братьям Аллену (будущий шеф ЦРУ) и Джону Фостеру (будущий госсекретарь США) Даллесам (это двоюродные братья пятерки братьев Рокфеллеров). Достигнута договорённость о финансировании НСДАП и кредитовании немецкого Рейхсбанка со стороны Банка Англии. Все участники этой сделки с не состоявшимся художником Гитлером прекрасно знали, что он наркоман, извращенец и психопат. Но именно такой тип и нужен был воротилам США и Европы для борьбы с Россией и для передела мира. На это не жалели денег ни своих, ни чужих. Архивы Банка Англии свидетельствуют о том, что в марте 1939 года Норман помог нацистам продать золото, награбленное в оккупированной Чехословакии. Ровно через год тот же фон Папен вводит фюрера в круг промышленных и финансовых воротил Германии, а еще через две недели Гитлер становится рейхсканцлером. Не остались в стороне от этой сделки и Ротшильды, которые также финансировали Гитлера. Его сделали кумиром всей Германии, а затем — всей Европы. И за это заплатили своей жизнью около 30 миллионов советских людей, шесть миллионов евреев, включая советских евреев, около миллиона цыган. Это не считая гибели миллионов граждан Германии и других стран, влившихся в ряды гитлеровских полчищ. Вот на этой крови братья Даллес, сотворившие из Гитлера кумира для всей Европы, и получили для США статус мирового гегемона, ограбив при этом полмира.

Тупое орудие Запада

Каких кумиров и из кого создавали в России с самого начала перестройки? Горбачев — это классический пример самовлюбленного проходимца и недоумка, возведенного в ранг кумира мировыми кукловодами с целью дестабилизации СССР и всего социалистического содружества. Да, у него было два диплома о высшем образовании. Но он до конца своих дней так и не научился грамотно говорить по-русски. Достаточно вспомнить о том, что в слове «начать» Горбачев упорно делал ударение на первый слог. Для Запада он был управляемой марионеткой, и не случайно его кличку «Горби» дали говорящему электромобилю в американском мультфильме о роботах. До конца своей жизни он так и не понял, что его всего лишь использовали, как такой же расходный

материал, как и сменившего его алкоголика и авантюриста Ельцина. Его тоже возводили в кумиры. Ельцина, который 06.08.1990 г. объявил руководителям субъектов Российской Федерации «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить», на Западе рассматривали как послушного исполнителя известного «плана полковника Хауса», помощника президента США Вильсона (1912—1921) по развалу России на несколько государств, подчиненных США. И Ельцин эти расчеты оправдал на все 100%.

С июля по декабрь 1990 г. команда Ельцина, провозглашенного в августе того же года в результате парламентского переворота президентом РСФСР, организовала «парад суверенитетов» автономных республик и автономных областей. В документах того периода республики провозглашались носителями суверенитета. 1 июля в границах Свердловской области, которой Ельцин долгие годы командовал как первый секретарь Свердловского обкома КПСС, была провозглашена Уральская республика. Главы Свердловской, Пермской, Челябинской, Оренбургской и Курганской областей подписали заявление о намерении участвовать в разработке экономической модели на базе своих регионов. Проект нового территориального образования получил условное название «Большая Уральская республика». 9 ноября вышел указ президента Горбачева, по которому все решения по Уральской республике были признаны не имеющими силы. Однако история с Уральской республикой сыграла не последнюю роль в добавлении пункта в принятую 12 декабря Конституцию РФ, в которой указывается на равноправие субъектов Российской Федерации.

Были и другие попытки создания новых республик. Вот что значилось в проектах развала СССР в 1990—1991 годах:

1990 — Карачаевская республика.

1990 — Ненецкая советская автономная республика.

1991 — Абазинская республика.

1991 — Верхне-Кубанская казачья республика.

1991 — Лезгистан.

1991 — Поморская республика.

1991 — Ямало-Ненецкая республика.

Эти планы не сдали в архив и после развала СССР. В 1993 году по этим планам должны были появиться новые:

Балтийская республика.

Вологодская республика.

Петербургская республика.

Приморская республика.

Южно-Уральская республика.

Наш Дальний Восток и Якутия были всегда теми лакомыми кусками, на которые зарились последователи доктора Хауса со времен создания Дальневосточной республики (1919 г), и подпитывали там любые ростки сепаратизма.

А вырвать их с корнем не удалось по сей день. В январе—феврале 2009 года «мятеж» подняли жители Дальнего Востока — участники нескольких массовых митингов заново озвучили идею образования Дальневосточной республики и её возможного выхода из состава России.

Богатая алмазами и газом Якутия до 2009 года сохраняла в своей конституции положение о суверенитете. А оттуда, напомню, до Аляски рукой подать. Только 8 июня 2009 года Конституционный суд России призвал Якутию, а также Татарстан, Башкирию и Тыву убрать из своих конституций соответствующее положение. 17 июня Госсобрание Якутии согласилось выполнить это условие. Затем «сдались» и остальные.

До Ельцина так и не дошло, что на Западе его, классического квислинга, презирали как записного предателя. Как известно, предателей презирают даже те, кто их услугами пользуются.

Никогда не забуду, как после подписания основополагающего акта о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между РФ и 16 странами членами НАТО (фактически сегодня уже не действующего) в праздничном зале Елисейского дворца 27 мая 1997 года я увидел, что Ельцин что-то сказал президенту США Клинтону. Тот, выслушав перевод, буквально согнулся пополам от смеха. Позже мне рассказали знакомые переводчики, что Ельцин сказал Клинтону: «Мы тут с тобой Билл — самые умные. А все остальные — дураки».

Вскоре после этого Клинтон публично заявил: «Мы теперь имеем в лице руководства России тупое и послушное орудие в наших руках». В свете последних событий на Украине реакция Клинтона на слова Ельцина становится куда понятнее. К счастью, это «тупое орудие» было вовремя убрано из Кремля.

Фатальная несовместимость

Война современных миров и цивилизаций неизбежна в результате несовместимости их базовых ценностей. Господь наделил человека свободой выбора. Он сам должен выбрать между добром и злом. Достоевский писал: «Дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей». В наши дни это битва двух противостоящих миров, битва Добра и Зла за буду-

щее человечества. Чтобы победить в этой битве, России самой нужно очиститься от той скверны, что внес в нее переход к рыночной экономике, которая неизбежно приводит к торжеству своекорыстия, культу наживы и торгашества. Для понимания той трансформации, к которой принудили российское общество после развала СССР внешние враги и «пятая колонна» в России, вспомним работу Карла Маркса «К еврейскому вопросу».

«Практическая потребность, эгоизм — вот принцип гражданского общества, и он выступил в чистом виде, как только гражданское общество окончательно породило из своих собственных недр политическое государство, — писал основатель научного коммунизма. — Бог практической потребности и своекорыстия — это деньги. Деньги — это ревнивый бог Израиля, пред лицом которого не должно быть никакого другого бога. Деньги низводят всех богов человека с высоты и обращают их в товар.

Деньги — это всеобщая, установившаяся как нечто самостоятельное, стоимость всех вещей. Они поэтому лишили весь мир — как человеческий мир, так и природу — их собственной стоимости. Деньги — это отчужденная от человека сущность его труда и его бытия; и эта чуждая сущность повелевает человеком, и человек поклоняется ей.

Бог евреев сделался мирским, стал мировым богом. Вексель — это действительный бог еврея. Его бог — только иллюзорный вексель... То, что в еврейской религии содержится в абстрактном виде — презрение к теории, искусству, истории, презрение к человеку как самоцели, — это является действительной, сознательной точкой зрения денежного человека, его добродетелью. Даже отношения, связанные с продолжением рода, взаимоотношения мужчины и женщины и т.д. становятся предметом торговли! Женщина здесь — предмет купли-продажи. Химерическая национальность еврея есть национальность купца, вообще денежного человека» (Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 1. С. 409).

В России предметом купли-продажи стало даже материнство, о чем в свое время не мог догадаться и сам Маркс. Процесс возрождения идеалов и духовных ценностей Русского мира в ней только начался, и будем надеяться, что в конечном итоге он восторжествует.

Изначальная несовместимость наших миров и систем очевидна, как несовместимость добра и зла. И прежде всего в мировоззрении и мировосприятии.

История войн миров и цивилизаций показывает, что вооруженные конфликты и самые беспощадные войны чаще

всего возникали тогда, когда то или иное государство ошущало не только военную угрозу со стороны противостоящей ей цивилизации, но прежде всего угрозу своим традиционным ценностям, религии или идеологии.

Тому примеры — войны Рима и Карфагена, многочисленные религиозные войны Средневековья. А после Великой схизмы 1054 года походы католических и протестантских держав на православную Русь, продолжением которых стали поход Наполеона на Россию с его Великой армией, где была представлена вся Европа, и «Дранг нах Остен» («Поход на Восток») Гитлера, армия которого была сформирована из европейцев по тому же образцу.

К началу СВО на Украине стало окончательно очевидным то, что поборники поглощения России Западом скрывали под идеями мирного сосуществования, «наведения мостов» и «перезагрузки» наших отношений с США и их союзниками. Под видом сотрудничества с СССР готовился его развал. Под видом разрядки строили конкретные планы ядерной войны с Русским миром.

Маньяки с ядерной бомбой

Напомню. Уже в ноябре 1945 года в США был составлен документ, в соответствии с которым намечалось подвергнуть атомной бомбардировке 20 городов в Советском Союзе. Среди них — Москва, Горький, Куйбышев, Свердловск, Новосибирск, Омск, Саратов, Казань, Ленинград, Баку, Ташкент, Челябинск, Нижний Тагил, Магнитогорск, Пермь, Тбилиси, Грозный... Более обширный список был включен в 1947 году в чрезвычайный общий план боевых действий «Бройлер», затем одобрили еще более людоедские планы «Фролик» и «Хафмун» (осенью того же года). Директивы президента Трумэна предусматривали, что «нанесение первого удара по советскому ядерному потенциалу — главная задача в случае войны». При этом в совершенно секретном меморандуме № 20/4 Совета национальной безопасности США от 23 ноября 1948 года уточнялось, что уничтожить следует не только Россию и «организационные структуры коммунистических партий», но и как можно больше русских. Такие же задачи 30 лет спустя поставил перед Пентагоном советник по национальной безопасности З.Бжезинский.

Единый план военных операций «Троуджен», одобренный в декабре 1948 года, предусматривал ядерную бомбардировку уже 70 советских городов. Принятый в октябре 1949 года чрезвычайный план военных операций «Офтэкл» — 105 го-

родов. Перечень целей стратегической авиации США в СССР в 1956 году насчитывал 2997 целей атомных бомбардировок, в начале 1957-го — 3261 цель. В 1959-м, рассмотрев около 20 тысяч объектов на территории СССР, разведслужба ВВС рекомендовала довести к 1970 году число целей для ядерных ударов ракет и бомбардировщиков США до 6955...

И что переменилось за всё то время, прошедшее со дня принятия первых планов «атомной бомбардировки СССР» в «медных лбах», как именуют в США пентагоновских генералов? В конце июня 1984 года генерал морской пехоты Б. Трейнор, заместитель начальника штаба по планированию, оперативным и политическим делам, выступил в военно-морском колледже в Ньюпорте с прогнозом, от которого у многих пробежали по коже мурашки: «В ближайшие 20—30 лет война с Советским Союзом представляется почти неизбежной... Мы, по всей вероятности, еще при нашей жизни вступим в столкновение с русскими. И миру следует проникнуться мыслью, что мы одолеем их...» Генерал почти точно назвал дату бандеровского переворота на Украине, после которого началась подготовка к наступлению на Донбасс.

Единый оперативный план действий № 2, принятый к концу правления президента Эйзенхауэра, предполагал, по характеристике ядерного физика Герберта Йорка, который с ним ознакомился, «превратить Россию в мусорную свалку». С некоторыми поправками этот план остается на вооружении американской военщины по сей день

При этом конечной целью коллективного Запада оставались развал и поглощение России, захват ее огромной территории и природных богатств, которые исчисляются в сотнях миллиардов долларов. Для этого и была сделана ставка на уничтожение ее государственности и суверенитета. Мог ли коллективный Запад соблюсти нейтралитет на современном этапе войны миров и цивилизаций? Мог до определенного времени, ограничиваясь локальными войнами и агрессиями против незащищенных стран. Следует напомнить, что с окончания Второй мировой войны США

- более 50-ти раз пытались свергнуть иностранные правительства, большинство из которых было избрано демократическим путем;
- грубо вмешивались в демократические выборы, как минимум, в 30 странах;
- совершили более 50 покушений на лидеров иностранных государств;
- бомбили население более чем 30 стран;

— пытались подавить народные или национально-освободительные движения в 20 странах.

Только после Второй мировой войны США вторглись в 74 государства. Безнаказанно. В результате чего США лишили жизни миллионы людей, обрекли на муки и отчаяния многие миллионы, несут ответственность за пытки многих тысяч людей.

Выход из своих экономических и политических проблем противостоящий нам западный мир всегда стремился находить в вооруженных конфликтах и войнах. Локальные свои проблемы там решали с помощью локальных войн, а глобальные — с помощью мировых. Выход из Великой депрессии, начавшейся 24 октября 1929 года с биржевого краха в США и продолжавшийся до 1939 года, был найден в развязывании Гитлером, поддержанным мировой закулисой, Второй мировой войны. Вот почему, как только появилась угроза повторения этой депрессии в наши дни, об угрозе третьей мировой войны заговорили именно с наступлением 2023 года.

Комментируя начавшуюся биржевую лихорадку, экс-президент США Дональд Трамп сказал: «Исходя из того, что происходит с нашей экономикой, Джо Байден станет Гербертом Гувером современной эпохи. У нас будет Великая депрессия, гораздо сильнее, чем в 1929 году. В доказательство банки уже начали банкротиться». Добавим к этому, что в США стремительно растет государственный долг. Он состоит из двух частей: внутригосударственного и публичного — их размер в январе 2023 года достиг соответственно \$6,9 трлн. и \$24,5 трлн.

Еще одна проблема — падение стоимости гособлигаций. А это уже проблема для подавляющего большинства финансовых организаций во всем мире, так как гособлигации всегда считались защитным средством во время кризисов, их накапливают. Рост ставок в США и Европе приводит сейчас к тому, что большая часть таких активов в банках обесценилась. Настоящим ударом для Соединенных Штатов стало резкое сокращение вкладов России в американские ценные бумаги с 629 миллионов долларов до 67 миллионов долларов за какой-то месяц. Экономическая система Запада затрещала по всем швам.

Всё это говорит о приближении глобального финансового кризиса, который может оказаться для коллективного Запада катастрофой масштабов Великой депрессии, если не куда более грандиозных. В этом одна из основных причин лихорадочных поисков средств спасения от подобных потрясений: не в мерах по оздоровлению системы, построенной на выка-

чивании максимальной прибыли, а в раздувании кризиса отношений с Русским миром и его союзниками, в первую очередь — с Китаем.

В окопах «холодной войны»

Запад всегда был и остается врагом России. Еще до окончания Второй мировой войны наши союзники по антигитлеровской коалиции стали переправлять в США и Канаду пособников гитлеровцев — власовцев, бандеровцев, усташей и прочих коллаборационистов. Некоторые из них продолжали действовать террором, укрываясь в сχροнах на Западной Украине и в лесах Прибалтики еще пять-шесть лет после войны. Из тех предателей, которым удалось уцелеть, готовили новую агентуру для ведения подрывной пропаганды, диверсий и терактов в СССР и в освобожденных Советской армией странах Восточной Европы. В бандеровской Украине они возведены сегодня в ранг национальных героев, а построенные по их образцу неофашистские группировки типа «Азова» стали ударными отрядами ВСУ и опорой киевского режима.

В июне 1950 г. в США был принят так называемый «закон Лоджа» (по имени его инициатора — сенатора Г.К. Лоджа) о создании «инострального легиона», в рядах которого к 1953 г. планировалось поставить под ружье 12,5 тыс. пособников фашистов, бежавших из восточноевропейских стран. Позднее было принято решение увеличить численность этого «легиона мерзавцев» к 1955 г. до 25 тыс. человек, что и было сделано.

12 октября 1951 г. Конгресс США одобрил закон о взаимном обеспечении безопасности. Он позволял, в частности, администрации расходовать до 100 млн. долларов в год на финансирование деятельности, проводимой «отобранными лицами, живущими в восточноевропейских странах, а также беженцами из этих стран. Из этой мрази ЦРУ, МИ-6 и другие разведки стран Запада формировали «правительства в эмиграции» не только социалистических стран Варшавского Договора, но и отдельных республик и областей Советского Союза, народы которых были объявлены «порабощенными».

«Неделя порабощенных народов, находящихся под контролем коммунистических режимов», впервые была организована в США в 1953 году, а в 1959 году приобрела официальный статус с принятием резолюции Конгресса США, автором проекта которой был потомок украинских эмигрантов

профессор Джорджтаунского университета Лев Добрянски, многолетний президент Украинского конгрессового комитета США и председатель Мемориального фонда жертв коммунизма. Во времена президентства Рейгана Лев Добрянски четыре года был послом США на Багамских островах. Работал также консультантом Госдепартамента, Пентагона, ЦРУ и других госструктур США. Он активно лоббировал вопрос о выходе Украины из СССР в Конгрессе и правительстве США.

В числе его студентов была Екатерина Чумаченко будущая первая леди Украины. К Ющенко — ее посадили в самолете. А ее подругой стала дочь Льва Добрянски Пола Добрянски, аспирантка бывшего госсекретаря США Збигнева Бжезинского, известного стратега антикоммунизма и паталогического русофоба. Пола работала позже заместителем государственного секретаря США по глобальным вопросам в администрации президента Буша-младшего. Вот как всё завязано воедино. И это лишь несколько иллюстраций к тому, как выстраивалась операция по отрыву Украины от России и превращению ее в передовую когорту нового похода Запада на Русь.

17 июля 1959 года президент Дуайт Эйзенхауэр придал резолюции Добрянски, подготовленной в ЦРУ, силу закона. Согласно этому закону, президент США уполномочивался провозглашать «Неделю порабощённых народов» ежегодно — «до тех пор, пока все они не обретут свободу и независимость». «Неделя» отмечается в США в третью неделю июля. В ходе неё проводятся официальные церемонии и демонстрации в поддержку «порабощённых народов».

В тексте резолюции Конгресса, ставшей законом, к «народам, утратившим национальную независимость благодаря империалистической политике, прямой и косвенной агрессии коммунистической России», были отнесены Польша, Венгрия, Литва, Украина, Чехословакия, Латвия, Эстония, Белоруссия, Румыния, Восточная Германия, Болгария, континентальный Китай, Армения, Азербайджан, Грузия, Северная Корея, Албания, Идель-Урал, Тибет, Казакия, Туркестан, Северный Вьетнам и др.

В 2008 году президент Джордж Буш, объявляя в очередной раз о проведении «Недели», включил в «порабощенные» такие страны, как Белоруссия, Бирма, Куба, Иран, Северная Корея, Судан, Сирия и Зимбабве, и одновременно призвал к «поддержке молодых демократий в Афганистане и Ираке». Отмечу, что Конгресс русских американцев (КРА) в течение многих лет пытается инициировать отмену или, по крайней

мере, изменения в тексте этого закона, провозглашающего русский народ «поработителем других наций». И до сих пор безуспешно.

В перечне народов, всё ещё якобы «ожидающих освобождения от тоталитарных и деспотических режимов» указаны такие территории, как Идель-Урал и Казакия. Такие термины использовались в гитлеровском плане «Ост» по организации геноцида славян в будущих концлагерях за Уралом, разработанном рейхсминистром нацистской Германии Альфредом Розенбергом.

Государственным секретарем в правительстве 35-го президента США Дуайта Эйзенхауэра (1953—1961) стал Джон Фостер Даллес, провозгласивший «доктрину освобождения» в качестве основы внешней политики США. Даллес требовал «освобождения» Латвии, Литвы, Эстонии, Польши, Чехословакии, Восточной Германии, Венгрии, Болгарии, Румынии, Албании, Монголии, Тувы, Китая, Северной Кореи, островов Хабомаи и Шикотан. Разъясняя смысл новой доктрины, выдвинутой Даллесом, видный американский обозреватель Сайрус Лео Сульцбергер (1912—1993) писал: «Говоря об «освобождении», он имел в виду, что Соединенные Штаты готовы, если необходимо, силой поддержать любую контрреволюцию в Восточной Европе». Незадолго до своей смерти Сульцбергер пригласил меня в свою парижскую квартиру на встречу с аккредитованными во Франции иностранными журналистами, в ходе которой подтвердил, что доктрина Даллеса оставалась на вооружении вплоть до развала СССР и ликвидации Варшавского Договора. Очевидно, что уже при Даллесе коллективный Запад взял курс на уничтожение СССР. Все попытки советского руководства вернуться к Ялтинским договоренностям отвергались.

На Западе до сих пор в развязывании «холодной войны» винят СССР и лично Сталина. И мало кто знает, что еще до инаугурации Эйзенхауэра Сталин, отвечая на вопрос корреспондента «Нью-Йорк таймс» Джеймса Рестона 21 декабря 1952 г., заявил о готовности «сотрудничать» с будущим правительством США в любом «новом дипломатическом мероприятии, имеющем целью положить конец войне в Корее». Сталин выразил готовность начать переговоры с Эйзенхауэром для обсуждения вопроса «об ослаблении международного напряжения». Однако после прихода к власти ни Эйзенхауэр, никто из членов его кабинета не откликнулся на заявление советского лидера. Внезапная же смерть И.В. Сталина 5 марта 1953 года породила в США, по словам советского историка, члена института Кеннана (США) Ю. Мельнико-

ва, «иллюзорные надежды на возникновение «внутренних осложнений» в СССР, на «ослабление» его мощи». Однако события 17 июня 1953 года в столице ГДР — Берлине, где было быстро разгромлено антиправительственное выступление, а затем и подавление антикоммунистического путча в Венгрии в 1956 г., показали иллюзорность расчетов на непрочность позиций СССР и ее союзников в Европе. Только развал СССР и Варшавского Договора позволили послевоенным претендентам на мировое господство взять реванш.

20 февраля 1953 г., т.е. вскоре после вступления в должность президента, Эйзенхауэр направил конгрессу США письмо «о солидарности с угнетенными народами», которому 26 февраля конгресс придал юридическую силу. Принятие конгрессом такого решения было подготовлено выступлением Даллеса в сенатской комиссии по иностранным делам 15 января 1953 г., где он заявил о намерении сменить политику «сдерживания» на другую — «более динамичную», цель которой — «освобождение всех захваченных народов».

В своем рождественском послании в декабре 1955 г. Д. Эйзенхауэр вновь подчеркнул: «Мирное освобождение поработанных стран было, есть и останется одной из главных целей США до тех пор, пока она не будет достигнута». Однако слово «мирное» из официальной риторики быстро ушло после принятия даллесовской «доктрины балансирования на грани войны».

В своих речах и выступлениях в январе—июле 1956 г. госсекретарь США Дж. Ф. Даллес объявил, и не раз, что «многообещающие и обнадеживающие изменения» в социалистических странах могут побудить США пойти в некоторых случаях на риск «мелких, локальных конфликтов», не чураясь «балансирования на грани войны». «Способность подойти к грани войны, но не оказаться вовлеченной в нее является необходимым искусством. Если вы попытаетесь обходиться без него, если вы побоитесь проводить такую политику, то вы пропали», — заявил госсекретарь США в интервью журналу «Лайф» 16 января 1956 г. По сути дела, это было объявление войны всему соцлагерю.

Сторонники «освобождения» исходили из того, что «коммунизм надо отбросить за границы 1939 г.» и «освободить» «поработанные народы» силой оружия или «мирным» путем, «используя для этого все приемлемые средства в военной, экономической, психологической, дипломатической и других важных областях».

По словам Дж. Ф. Кеннана, одного из самых влиятельных политиков того времени, «доктрина освобождения» пресле-

довала цель насильственного свержения власти как в СССР, так и в странах народной демократии, причем это выдвигалось в качестве активной внешнеполитической цели западных правительств и в особенности американского. «Необходимые для этого стимулы, — писал Кеннан, — должны исходить от нас, т.е. извне, а не изнутри самой советской сферы».

Политика «освобождения», по своей сути, была политической войны. Для реализации ее целей требовалась и новая военная концепция. И она появилась в виде провозглашенного в 1953 г. «нового взгляда на оборону», который предполагал размещение по всему миру ядерного оружия, пригодного для массового применения. Одновременно предусматривалась возможность ведения и «ограниченной» войны.

Единую цель «освобождения» и «нового взгляда на оборону» откровенно описал в своей книге «Сила и политика» в 1954 г. Томас К. Финлеттер: «Наша политическая цель в зоне НАТО заключается в оттеснении Советов не только от границ наших государств, но и с территории поработанных ими государств-сателлитов и из самой России... Мы твердо убеждены в том, что русский коммунизм так или иначе будет уничтожен... Верим, что он потерпит поражение, и хотим этому способствовать».

Да и Кеннан признавал, что «речь идет о такой политике, которая, если в ней зайти далеко, приведет к войне». Годы спустя остается только удивляться, как, досконально зная об этих планах уничтожения СССР и его союзников, можно было все послевоенные годы нашему руководству разглаживать о «мирном сосуществовании», «разрядке», перезагрузке и прочих бредовых концепциях внешней политики, можно сказать, с пистолетом Запада у виска.

Конечно и по ту сторону наших границ ощущение нашего пистолета было весьма схожим. Тотальная война для многих на Западе выглядит по сей день страшной и неприемлемой, да и соотношение сил в мире изменилось в пользу России и Китая. Поэтому одновременно с наращиванием стратегических ядерных вооружений против СССР и других соцстран велась «особая» война, война политическая и психологическая, которая, как отмечалось в уже упоминавшейся книге Дж. Бернхэма, «является единственной альтернативой неограниченного ядерного конфликта».

В США и других капиталистических странах появилось большое количество статей и исследований по вопросам ведения политической и психологической войны. Американский генерал Д. Сарнофф в своей книге «Программа наступления против мирового коммунизма» относил к задачам «по-

литической борьбы» организацию террористических акций, усиление враждебной пропаганды, широкую поддержку нелегальных организаций в странах народной демократии. Собственно, всё это и происходило вплоть до развала СССР и Варшавского договора в 1991 г. Все последние годы коллективный Запад готовился к новому, крупномасштабному столкновению с Россией, для чего и был организован бандеровский переворот на Украине в 2014 г. по классическому сценарию братьев Даллес.

Все та же ставка на предателей

2 марта 2023 года на территорию Брянской области со стороны Украины вторглась группа террористов в составе 50 человек. В сёлах Любечане и Сушаны они убили двух мирных граждан и ранили мальчика 11 лет. Ответственность за это и другие преступления, совершенные во время террористического рейда, взял на себя некий «русский добровольческий корпус» — подразделение, организованное ультраправым активистом Денисом Капустиным, более известным под псевдонимом Денис Никитин. Участник РДК Илья Богданов описывал в Facebook это формирование как состоящее из добровольцев, в прошлом воевавших в рядах «Правого сектора», «Азова» и других фашистских подразделений вооружённых сил Украины. По его же утверждению, среди участников рейда также были члены некой «партизанской сети», которая якобы действует на территории России. Из заявлений Никитина следует, что РДК действует вместе с ВСУ с августа 2022 года.

Радио ЦРУ «Свобода» описывает РДК как «боевое подразделение из российских эмигрантов в составе интернационального легиона ВСУ». Русская служба Би-би-си указывала, что, судя по всему, в 2022 году бойцы РДК действовали на запорожском и донецком направлениях российско-украинского конфликта.

Очевидно, что вылазка банды террористов под вывеской РДК с военной точки зрения была бессмысленной. Но не это было их целью. Главное, было засветиться и тем самым объявить на весь мир о существовании «русской вооруженной оппозиции». Не случайно, конечно, что в репортаж о налете РДК на Брянщину попал некий актеришка, который снимался в одном из репортажей Ксении Собчак и в телефильмах на вторых ролях. Но тут лыко пришлось, как говорится, в строку.

Незадолго до этих событий аналитики американского Института Хадсона вспомнили о годовщине распада Советского Союза и посетовали, что США не удалось «разрушить» его полностью. Они предрекли «коллапс» России уже в нынешнем 2023 году.

Президент США Джо Байден, выступая в Варшаве в этом году, обратился к российским гражданам, заверив их в том, что Соединённые Штаты не стремятся разрушить или контролировать Россию. Но тут г-н президент соврал. Не в первый раз.

Вся огромная система подрывных центров для действий против России задействована, как по тревоге, для реализации глобальной задачи коллективного Запада: «Россия не должна существовать».

Люк Коффи директор по внешним связям влиятельного стратегического исследовательского центра США Heritage Foundation (Фонд Наследия), который принимал непосредственное участие в разработке стратегии и сценария развала Советского Союза при президенте США Рейгане, открыто заявил, что этот фонд в последние годы сосредоточился на подготовке аналогичного сценария развала Российской Федерации. Он говорит об этом как о совершенно реальном проекте:

«Как подготовиться к окончательному распаду Советского Союза и краху Российской Федерации? Падение Берлинской стены в 1989 году и отставка Михаила Горбачева с поста президента Советского Союза в 1991 году ознаменовали лишь начало распада СССР, но не его окончательную кончину. Хотя формально СССР перестал существовать как государственное образование после 1991 года, его распад продолжается и поныне. Две чеченские войны, российское вторжение в Грузию в 2008 году, аннексия Крыма в 2014 году, постоянные пограничные стычки между Киргизией и Таджикистаном и вторая карабахская война 2020 года между Арменией и Азербайджаном — вот лишь некоторые примеры, доказывающие, что распад СССР продолжается и поныне.

Однако ключевым, если не последним его эпизодом будущие историки наверняка назовут ввод российских войск на Украину в феврале 2022 года. Границы Российской Федерации через десять или двадцать лет наверняка будут отличаться от нынешних. На фоне окончательного распада Советского Союза и возможного краха Российской Федерации политикам пора готовиться к новой геополитической реальности на евразийском пространстве».

Что это, как не объявление войны России?

Подельники неокolonизаторов

В своих сценариях развала России наши враги активно используют «разработки» известных деятелей российской пятой колонны, объявленных Минюстом РФ иноагентами. Так еще в 1998 году в интервью журналу «Полис» политолог и историк Юрий Пивоваров (объявлен в РФ иноагентом) заявил: «Кант говорил о том, что Россия не сможет управлять Сибирью. Это мне очень близко. Я убеждён, что Россия в ближайшие полстолетия уйдёт из Сибири: депопуляционные процессы будут столь сильны, что Россия географически сузится до Урала».

В 2011 году журналист Олег Кашин (объявлен в РФ иноагентом) высказал предположение, что будущий распад произойдёт по федеральным округам. Культуролог Игорь Яковенко (объявлен в РФ иноагентом) выделяет следующие регионы, на которые, по его мнению, может распасться РФ: Север и Юг России, Сибирь, Северный Кавказ и межконтинентальная граница. Распад России в ближайшие десятилетия решился накаркать и обосновавшийся в Израиле иноагент Виктор Шендерович.

Свою вендетту против России ведёт и беглый олигарх иноагент Михаил Ходорковский. По его утверждению, существует достаточно большая часть западного общества и представляющих её политиков, которые полагают, что *России неплохо было бы просто перестать существовать*.

Известный американский советолог Ричард Пайпс, начиная с 1950-х годов, проводил много времени в государственных архивах СССР и общался со своими коллегами, советскими историками. В 2015 году вышла книга Пайпса «Два пути России». В ней он отстаивал принципы, сформированные им в предыдущие годы, среди которых главный — Россия часть Запада, но всей своей историей демонстрирующая, что боится признаться в этом. «Мне кажется, — писал он, — что Россия слишком большая страна. Вы никогда не были способны управлять этой страной. Было бы гораздо лучше, если бы Сибирь отошла, и вы были бы только Россией».

Посмотрите на карту, на которой Россия превращена в лоскутное одеяло региональных суверенитетов. Создается впечатление, что эта карта, составленная по лекалам полковника Хауса образца 1919 года при президенте США Вудро Вильсо-не (1912—1921 гг.), с тех пор и не покидала Белый дом при всех последующих президентах США и только пополнялась вновь придуманными за океаном «суверенитетами» вплоть до нынешнего Джо Байдена, которого трясёт при слове «Россия».

После бандеровского переворота на Украине в США в полном соответствии с даллесовскими доктринами «освобождения» и «балансирования на грани войны» была разработана новая антироссийская «доктрина деколонизации России». Сама идея родилась в недрах Комиссии правительства США по безопасности и сотрудничеству в Европе (она же Хельсинская группа), которая тесно сотрудничает с Национальным фондом за демократию США (NED). Финансируется этот фонд преимущественно Конгрессом в рамках бюджета агентства США по международному развитию. С момента своего основания в 1983 году он финансировал цветные революции у границ СССР (Польша, Чехословакия, Сербия). Он же сыграл немалую роль в финансировании украинского Майдана в 2014 году. Вся эта система действует в координации с ЦРУ и госдепартаментом США.

С самого начала СВО Госдеп заявил о «необходимости смены режима» в Кремле. В конце июня 2022 г. Хельсинская группа провела онлайн-брифинг под названием «Деколонизация России: нравственный и стратегический императив». Ставка и на этот раз была сделана на беглых «националистов» и предателей всех мастей, которые выдавали себя за представителей нацменьшинств, жаждущих «независимости от России и выхода из ее состава. Среди этих иноагентов наиболее известны:

Форум свободных народов России. Рекламируется как «объединение представителей и сторонников национальных и региональных движений, которые считают разделение территории РФ на самостоятельные государства возможным сценарием недалёкого будущего». Форум собирался 22—24 июля 2022 г. в Праге, где была принята «декларация о деколонизации России». Прага давно уже используется на Западе как площадка для антироссийских сборищ. Именно в Праге в 1944 году состоялось учредительное собрание власовского Комитета освобождения народов России (КОНР), который принял так называемый Пражский манифест. Его содержание удивительно напоминает нынешнюю «Декларацию о деколонизации». И там, и там всё та же песня: «свержение тирании», «освобождение народов России», «почетный мир». Свое обращение к собранию Андрей Власов в 1944 году закончил словами: «С нами симпатии всех прогрессивных народов мира». Этот же посыл заложен и в Декларацию о деколонизации 2022 г. Разница лишь в том, что в 1944 году КОНР курировал рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер. А в 2022 г. роль куратора новых власовцев и соавтора «Декларации о деколонизации» исполнил американец Пол Гобл,

сотрудник ЦРУ, «Радио Свобода», госдепартамента и Фонда Карнеги.

Гражданский совет — политическое объединение, объявившее набор добровольцев в ряды национальных подразделений в составе ВСУ, в том числе т.н. «русского добровольческого корпуса», а также региональные и национальные организации «гражданского сопротивления».

Лига свободных наций. В конце мая 2022 года образовавшие ее представители шести (башкирских, бурятских, ингушских, калмыцких, эрзянских и удэгейских) национальных движений выступили с публичным заявлением о создании политической платформы с целью деколонизации народов России и обретения её субъектами реального суверенитета. В июле 2022 года Лига обратилась к президенту США Джо Байдену с просьбой «поддержать их народы в реализации права на самоопределение». Целых три представителя Лиги устроили акцию в Вашингтоне с флагами своих народов и провели пресс-конференцию...

Свободный Идель-Урал — общественное движение, ставящее целью обретение независимости народами Поволжья и др.

Всё это эмигрантское болото в последнее время активно заколыхалось, т.к. в его трясину попали весьма известные люди из так называемой «алии протеста» — журналисты, писатели, актеры театра, кино, «звезды» нашей эстрады и даже спорта. Свои имена в эмиграции они потеряли и приобрели только клички, как бывшая Алла Пугачева в Израиле, где ее именуют уже не «примадонна российской эстрады», а «наша Боруховна». Бедствует в Латвии актриса Чулпан Хаматова — ее спектакль там отменили прямо в день премьеры. Попытки русских артистов закрепиться на Украине были вообще жестко пресечены, ибо там русский язык запрещен, и говорить на нем на людях небезопасно. Зарабатывают — и то несравнимо меньше, чем в России, отдельные журналисты и писатели, пристроившись у микрофонов подрывных радиостанций ЦРУ, вещающих на Россию. Тем, кто за такого рода работу на врагов России, были объявлены иноагентами Минюстом РФ, сюда лучше не возвращаться. А тем, кто правдами и неправдами в России пытается вернуть этих беглецов с таким клеймом в российский эфир, надо понять, что и они за такого рода махинации могут попасть в тот же список иноагентов.

Оскал «Международного суда»

17 марта с.г. Международный уголовный суд (МУС), дислоцированный в Гааге, выдал мандат на арест президента России В.В. Путина и детского омбудсмена Марии Львовой-Беловой. С цинизмом беспредельным их обвинили в «насильственном вывозе украинских детей в Россию». Именно так бандеровский режим назвал гуманитарную акцию по эвакуации детей Донбасса из-под ежедневных людоедских обстрелов Донецка ракетами и бомбами ВСУ, в результате которых за последние восемь лет погибли сотни детей. Этот беспрецедентный акт юридического разбоя международных масштабов был подготовлен при активном участии администрации США и штаб-квартиры президента Украины Зеленского.

На сегодняшний день «обязанность ареста и передачи в распоряжение МУС есть у государств, которые ратифицировали Римский статут Международного уголовного суда. На июнь 2015 года его ратифицировали 123 государства. Таким образом создан международный заговор с целью ареста президента России и его убийства, к чему давно уже призывают США, подталкивая к этому преступлению своих союзников и свою пятую колонну в России.

Вот лишь один пример. 5 августа 2014 года в интернет-журнале «American Thinker» («Американский мыслитель»), популярном у американских правых, появилась статья Герберта Е. Мейера «Как решить проблему Путина?» В ней автор давал такие рекомендации: «...Мы должны дать российским олигархам и топ-менеджерам, против которых направлены западные санкции, понять, что Путин — это их проблема, а не наша. Возможно, эти люди не обладают политическим гением и возвышенным патриотизмом наших отцов-основателей, но они не идиоты. Скорее всего, им не потребуется много времени, чтобы собраться для тихого разговора — например, в московском офисе или, что более вероятно, на яхте где-то у Лазурного берега, — чтобы... ну, скажем, решить, что будет лучше для будущего России. Так как деликатность с русскими не работает, *президент США и его европейские коллеги должны дать этим людям абсолютно ясный сигнал о том, что нас не интересует, как именно они будут решать проблему Путина* (курсив мой. — В.Б.). Если они смогут убедить старого доброго Владимира покинуть Кремль с воинскими почестями и торжественным салютом — отлично. Если Путин слишком упрям, чтобы понять, что его карьера закончена, и из Кремля его можно вынести только вперед ногами с дыркой в затылке — нас это тоже устроит.

Мы не будем возражать и против черного юмора... Например, когда Путин в следующий раз будет возвращаться в Москву после очередного визита к кубинским, венесуэльским или иранским своим друзьям, его самолет вполне могут сбить какие-нибудь сомнительные повстанцы, в руки к которым непонятным образом попала ракета «земля — воздух».

Герберт Е. Мейер, для которого убийство президента России — это всего лишь проявление «черного юмора», — далеко не рядовой сотрудник ЦРУ, в штате которого семейство Мейеров прописалось давно и по сей день весьма влиятельно в деловом истеблишменте США и в американском филиале международного сионизма. Вышеупомянутый Герберт Е. Мейер, став специальным помощником директора ЦРУ, затем поднялся до уровня заместителя председателя Национального совета США по разведке в администрации президента Рейгана. Журнал «American Thinker» представляет его как «первого человека, предсказавшего развал СССР». Мейер и был одним из главных разработчиков операции по развалу СССР, начатой по распоряжению президента Рейгана в начале 80-х годов. Именно Мейер подготовил доклад о «реперных точках» «советской империи», то есть об уязвимых местах, на которые он рекомендовал оказывать усиленное давление с целью добиться паралича советской системы и всего социалистического содружества.

Не исключено, что Клод Мейер или кто-то из его родственников в ЦРУ приложили руку к операции «Ордер на арест Путина». «Этот ордер, — поясняет «Нью-Йорк таймс», — усилит изоляцию Путина на Западе и может ограничить его передвижения за рубежом. Если он посетит страну, которая входит в МУС, эта страна должна его арестовать согласно своим обязательствам по международному законодательству». По мандату МУС после ареста его должны передать в Гаагу.

Решение МУС — это прямая угроза жизни и безопасности руководителя нашего государства, которое является постоянным членом Совета безопасности ООН и обладателем второго, если не первого, арсенала ракетно-ядерного оружия в мире. Случись что-то — допустим непредвиденная посадка самолета нашего президента в одной из 123 стран членов МУС, ее власти обязаны будут арестовать и препроводить его в ту же тюрьму в Гааге, где убили бывшего президента Югославии Слободана Милошевича, арестованного без всяких на то юридических оснований по ордеру МУС, право которого на такие действия не признают США, Великобритания, Россия, Китай, Израиль и другие государства члены

ООН, у которой есть свой Международный суд, признанный мировым сообществом.

О том, что и Путину на Западе хотели бы подготовить такую участь, уже не скрывают ни США, ни их союзники по НАТО. Более того — открыто грозят убийством президенту России. То, что такие угрозы, как и любые попытки осуществить этот заговор на практике — это преступление, уже за подготовку которого злоумышленникам грозит суровая кара, общеизвестно. Но как только МУС вынес свой вердикт, его открыто поддержали президент США Джо Байден, канцлер ФРГ Шольц и др. Ни один из членов этого «международного суда», а их ровно 123, включая наш бывший Таджикистан, не заявил о своем протесте против решения суда, не говоря уже о выходе из его состава.

Казалось бы, Москва, не дожидаясь подобного поворота событий должна была бы в тот же день, когда было объявлено решение МУС, всё поставить на свои места. Во-первых, вызвать в МИД на ковер одновременно всех послов 123 стран членов МУС и предъявить им недвусмысленный ультиматум — либо ваши страны в знак протеста против преступных действий гаагского суда в течение ближайшего месяца порывают все связи с МУС, либо дипломатические отношения с вами будут разорваны полностью или понижены до уровня консульских. Во-вторых, объявить вне закона все действия МУС и его представителей на территории России, а за нарушение этого запрета предусмотреть наказание в виде длительного тюремного заключения. И это было бы справедливо и не противоречило международному праву и традициям дипломатических отношений между государствами членами ООН и, наоборот, способствовало бы укреплению мира и международного сотрудничества на нашей планете.

Однако ничего подобного мы не наблюдали. Глава МИД РФ С. Лавров медлил с заявлением в адрес МУС и только неделю спустя решение этого суда об аресте Путина назвал «ничтожным». В том же духе высказался представитель России в ООН Небензя.

Пресс-секретарь Путина Дмитрий Песков также назвал решение МУС возмутительным и ничтожным и напомнил, что Россия в МУС не входит и его юрисдикции не признает. Замглавы Совета безопасности РФ Д. Медведев поначалу сравнил мандат МУС на арест Путина с туалетной бумажкой, а затем то ли в шутку, то ли всерьез пригрозил шархнуть по зданию этого суда в Гааге сверхзвуковой ракетой.

В общем, официальную реакцию Москвы на беспрецедентное в международных отношениях покушение на личность

и безопасность руководителя государства попытались представить как некий не заслуживающий внимания нонсенс-ляпсус, смешное недоразумение и оксиморон. Возможно, такую указивку наши официальные лица получили с самого верха. Но как бы там ни было, за державу обидно.

Неужели в наших верхах не понимают, что если уберут Путина, а на Западе не скрывают, что готовы всё для этого сделать, то и их не пощадят? Неужели не дошло еще, что выдача мандата на арест главы Российской Федерации равнозначно объявлению ей войны?

И неужели организаторы всей этой авантюры рассчитывают на то, что это все им сойдет с рук? На Западе решению МУС оказали самую решительную поддержку. Одним из первых это сделал президент США Дж. Байден, хотя США не входят в МУС, и не раз с ним вступали в конфликт, потому что международная общественность требовала привлечь к суду руководство США за их военные преступные действия в Ираке, Афганистане, Ливии и др. странах.

В частности, США ввели санкции против сотрудников МУС, «напрямую причастных к любым усилиям по проведению расследований и судебных процессов в отношении американских военнослужащих без согласия США». А тут появился повод предстать белыми и пушистыми! И вот президент США Джо Байден заявляет, что выдача Международным уголовным судом «ордера на арест» президента РФ Владимира Путина и детского омбудсмена Марии Львовой-Беловой является «оправданной». Вслед за ним и канцлер ФРГ Олаф Шольц приветствовал решение МУС.

«Я ожидаю, — цитирует министра юстиции ФРГ Марко Бушманна газета *Die Zeit*, — что президента России арестуют в случае его визита в Германию. МУС быстро свяжется с Интерполом, а также с государствами-участниками и попросит их об исполнении требования. Затем Германия будет обязана арестовать президента Путина, когда он въедет на немецкую территорию, и передать его МУС», — сказал министр. Задуманное таким образом преступление хотят с помощью МУС прикрыть авторитетом 123 входящих в него государств, прикрыть давно готовящуюся расправу над Путиным международным правом.

Президент Сербии Александр Вучич заявил, что выдача гаагским Международным уголовным судом (МУС) ордера на арест президента России Владимира Путина является шагом к крупнейшему конфликту в истории человечества. «Это эскалация, у которой нет конца. Боюсь, что мы, возможно, идем в направлении самого большого конфликта в

истории мира», — считает Вучич. Он также добавил, что в связи с этим он задается вопросом, хватит ли у кого-нибудь ума не доводить эту ситуацию «до конца», и понимает ли кто-нибудь, к каким последствиям данное решение может привести?

Противостояние коллективного Запада с Русским миром резко обострилось. «Берегите себя», — сказал Путину на прощанье в Москве Си Цзиньпин. Этим всё сказано. Понятно, что имел ввиду лидер Китая. Запад в союзе России и Китая увидел прямую угрозу своему статусу мирового гегемона. И всё говорит о том, что он утратит его в ближайшее время. А загнанные хищники, как известно, бросаются на загонщиков.

В полном соответствии с доктринами русофоба Даллеса Запад вновь балансирует на грани войны с Россией. Ордер МУС на арест главы нашего государства — это последний шаг к тому, чтобы объявить Россию страной-изгоем, исключить ее из мирового сообщества. Перейдены уже все красные линии, в том числе в конфликте на Украине. Подрыв газопровода «Северный поток». Обстрелы российской территории, налеты беспилотников-камикадзе ВСУ на базу наших стратегических бомбардировщиков, на корабли Черноморского флота и городов в Крыму, диверсии в нашем глубоком тылу. Нарушены все правила игры, все негласные договоренности. Последний тому пример — решение Лондона поставлять ВСУ снаряды с обедненным ураном.

Не пора ли России дать на всё это самый жесткий ответ, отказавшись от всех ранее достигнутых с Западом договоренностей и «правил игры», которые там никто не собирается соблюдать? Но раз уж решили в Вашингтоне и Брюсселе окончательно растоптать международное право, вторгаясь на территорию суверенных государств, либо напрямую, как в Ираке и Афганистане, либо путем прокси-войн, как на Украине, если казнят неугодных им лидеров без суда и следствия, открыто угрожают расправой президенту России и готовят на него покушение, то не пришло ли время и России адекватно на все это ответить?

Василий ВОРОНОВ

НА СВОЕМ БЕРЕГУ

РАССКАЗ

У Липы яркая родинка на маленькой щеке.

Когда девушка смеялась, родинка приплясывала, и всем в ее компании становилось веселее. На беспокойной шейке Липы волновались пушистые, цвета спелого овса, колечки. На ее вопросительном носике цвели три конопушки. Когда улыбалась, пятнышки исчезали, задумается на минуту, проявляются, как на фотобумаге. В этих маленьких подробностях таилась неразгаданная прелесть. Даже ревнивые застряжские красавицы говорили ей комплименты: «У тебя огнеопасная улыбка, жги, девка»!

Неразгаданная прелесть Липы долго и мучительно сводила с ума ее одноклассника Федю. Он начал погибать, кажется, с четвертого класса. Его внимание обострилось до зверушачьей, до кошачьей чуткости. Издалека слышал и различал ее походку. Слышал неуловимое дыхание. Внутренним зрением держал неусыпно ее совершенный бестелесный образ. Привычная будничная жизнь в Загряжке несколько не разрушала этот образ для влюбленного. Даже если бы сама

ПРОЗА

Липа говорила ему, что своими руками чистит картошку и варит суп, кормит кур и кроликов, ходит в магазин и в аптеку. Он бы ни за что не поверил даже самой Липе. Она королевская бабочка, для нее только нектар и амброзия!

Не буду томить читателя, как долго и мучительно погибал Федя. Упаси Бог, я не додумаюсь пустить ему пулю в лоб, как сделал это жестокий немец Гете, застрелив бедного Вертера. Мне жалко Федора, он мне нужен живой, чтобы рассказать вам его драматическую историю.

Когда ребята оканчивали школу, Федор осторожно высказал Липе мысль о поступлении в «ремеслуху». Ему нравились строительные профессии. Липа давно сделала свой выбор и уже готовилась к экзаменам в институт культуры. Феде же поставила условие:

— Ты, Федя, иди в военное училище, я хочу выйти замуж за офицера.

Впервые, наверное, они расставались так надолго. Федя не выдержал вступительного экзамена в военное училище и вскоре вернулся в Загряжск. Липа приехала через месяц, она поступила на режиссерское отделение народных театров. Встреча была пылкой, соскучились, не могли наговориться. Детство кончилось. Липа уже по-взрослому, как жена, советовала:

— Ничего, на следующий год поступишь. Тебе очень идет офицерская форма!

В Загряжск приехал Костя Моцарт.

По-разному рассказывают здесь о его последнем визите на родину. Я привожу рассказ об этом старого казака Андрея Васильевича, любезного моему сердцу Дрюни, которому всецело доверяю.

«Печальная история. Костя Моцарт мой внучатый племянник. Он родился для радости и удовольствий вокруг себя. Родился прямо с гармонью, потому что начал играть еще мальцом в детском садике. Играл на разных инструментах. На пианине, на гитаре, на басах и флейтах, на всех струнах, даже на расческе с бумажкой. И пел, сопляк, голосом Робертино Лоретти. В Загряжске его обожали. Костя играл и пел на свадьбах и праздниках, на юбилеях и банкетах, на дискотеках во Дворце культуры. И просто так, на скамейке возле дома. Ему давали деньги, конфеты, пепси-колу, пиво и тайком даже водку. Костя смальству, подростком, всё перепробовал. Потом знающие люди стали возить мальчишка по городам на концерты, на фольклорные праздники. Его показывали профессорам в консерватории. Ученые люди сделали

такое заключение: мальчик без нот, без специальной грамоты воспроизводит на слух любую мелодию. В консерватории ему сыграли на фортепьяне «Танец с саблями», он тут же повторил его на баяне нота в ноту...

Из Москвы Костя привез диск с записью его сольного исполнения русских песен и романсов. Он у меня на полке стоит, можно послушать. По душе гладит. Ангел поет, скрипка кричит человеческим голосом. Бабки говорили, что такие люди долго не живут.

Костя бросил школу и пошел в артисты. Два специалиста возили его по разным городам и как настоящему артисту организовывали концерты, платили большие деньги. На гонорары родители Кости построили хороший дом и купили машину «Волга». Костя стал знаменит, как Надежда Бабкина, и богат, как Иосиф Кобзон. Но как он жил в Москве, с кем он жил, в каких компаниях вращался, никто в Загряжке не знал. Питались исключительно слухами из желтой прессы. Там писали, что он жил гражданским браком с композитором Пахмутовой, но ее законный супруг опровергнул эту брехню и набил Константину морду. Потом вроде бы сбежал в Америку с фольклорной певицей Кадышевой. Певица вернулась, а Костя застрял в Америке. Опять же, толком никто ничего не знает. В газетах печатали фотографии. Костя с Лучано Паваротти. Костя с Адрианом Челентано. Костя и Элизабет Тейлор. Костя с толстой негритянкой. Очень высоко взлетел Костя. Полетал по белому свету...

В Загряжск приехал совсем другой Костя. Отдали мы его писаным красавцем с золотыми кудрями, а вернули нам облезлого кота в лаковых туфлях, с черным редикюлем на запястье. И в черных очках. Вместо кудрей рыжие нечесанные волосья. На шее, на руках цветная татуировка. Сопровождал Костю такой же рыжий хмырь в татуировках по кличке Додик. Он же и возил его на японской машине. И не отходил от Кости ни на шаг. Костя, как лунатик, ходил по Загряжку и не узнавал земляков. Я поздоровался и хотел обнять племянника, но он с воплем замахал руками:

— Додик, умоляю, дай в рыло этому крестьянину!

Я увидел смерть в глазах инопланетянина. Больше я не встречался с ним».

Липа дружила с сестрой Кости Моцарта, Капитолиной. Роковым образом она встретила с Костей у подруги. Костя заглянул, чтобы попрощаться с сестрой перед завтрашним отъездом в Москву. Он устало сел за стол, заложив руки за голову. Додик тут же засуетился, попросил Капитолину:

— Что-нибудь холодненького.... Э-э, после вчерашнего.

Сестра принесла квасу и не сводила глаз с белого лица Кости. Покачала головой.

— Костя, ты болен. Я сейчас постелю, полежи хоть немного...

Додик хотел встрять, но Капитолина прожгла взглядом, и он молча присел за спиной Кости.

Проспал он до вечера. Липа с Капитолиной все время сидели рядом и шепотом переговаривались, жалеючи бедного Костю. Додик храпел на диване в прихожей. Потом Капитолина попросила Липу посидеть, а сама отлучилась ненадолго.

Костя проснулся и увидел перед собой куклу с родинкой на щеке. Кукла заговорила, и артист осторожно потрогал ее.

— Жи-ва-я... Кто ты?

Когда пришла Капитолина, Додик по-прежнему храпел на диване, а Липа с Костей о чем-то шептались, взявшись за руки...

Утром мать Липы, Римма Савельевна, постучала к Федору. Открыла дверь мать Феди.

— Извините, Липа не у вас?

— Нет.

— А Федя дома?

— Федя спит.

— Ради бога, позови его.

Сонный Федя поздоровался с Риммой Савельевной и спокойно сказал:

— Липа вчера после обеда пошла к Капитолине....

Капитолина молча выслушала встревоженную мать и отвела глаза в сторону.

— Я догадывалась.... Липа уехала с Костей в Москву.

Федя заболел и никого не хотел видеть. Лежал в постели с закрытыми глазами и чувствовал, что мысли уперлись в потолок. Губы шептали одно слово, одно имя. Голова пухла от бессилия, бессмысленности и тупика. В горле тошнило. Такое состояние, наверное, ощущают самоубийцы.

Мать, Галина Макаровна, выпроваживала с порога всех, кто приходил. Плакала и крестилась на святой угол: «Спаси, Господи, и сохрани».

Явился Жора Махоркин, закадычный друг Феди, и нахально объявил:

— Я, тетя Галь, уполномоченный от скорой помочи. Веди скорей к пациенту!

Видно, знал закадычный друг волшебное слово. Через полчаса друзья сидели за столом, а Галина Макаровна подавала яичницу, сало и малосольные огурцы.

— И стаканы! — Приказал Жора и достал из-за пазухи бутылку.

А ещё через полчаса Федя сидел с оттаявшими глазами, а Жора, как доктор, внушал:

— В твоём положении одному нельзя. Иначе с нарезки сойдешь! Надо набухаться как следует с умным человеком и поговорить по душам.

После этого друзья потянулись к Феде, как на обедню. И каждый за пазухой приносил что-нибудь. И каких только историй не наслушался Федор в своё утешение! Разумеется, разговор вёлся исключительно об изменах, о злоключениях любви.

Тракторист хлебозавода, носом похожий на Гоголя, по прозвищу Полтинник, рассказал свою драму.

— Лепила, зараза, вареники. А тут я, выпимши... И откель у ней нож возьмишь? Я бечь, она за мной. Я бечь, она следом. До самой речки гналась, волчица! Ну, я сиганул с кручи, переплыл на тот бок, пошел к отцу жить. А через месяц явилась к отцу: «Батя, отпусти моего, я сама виновата. Грустно без него, проклятого!» Всё от любви. Вернется твоя Липа с повинной. Давай выпьем за это дело...

Молодой рассудительный ветеринар Лошак зарекомендовал себя, правда, неофициально как исцелитель загрязцев. После того, как бесплатно вырезал шишку на лысине главы хуторского поселения. А платная операция была бы не под силу даже главе муниципалитета.

— Человек от скотины мало чем отличается в смысле заболеваний и привычек. Например, женщины... Если плохо кормить — уйдёт к другому, у которого корм богаче. Тут ничего не попишешь, инстинкт. Как разбогатеешь, сама придет, Ли-па.

Одноклассник Феде, Толик Мордасов обратился к застолю с юношеским восторгом.

— В школе Федю Бельмондом звали. Он же красавец! Встань, Федя! Какая Липа! На него бы и Бабкина клюнула!

Работник музея, Ёра Шестибратов, прочитал из тетрадки поучительную историю про соседа, шофёра Петра Петровича, который возил начальника собеса.

«Жена Петра Петровича, Рая, всегда мыла машину мужа шампунем и мягкой щеткой. Петр Петрович одобрительно поощрял:

— Чтоб издалека было видно, кого я возю!

Однажды Рая нашла за сиденьем крошечный узелок. Развернула и ахнула! Трусики! Прозрачные женские трусики с выбитым эротическим рисунком! Она бегом в спальню и этими трусиками прямо под нос сонной морде!

— Кобель! Потаскун!

Петро Петрович приоткрыл один глаз, соображая. Спокойно сел на кровати и тихо спросил:

— Чи ты сдурела, Рая? Ты же знаешь, кого я возю? Це ж провокация! Постоянно подбрасывают! Да и трусики дитячьи. Примерь на себя, Рая! И приподнял, подлец, край халата, из-под которого выглянули розовые рейтузы на сдобной белой ляжке.

— То-то! Поставь-ка мне чайку, да поскорей, опаздываю!

Рая растерянно улыбалась и нервно поддакивала: подбрасывают!»

Ёра громко засмеялся, посучил ладошками и победно посмотрел на Федю.

— Это я написал для нашей газеты.

Вида, как одобрительно отнеслись к его рассказу, Ёра предложил:

— А вот ещё, про другого соседа. Я хочу только вставить посвящение другу Феде:

«Через плетень от меня живёт интересная парочка, мужичок да бабочка. Он, Иван Уколович, ревизор-аудитор в управлении сельского хозяйства, она, Варвара Егоровна, в том же управлении специалист по пчеловодству. Он бычок под сто кило весом, она худая, согнутая пополам от женских болезней. Всю жизнь лечится прополисом. У Ивана Уколовича толстое лицо в крупных следах от оспы. У Варвары чистые страдальческие глаза. Детей нет, живут, душа в душу.

Иван Уколович рябой и немножко хромот, походка, как у кота. То вальсяжная, то воровская. Перед каждой новой молодой делает стойку: кто такая? И смотрит завораживающим взглядом василиска. Не пропускает ни молодых, ни старых. В частых командировках в нужный момент удивительно легко подкрадывается к женскому полу. По дальним и ближним хуторам у него внебрачные дети. Сколько их, точно не знает. Варвара давно махнула рукой на «рябого кобеля». Собирает тормозок в командировку, обязательно кладёт конфеты.

— Байстрюков-то своих проведай, угости.

— А как же, мать, — в тон ей поддакивает ревизор. — Дети есть дети...

— Кастрировать бы тебя, кобеля старого. — Беззлобно говорит Варвара. — И как тебя бабы подпускают такого. Кирзовый сапог, а не морда. И небритый.

Ревизор тает от удовольствия, глазки масляно блестят. Начинает, как кот, ходить взад-вперёд, нарочно сильнее припадая на ногу и выгибая спину. Работает проклятый коша-

чий инстинкт. Иван Уколович молодецки расправляет плечи и наивно вопрошает:

— Скажи мне, Варварушка, каким должен быть настоящий казак?

— Кацап воронежский!

Ревизор на секунду теряется и продолжает, загибая короткие пальцы в кулак:

— Настоящий, ладно, кацап, должен быть немножко рябой, немножко хромой, немножко небритый и немножко хмельной. Так? Так! Плесни на дорожку сто грамм!

И норовит, рябая морда, ущипнуть Варвару за худой зад. Та заливается по-девичьи и проворно бежит за бутылкой. Любовь...»

Друзья похвалили Ёру за очень достоверные и душевные истории о своих соседях. И много ещё чего поучительного наслушался Федя за весёлыми застольями, за доброй горилкой с малосольными огурцами.

Наслушался до того, что долго блевал, мучился с похмелья за сараем и громко дышал, ревел, как бык. И выздоровел!

«Я хочу сама совершать свои ошибки!» — сказала одна упрямая девочка маме. И взрослые тоже хотят сами совершать свои ошибки.

Осенью провожали Федю в армию.

Пришла вся родня, друзья, одноклассники, соседи. Накрыли длинные столы. На старую жердёлу повесили репродукторы, а под жердёлой расселись музыканты из городского ДК. Гости по двое, по трое собирались на просторном вытопанном дворе. Девчата со свежими причёсками, парни в белых рубашках. Долго рассаживались за столы. Почему-то девчата держались отдельно, да и парни до поры вызывающе сидели одной компанией. Постепенно за столами разгорались разговоры, смех, тосты. Звенели рюмки, горели девичьи щеки. Музыканты нежно накатили первую мелодию.

*... Ты, совершая положенный путь,
В дальнем краю это все не забудь.
Эту реку и прибрежный песок,
Этот негромко звучащий вальсок.
Этот негромкий,
Этот негромкий вальсок.*

Старинный обряд, гимн не вчерашнему школьнику, а солдату, который идет на важную государственную службу. Редко так неотложно собираются люди. Сегодня тот случай, что-

бы почтить земляка, обнять, как родного, напутствовать и выпить с ним чарку на посошок.

Печать взросления уже зримо ложилась на красивое, мужественное лицо Федора. Мать, Галина Макаровна, сидела рядом с сыном и молча вытирала глаза платком.

Как водится, на проводах были и поцелуи, и клятвы, и слезы, и любовь. Одноклассница Наташка тайком позвала Федора за угол дома в тень, и отчаянно обхватила его шею. Она целовала его так жадно и долго, что он поддался и отвечал не менее страстно.

Наутро они шли рядом в толпе провожающих до военкомата. Федор стыдливо поднимал ворот рубашки, чтобы скрыть следы Наташкиных поцелуев. Но прикрыть воротничком темные коричневые пятна на шее было невозможно. Друзья понимающе и одобрительно ухмылялись.

Это было прощание с юностью.

Забегая вперед, сообщим эту чрезвычайную новость.

Уроженец Загряжска, рядовой отдельной роты миротворческих сил РФ в Абхазии Федор Гривенный удостоен высшей награды этой республики, звания Героя Абхазии и нагрудной медали. Но наш герой не знал об этом, сидя под арестом по решению военного прокурора. За самовольное оставление поста во время караульного дежурства и потерю личного оружия. Обвинение грозило большим сроком в штрафбате....

В то майское утро Федор с автоматом за плечами и биноклем на ремне стоял на караульной вышке. С моря дул влажный ветер и заметно затихал в самшитовой роще. Но он же усиливал крепкий тропический аромат цветущих магнолий, реликтовых сосен, молодого мха. От укрытой прошлогодней листвой земли поднимался пар и густой многослойный запах прели. Море шумно дышало рядом, сразу за рощей. Федор молча впитывал горячую южную благодать.

С вышки хорошо была видна бурлящая после недавних дождей горная речка. Внизу, у самой воды, радовало глаз ровное зеленое плато. Хорошо, наверно, походить здесь босиком, побегать, поваляться на траве. Но место было безлюдно, в это ущелье с трудом добирались только пешком. Федор обратил внимание на молодую пару, которая пришла сюда поиграть в теннис. Парень и девушка были в одинаковых спортивных костюмах. У парня рюкзак, у девушки чехол с ракетками. Парень раскинул на траве покрывало, достал термос и бутерброды. «Сейчас будут целоваться», — подумал Федя. И точно, парень аккуратно взял голову девушки в ла-

дони и долго целовал, не отрываясь. Девушка засмеялась и достала бутерброд. Потом они пили что-то из термоса, валялись на траве, играли в теннис....

Федору нужно было смотреть не только на молодоженов, он перевел бинокль на объект по всему периметру. Через короткое время раздался заполошный девичий крик. Девушку несло в бурных потоках реки, стесненной в скалистом ущелье. Парень стоял у самой воды, схватившись за голову. Федор бросил автомат на вышке, спрыгнул вниз, кубарем скатился на плато и, не раздеваясь, кинулся в ледяную воду. На какую-то секунду опередил поток. Перехватил несущуюся девушку, мертвой хваткой ухватив ее за куртку. Река стремительно несла их к морю. Впереди был небольшой поворот, где правый берег обнажил отмель. Федор барахтался из последних сил, цеплялся ногами за скользкое дно, перехватился рукой за толстую, как веревка, косу девушки. Она наглоталась воды и обмякла. Федор на несколько метров отделился от стрежня и, коченеющими от холодового шока руками, выгреб на отмель....

Спасенная девушка оказалась дочерью высокопоставленного чиновника из правительства. Министр доложил о ЧП президенту и добавил:

— Всё, слава богу, обошлось. Только спасатель под арестом...

Президент ответил министру как-то загадочно:

— Я знаю, как выручить солдатака...

Недели через две на гауптвахту, где сидел Федор в ожидании суда, явились гости. Командир части, военный прокурор и двое в штатском. Пригласили обвиняемого. Военный прокурор достал папку с гербом, принял государственную осанку и хотел официально, но... Отложил папку в сторону и по-человечески сказал:

— Дело закрыто, ты свободен, сынок.

Помощник президента зачитал указ о присвоения ему звания Героя Абхазии и добавил:

— Вручение награды состоится в президентском дворце. От имени президента приглашаю Вас на церемонию.

Еще одну награду объявил командир части. Двухнедельный отпуск на родину.

В Загряжск Федор ехал на лимузине с отцом спасенной девушки Георгием Дмитриевичем. Видя замешательство отпущника, отец пояснил, что выполняет поручение президента.

В дороге познакомились поближе. Оказалось, что у Георгия Дмитриевича жена из Новочеркасска. Вместе учились в политехническом институте, поженились на первом курсе. Жили на квартире во флигеле недалеко от Воскресенского собора. Георгий увлекся историей Новочеркасска, сблизился с местными краеведами, художниками и журналистами. Подружился с известным московским писателем Геннадием Семенихиным, который в то время писал роман «Новочеркасск» и подолгу жил и работал в гостинице.

— Я прикипел к Новочеркасску и поддерживаю дружеские связи.

Федор рассказал о себе, о Загряжске. Спросил о здоровье дочери после несчастного случая.

— Я до сих пор не знаю, как она оказалась в воде...

Отец не мог без эмоций вспоминать об этом. Федор пожалел, что спросил. Но Георгий Дмитриевич охотно пояснял и рассказывал. Еще свежи были воспоминания и переживания в семье, хотелось высказаться.

— Они с парнем играли в теннис. Катя очень хорошо играет. Был момент, когда она отбегала назад, чтобы принять мяч. И в азарте забыла об осторожности, пяткой наступила на рыхлый край подмытого водой берега. Кусок отвалился, и девочка не удержалась.

Голос отца дрогнул, и он с силой ударил кулаком в ладонь.

— А парень сопли жевал! Он мог бы успеть перехватить ее в воде у самого берега, куда не доходила стремнина. Но секунды были потеряны! Ты прыгнул в самый опасный момент, когда могли погибнуть оба. А он в панике оцепенел на берегу. Не хочу такого зятя, хотя дочка готова простить! Как ты думаешь?

— Федор невольно вздохнул:

— Я плохой советчик. От меня сбежала невеста, с артистом...

— Э-э! Это тоже проверка на прочность.

Мудрый папаша осекся и сменил тему.

— Я везу домой героя, а медали на груди не вижу? Давай прицепим медаль!

Пока мать Галина Макаровна со слезами обнимала сына, Георгий Дмитриевич вышел размяться и поближе посмотреть на Загряжск. Он бывал здесь не один раз в годы студенчества. Тогда городок был запущен, многие, еще с царских времен, курени и представительские кирпичные особняки с жестяными кровлями, почернели, потрескались от времени. Резные карнизы и наличники поредели, облупились. Редко

где бросалась в глаза свежая краска. Грустные мысли навевала вся городская застройка. Сейчас же абхазский гость стоял в обновленном Загряжке, перед средневековым собором. Со всем недавно сняли строительные леса. Белоснежные стены под темной медью куполов и золотом крестов на ближнем расстоянии сияли под солнцем, как алмазная шапка Эльбруса. Брусчатка майдана, как на Красной площади, отливала державной мощью. Вся историческая застройка обновилась и представляла жемчужину народной архитектуры. В отличие от окраин: слободок, нахаловок, брехаловок, шептунов и прочих красноречивых мест. Туда дошел только интернет, но не газ и водопровод. Благоустроенный центр городка подстергала другая опасность. Богатые люди со всей России скупали землю в исторической и природоохранной зоне. Строили диковинные дворцы и замки с высокими заборами из дорогого кирпича. Ни мэрия, ни музей не могли справиться с самостроем. Их судебные иски рассматривались годами и по нескольку раз, но заканчивались ничем. Исторический Загряжск скукоживался, как шагреновая кожа.

Георгий Дмитриевич подошел к молодому монаху с роскошной рыжей бородой и спросил, жертвуют ли богатые люди на монастырь. Монах глубокомысленно помолчал, взглядываясь в гостя, ответил холодно.

— Жертвуют в основном безбожники, а мы безропотно освящаем им хоромы и яхты....

Галина Макаровна старалась угодить гостю. Поставила на стол огромный поднос с запеченным по-казачьи сазаном. Гость воскликнул:

— О-о! Я пробовал это двадцать лет назад на своей свадьбе в Новочеркасске!

Секрет блюда заключался в том, что икра сазана перемешивалась с квашеной капустой и перцем, закладывалась опять в тушку и зашивалась нитками. Рыба долго томилась в собственно соку в духовке или в печи.

Георгий Дмитриевич встал с бокалом вина и обратился к Галине Макаровне:

— Ваш сын спас девушку в безнадежной ситуации. Это мог сделать только очень смелый отчаянный человек. Федор вытащил из горной ледяной реки мою дочь... По законам гор, теперь он и мой сын. Федор — герой Абхазии. Президент поручил мне за счет правительства построить вам новый дом. Семья героя Абхазии должна жить достойно.

Предложение гостя сильно смутило мать и сына. Они растерянно переглядывались и не могли поверить, что такое возможно.

Георгий Дмитриевич сказал, как о деле решённом:
— По законам республики мы так поощряем всех наших героев.

Он достал из дипломата увесистый альбом и отдал Федору.
— Здесь разные проекты для частной застройки. Выберите, что вам понравится. Через неделю приедут строители, а я буду навещать вас.

Капитолина пришла перед самым отъездом Федора. Конечно, она вряд ли решилась бы прийти к нему домой без причины. Они были мало знакомы. Но Федор был рад ей, он не сомневался, что гостья явилась с новостями о Липе. Он давно ждал услышать о ней хотя бы два слова....

Во дворе строители заливали бетоном фундамент.

— Тут присесть негде, пройдем в сад.

Капиталина просто, по-свойски, сказала:

— Пропадает Липа, погибает.

Молча смотрела на Федора, угадывая его реакцию.

— Она приезжала недавно. Мы не спали две ночи. Она не могла выговориться и умоляла ничего не говорить тебе, если встречу случайно. Мой брат держится только на наркотиках. Без концертов, без компаньонов, без жилья. Липа не может бросить его умирать под забором. Она верит, что он гений, вся столичная попса его жалкие подражатели. И это правда, он законодатель новой музыки. Но брату осталось недолго... Жалко Липу. Ей никогда не оправдаться, даже перед родителями. Хотя оправдываться не в чем. Она рванулась за Костей с благородной целью — спасти гения. Уговорить его вернуться в Загряжск... Но гений возненавидел ее. Унижал, издевался, бил. Она вся в синяках...

Федор решительно остановил Капитолину.

— Дай мне ее адрес!

— У нее нет адреса, она ночует, где придется.

Федя разволновался и хотел сейчас же рвануть в Москву, но быстро затормозил, вспомнив военного прокурора и гауптвахту. Оттуда в Москву уж точно не вырваться.

— Тогда прошу тебя, поезжай немедленно! Скажи, что я люблю ее, привези к моей маме! Поезжай сегодня же!

Капитолина съездила в Москву, нашла брата в семейном общежитии Московской филармонии. Липа была рядом, она ухаживала за умирающим. Костя тяжело дышал и молча смотрел в потолок. Он называл Липу сестричкой, а Капу не узнавал, как она ни старалась. Приходил доктор, колот обезболивающее. И каждый раз качал головой:

— Вены запали, колю наощупь...

Умер Костя Моцарт как будто с радостью. Вытянулся, по-светлел, помолодел. Прибрался домой, на родину. Несколько музыкантов, с которыми работал покойный, сбросились на катафалк до Загряжска.

Отпевал Костю в кладбищенской церкви его крестный, отец Амвросий. Закопали забубенного гения рядом с родней, с предками. Школьный друг Кости, Жора Махоркин, сделал гравировку на квадратной нержавеющей пластине: «Одной звездой на небе стало больше, одной звездой тусклее на земле». И ниже уменьшенным шрифтом: «Ты родился Козюбедриным, а умер Моцартом».

После отпуска Федор пошел на повышение, его назначили заместителем командира взвода и сделали сержантом. А еще через месяц командир части направил сержанта в Южный федеральный округ на курсы младшего офицерского состава.

Можно говорить о совпадении, это нередко бывает. Предсказание Липы об офицерской форме для мечтающего о «ремеслухе» Федора, сбылось. Может, и случайность. Но я верю в предсказания.

Прошел год.

В новом доме Героя Абхазии готовились к новоселью и ждали хозяина. Двухэтажный домик был уютно обставлен мебелью и всеми бытовыми причиндалами. Во дворе и вокруг дома наводили порядок Капитолина с Липой и лучший друг Жора Махоркин. Дорожки между газонами посыпали цветным гравием. Подвязали высокие кусты роз, хризантемы и пионы. Проредили буйно цветущую петунию. Прочесали граблями ковер барвинка. Пропололи палисадник с мальвами, календулой, ромашкой и подсолнухами. Подкрасили беседку, штакетник и скамейки. Веселый, цветущий дворик радовал глаз.

Жора Махоркин умолял Галину Макаровну:

— Теть Галь, что-то сушит во рту, принеси пивка из холодильника.

Лучшему другу нельзя было отказать. Он пил из горлышка смачно, аппетитно, высоко запрокидывая голову. Девчата смеялись:

— Жора, у тебя кадык неправильно булькает!

— Неправильно, когда без пива!

Наконец, настал долгожданный день.

Наши герои сидели в беседке с Галиной Макаровной. Жора Махоркин открыл ворота:

— Так положено.

Стали подходить одноклассники. Не спеша, подтягивались застряжцы с цветами. Вышли соседи. У ворот собралась толпа. В маленьких городах новости расходятся молнией. Пришел пешком молодой мэр, еще не притёртый к должности, рядом ковылял с подагрой редактор «Застряжских ведомостей» Гаврила Певзнюк. Мэр прошел во двор, поздоровался за руку с Галиной Захаровной, спросил прямо по-отечески:

— Может, помочь чем-нибудь?

Скрипнули тормоза, из военного «УАЗа» быстро выскочил молодой лейтенант, опешил на секунду от толпы и цветов. Широко раскинул руки, крикнул звонким мальчишеским голосом:

— Здравствуйте, дорогие мои!

Только ближе к вечеру Федору удалось остаться ненадолго вдвоем с Липой. Он схватил ее в охапку и выдохнул в ухо:

— Моя!

Липа прошептала:

— Я говорила, что тебе идет офицерская форма...

Утром, за завтраком Федор объявил Липе и матери о своем назначении на службу в Донецкой республике. Но перед отъездом просил Липу быть его женой и непременно зарегистрировать брак в ЗАГСе... Женщины заплакали, Федор засмеялся.

Иногда трудно понять, отчего плачут женщины.

Станица Старочеркасская Ростовской обл.

Павел КРЕНЁВ

МИНА

РАССКАЗ

Бабка Евдокия прямо в шлепанцах побежала к остановившемуся у калитки «газику».

— Ой, робятки, — запричитала она вылезавшему из машины молодому офицеру, — может, не надоть, а? Подись, дом сломает. Куды же мне тады, робятки!

Лейтенант поправил фуражку и солидно сказал:

— Почему сломает? Мы не в первый раз.

Пройти к дому он, однако, не решался. Полная и, видно, крепкая еще баба загораживала вход во двор. Не зная, как быть в таких случаях, лейтенант спросил:

— А зачем тогда вызывали?

— Никто вас, робятки, и не звал, — ласково, но решительно ответила бабка Евдокия, стараясь говорить тише, чтобы не разбудить зятя. В ней затеплилась надежда: может, не услышит, идол. Сзади всё же хлётко стукнула дощатая дверь веранды, и сапоги зятя загрохотали по настилу.

— Здравствуйте, — сказал он, отстраняя Евдокию и протягивая руку лейтенанту, — Петр Иванович, будем знакомы. Жду вас с

ПРОЗА

утра, да в последний момент вздремнул малость. Сами понимаете, отпуск.

Лейтенант сообразил, что в лице Петра Ивановича приобрел решающую опору. Обернувшись к машине, он негромко, командирским тоном бросил:

— Петров, Ибрагимов, приготовиться к разведке.

Из «газика» бойко выскочили двое солдат, держа в руках продолговатые ящики зеленого цвета. Разложив эти ящики на земле, они достали из них какие-то трубки и стали всовывать их одну в другую. Получилось два стержня с широкими цилиндрами на концах. На голову солдаты надели наушники. Бабка Евдокия смотрела на эти зловещие, с ее точки зрения, приготовления, а в душе шевелилась тревога: ломают! Ох, ломают домишко! Она подошла к зятю и вполголоса попросила:

— Ты уж посмотри за ними, Петенька. Как бы не натворили чего. Им-то не жалко. А куды мне гады?

Зять, подмигивая солдатам и офицеру, нарочито громко возразил:

— Ну, Евдокия Терентьевна, ну почему вы так не доверяете советским воинам?

— Мы готовы, — сказал офицер. — Ведите, Петр Иванович, показывайте.

Когда солдаты и зять направились к дому, бабка Евдокия тронулась было за ними, но лейтенант остановил ее:

— Извините, вам нельзя, не положено.

— Как нельзя? — возмутилась Евдокия. — Мой дом, и нельзя?

Она хотела сказать еще что-то резкое и решительное, но, увидев, как у лейтенанта нахмурились брови, благоразумно замолчала. «Лучше не перечить, — подумалось ей, — а то специально испортят чего-нибудь. Понаехали тут с трубками».

Она еще потопталась в раздумье у калитки: куда же ей-то податься? Может, пойти пожалиться к соседке Калиничне? Потом вспомнила, что та угреблась спозаранок в лес за клюквой. Евдокия пошла на речку. Было здесь у нее укромное место, на склоне крутого травянистого берега, между двух старых разлапистых лип. Место это показал ей Федор. Здесь они целовались с ним в теплые летние ночи того далекого предвоенного года. С тех пор в радость и в печаль приходит сюда Евдокия, чтобы поговорить с Феденькой, посоветоваться, излить душу. Сев под липами на дощечку и глядя на воду, она вернулась мыслями к дому.

Построил его Федя перед самой войной. Построил за малый срок. Он словно торопился, боялся, что не успеет. Времени у него было мало и без того. Работал Федор бригадиром в колхозе, днями пропадал на поле, домом занимался до глубокой ночи. Молодая жена его Евдокия вначале помогала, как могла, а потом, когда дитё ждали, Федор всю тяжёлую работу по строительству взял на себя — один управлюсь...

Евдокия сокрушалась:

— Отдохнул бы, высох весь. Куда торопишься-то?

Федя только улыбался:

— Вот нарожаем с тобой ребятшек с дюжину, куда девать будем?

Крышу он крыл уже в начале июня 41-го. Тогда и перебрались в новый дом. Внутренние работы Федя так и не закончил, ушел на фронт. Осталась его задумка — прорубить окошко из светлицы на речку, на заречные дали... Он потому и приберег ее напоследок, что хотел смастерить оконце это красивее других, с фигурными, резными наличниками.

Осенью родилась Люська, и для Евдокии настали самые тяжелые дни: впереди зима — а у нее и в подполе пусто, и денег ни гроша. Все силушки на дом этот проклятуший ушли. Если бы не добрые люди — не выдюжить бы ей с грудной на руках.

В первые месяцы от Федора приходили письма. Всё утешал Федор, обещал: скоро одолеют немца, и он вернется. Еще обещал, что новое окно в светлице прорубит. Потом началась оккупация, и письма перестали приходить.

Село, в котором жила Евдокия, стояло вдали от больших дорог, наверно, поэтому немцы бывали здесь редко. Делами заправляли полицаи и старосты. Иногда приходили партизаны и вышибали полицаев из деревни. Однажды партизаны остались заночевать, тут-то и налетели каратели. Они били по домам из минометов и пушек прямой наводкой. Евдокия помнит, как лежала на полу, закрыв телом плачущую дочь, и причитала: «Пронеси, Господи, пронеси, Господи...» Кругом гремели взрывы. От сильного удара в стену содрогнулся весь дом. «Вот и все», — подумала Евдокия и крепко прижала к себе Люську. Однако ничего не случилось. Потом и минометы стихли.

Мину первыми увидели немцы, обшаривающие после обстрела деревню в поисках не успевших уйти в лес партизан. Евдокия услышала за стеной гогот, затем в дом ворвался здоровенный фриц и, что-то гортанно выкрикивая, потащил ее на улицу. Там ее подтолкнули к стене и показали на торчащий из паза хвостовик мины. Один из фрицев многозначи-

тельно задрал подбородок, пошелкал по стене ногтем и предупредил: «Бах-бах». Остальные хохотали, выходя за калитку и оживлённо обсуждая что-то. «Повезло тебе, дура», — сказал на прощанье полицай.

Вбежав в комнату, Евдокия первым делом осторожно отодвинула от стены, в которую попала мина, кровать, стол, лавку. Потом подвела к ней двухлетнюю дочь и несколько раз повторила:

— Не трогай эту стеночку, Люся. Будет бабах!

В ту ночь она так и не заснула. Всё ей казалось, взорвется эта чертова железка и убьет их с Люсенькой. А еще ей было жаль нового дома, построенного руками милого Феденьки, в котором они не успели нажиться-нарадоваться. Спозаранок, пока совсем не рассвело, Евдокия выскочила на улицу и, полузажмурившись от страха, каждую секунду ожидая взрыва, завесила тряпьем торчащие из стены железки: вдруг ребятишки увидят и начнут выковыривать. Получилось неплохо. Пройдешь рядом и не заметишь — болтаются тряпки, да и все.

С тех пор для Евдокии началась вдвойне тяжелая жизнь. Где бы она ни находилась: полоскала ли белье на речке, работала ли в поле, косила ли сено, всё ей думалось, не случилось бы какой беды дома. И еще ей казалось, что если кто-нибудь ударит по стене, то мина обязательно взорвется. В этом она почему-то не сомневалась. И однажды едва не лишилась рассудка, когда, зайдя в избу с полными ведрами воды, увидела, как Люська разбегалась на слабых своих босых ножонках и била ручками в стену, победно восклицая при этом «бы-бых!». Больше она дочку дома одну не оставляла.

Еще был случай уже в самом конце войны. Евдокия стряпала на кухне, когда услышала резкие удары в «ту» стену. Не помня себя, она выбежала на улицу и увидела двух мальчишек, деловито кидающих снежки в фанерный щит, повешенный на гвоздь. Вспоминая сейчас этот случай, Евдокия улыбнулась: кто же тогда больше испугался? Она или мальчишки, на которых неизвестно почему вдруг набросилась баба с искаженным от ужаса лицом.

Федя с войны не вернулся. О том, что он «геройски погиб в тяжелых боях под Сталинградом», Евдокия узнала из письма, полученного из райвоенкомата. Так, вдвоем с маленькой Люськой, да еще, пожалуй, с миной, с которой волей-неволей тоже пришлось уживаться в одном доме, и мыкала свое послевоенное горе Евдокия. К злополучной стене она не прикасалась все эти годы. Запрещала и Люське это делать, не объясняя, впрочем, почему: разболтает по деревне, а это все

равно добром не кончится — хоть мужики, хоть солдаты начнут ковырять, сами погибнут да и дом порушат. А так сидит эта проклятая мина в стене и сидит, есть не просит.

Люська росла проворной, сообразительной, но долго не могла взять в толк: отчего мать так бережет стену? Потом успокоилась, отстала, наверно, решила: прихоть это материнская.

В деревне дочь жить не захотела, закончила семь классов — и в город. Поступила в торговый техникум. Евдокия загоревала, когда Люська уехала из деревни: чего уж хорошего, когда человек уходит из родных своих мест. Но училась дочь с охоткой, приезжала на каждые каникулы, письма писала. В общем, не забывала мать. Однажды она тронула сердце Евдокии тем, что написала: «Как вы там живете, мои мама и минуша?» Евдокия долго не могла понять, кто же такая «минуша», вроде и имен-то таких в деревне не водится, потом сообразила: да ведь мина же это! Вот Люська! Вот хитрунья! Значит, знала, а молчала. Не захотела, значит, матери волнение доставлять. И еще больше заужала она дочь.

С годами Евдокия привыкла к мине, хотя, конечно, как и прежде, боялась. А однажды поймала себя на мысли, что все думы о ней сами по себе облекаются в некую теплоту и задушевность, потому что связывают они ее с ушедшей в безвозвратность молодостью, с той далекой порой, в которой был Федя...

Жить понемногу становилось легче. Люся закончила техникум, устроилась работать товароведом в универмаг. Помогать ей отпала необходимость. Появился какой-никакой достаток. Всё, казалось, входило в свою колею, и тут дочка вышла замуж.

А вскоре Петр, муж ее, нагрянул к теще в гости — на приросту, видишь ты, ему захотелось. Дочь-то не смогла приехать: отпуск в другом месяце, а он тут как тут. Ну, первый день туда-сюда, удочки, речка, знакомство с соседом, а на другой день пришел от соседа выпивший, и занесло его, окаянного, прямо на эту стену. Уцепился он руками за бревна и лбом в них тычется. Сразу, бедолага, протрезвел, когда Евдокия его с бранью от этой стены к противоположной отбросила. Ни слова, правда, не сказал, но наутро стал допытываться:

— Почему это вы, мама, не дали мне вчера к стеночке приклониться? У вас ведь, мама, не музей тут.

Евдокия промолчала, но интерес его взял... Зять нашел мину за считанные минуты. Зато как нашел, вбежал в дом весь бледный, глаза выпучены.

— Я, — говорит, — не собираюсь жить в заминированном помещении! Тем более в мирное время. И вам, мама, не советую.

Как ни просила его Евдокия никуда не сообщать, не пошло. Вызвал вот саперов.

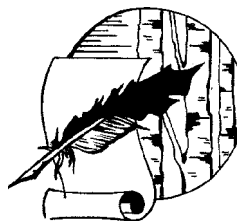
Сидела теперь Терентьевна на берегу реки, и сердце ее ныло: «Сломают дом, окаятные, ломают». Раздавшийся взрыв на какое-то время будто парализовал ее. Евдокия несколько секунд остолбенело смотрела на воду, потом вскочила и что было мочи заспешила к дому. Ноги совсем ее не слушались, они путались в траве, скользили, спотыкались. Евдокия не почувствовала, как потеряла шлепанцы, как слетел с головы платок. Запыхавшаяся, вконец растерянная, она вбежала на обрыв...

Дом стоял на месте. Машины не было. Там, где она останавливалась, мирно копались в земле куры, мимо них лениво брела собака. Терентьевна только теперь поняла, что взрыв был совсем в другой стороне — за полями, у леса. Усталая, она переступила порог и услышала в светлице стук молотка. Сидя на корточках, Петр старательно обрабатывал стамеской края широкого четырехугольного отверстия, выпиленного в стене в том месте, где раньше сидела мина.

— Посмотрите, мама, какой красивый вид из окна будет, — сказал он подошедшей Евдокии. — Луга, цветы, лес! А речка-то, речка-то!

Он еще что-то возбужденно и весело говорил, работая стамеской.

Евдокия сидела позади него на стуле, положив руки на колени. По щекам ее текли слезы. Губы тряслись и шептали: «Феденька, Феденька...» Потом она поднесла к лицу край передника и зарыдала.

Татьяна ГРИБАНОВА

РОДНЫЕ ВЕТРА

* * *

О, Родина!
Штапельный ветер
и простенький ситчик небес,
и всклень, под завяз, в первоцветах
пропахший медушником лес.
Без памяти, до исступленья,
мир Божий всё крепче люблю:
и отчее это селенье,
и церкву на дальнем краю,
погост за оградю древний,
и пожню, что скрыл березняк,
и в грае грачином дерева,
и старый бескрылый ветряк,
и глинистый этот просёлок,
что помнит прапращура след,
что мне столько лет, даже в морок,
лучит негасимый свой свет.

* * *

Полымем донник. Табун у мостков.
Вёдро. Над хутором небо с Николы
треплется синим, линиялым платком, —
словно забыл его кто-то на кольях.
Шлёпает полдень в ракичках вальком —
камушком плёхает эхо вдоль речки.

Кадки в затоне. От них чесноком
тянет и духом густым огуречным.
Там, присмотрись, златошвей-стрижи
солнца кудель размотали на нити.
Плѣс, словно в пальцах, в кувшинках лежит —
жмуркими бликами вышитый ситец.
Вѣдро. Просѣлок змеит бережком.
Лютики в пыль осыпают веснушки.
Помнится, ехал возок из лесков...
Детство струилось беспечной рекой...
В сене, — не я ль? — загорелой рукой
пригоршей ела малину из кружки?

* * *

Заря вознеслась, и над полем,
над лугом, где мчит грузовик,
над горсткой берѣз белоствольных —
снопы золотых повилик.
Плотицей блеснула под кручей
упавшая в полночь звезда,
жемчужною росною тучей
вдоль поймы легла резеда.
Плеснулась широкою песней
черѣмухи майская цветъ.
Лучат голубые пролески
очей милой матушки свет.
...Нарядной скатѣркой столешню
накроют для жданных гостей,
покликнут соседей поспешно
наслушаться свежих вестей.
Пожарят на сале яишню,
блинов от души напекут,
бутылочку свойской отыщут,
в саду самовар заведут.
Хмельные, потом под окошком
от счастья затеют опять
плясать и вовсю под гармошку
частушки до свету страдать.
Душа воссияет от лада,
Прошепчет, случись, на краю:
«О, Русь, драгоценная Лада!
Не верю в погибель твою!»
Не верю в надрыв твой сердечный,
и в незаживание ран,

и в русский авось наш беспечный,
в дырявый извечно карман,
покуда в селении нашем —
я знаю: врагам не с руки —
всем миром и сеют, и пляшут
родные мои земляки.

* * *

То щенком заскулит,
то по-бабьи заплачет с причётами,
то насупится,
то просветлеет пронзительной просинью
с воробьями в сиренях,
в ольховниках стылых с чечётками
провожает усталый ноябрь
дни последние осени.
Позови — ни души на сто вёрст,
лишь ветра перемётные,
лишь сосняк вдоль дорог
против шерсти на славу причёсанный,
лишь татарник больной,
повиликой по горло замотанный,
да сенные стога
друг за дружкой — речными покосами.
Да всё чаще из горних садов
над продрогшими хатами,
над полями сквозными,
смурными остывшими плёсами,
над околицей зябкой,
куделью полыней косматою
ниспадают снега
то пыльцою, то дивными розами.

* * *

Просёлок. Татарник. Табун за околицей.
И спелой клубникой пропахший угор.
В травянице по плечи — берёз белостолица.
Крылатая воля! Безбрежный простор!

И, вроде, давно я тоску пересилила —
бывала судьба и со мною щедр.
Но манят и кличут омытые ливнями,
спалённые солнцем родные ветра!

* * *

Ах, с этим буйством нету слада —
июльских малев дремучий бор!
Шмелям пресыщенным отрада
их разномастный коленкор.
В них, пересыпанных цветами,
весь мир заполонив собой,
взахлёб, — о чём, не помнят сами! —
цикады гомонят гурьбой.
Замрут, как дети, от испуга,
когда с корзинкою в руке
я пролечу вдоль стёжки вьюгой,
следы оставив на песке.
И там, за маревом в долине,
исчезну в сонме диких трав,
в терлич-траве, в степной полыни,
собрал в охапку сон и явь.
...Сакральность солнечного света,
волхующего сквозь плетень,
янтарность яровых ранеток
в тазу, кипящем на плите,
сдуревший от восторга пивень,
разголосивший близь и даль,
и ахнувший сквозь солнце ливень,
что мальвы окунул в сусаль...
Посмотришь в радостные выси,
и в десять беззаботных лет
вдруг сердце заискрится мыслью:
конца и края счастьем нет!

* * *

Росную каплю
обронит былинка —
сонно аукнет
в лугах тишина...
С этого взгорья,
от церкви старинной,
как на ладони,
округа видна.
Ветер над полем
расперится птицей —
рожь загуляет
молочной волной.
Не перестанут

довеку мне сниться
эти безбрежный простор
и покой.
Разве не праздник,
не радостно сердцу —
житное поле
во весь горизонт?
Не надышаться
и не насмотреться,
хочешь не хочешь —
душа запоёт.
Этот просёлок,
что вышел навстречу,
помнит в пыли
босоногий мой след...
Жмуркие окна
моей восьмилетки
не погасили
доныне свой свет...
Что ж бы не жить-то
на этом приволье?
Ждать к сентябрю
на столе новины,
рощи стозвонной
любить белостволье,
с хрустом рубить
к Покрову кочаны...
«Сколько вас, тех,
что искали, где краше, —
мочи не стало
у поля молчать, —
как погляжу-то,
обличием наша...
Только не помню вот:
чья же ты?..
Чья?..»

* * *

Напрочь селенье снега занавесили —
светлая тихая грусть.
Каждая улочка, — пусть куролесится! —
помнится мне наизусть.

Там в три оконушка под тополями
старый родительский дом.
Там первопуток плутает полями
к росстаням с древним крестом.
Скирды вдоль поймы рядочком сенные,
церква — в ограде из лип.
Роша на взгорье с крылами сквозными,
маминых бурочек скрип...
Трёт жерновами за стенкой Вселенная,
мелется, мелется ночь.
Милая отчина, память нетленная,
я — твоя кровная дочь.
Мучают день ото дня всё сильнее
думы о скрытом в снегах,
властью и Богом забытом селенье —
дедов погасший очаг.

г. Орёл

Валерий КИРИЛЛОВ

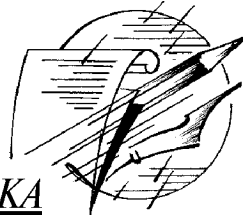
КОРМИЛИЦА НЕДОВОЛЬНА

Деревня жаждалась изменения внутренней политики

Навестил в деревне Бенек давнего товарища, бывшего директора совхоза «Рахновский» Николая Александровича Белоусова. Вспомнили за чаем пору, когда он начинал работать директором, жена его Люба, русоволосая красавица, была главным агрономом, а я редактировал областную «молодежку». Не только живописное, самое глубокое в области озеро, но и душевное гостеприимство Белоусовых, атмосфера их семейной гармонии с трудом на земле, тянули меня сюда. Поля возделывались. Строились фермы, школа. Намечалось открыть швейный цех...

Но давно уже нет Любы, светлая ей память, нет совхоза, закрыта школа, не колосится рожь, развалились фермы. 75-летний Белоусов резко и прямо говорил мне о «новой элите»:

— Землю пахать не хотят и не умеют, зато миллиардами воруют! Услышу — одного посадили, другого, третьего... — давление подымет, приму таблетку и думаю: «Когда же это, едрен корень, прекратится?»

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Поездка к Белоусову растревожила, вернула думы о судьбе нашего крестьянства. Что ни говори, живя в провинции, глубже, острее горожанина осознаешь, что человек на земле — первооснова, стержень традиционной русской жизни, и что совсем не случайно народ наш величал землю Матушкой, Кормилицей — и в буквальном смысле, и в духовно-нравственном, с которой надо разговаривать по имени-отчеству и на «Вы».

В 1882 году Г.И. Успенский в очерке «Власть земли», напечатанном в журнале «Отечественные записки», отмечал: «Оторвите крестьянина от земли, от тех забот, которые она налагает на него, от тех интересов, которыми она волнует крестьянина, — добейтесь, чтоб он забыл «крестьянство», — и нет этого народа, нет народного мирозерцания, нет тепла, которое идет от него. Останется один пустой аппарат пустого человеческого организма. Настает душевная пустота, «полная воля», то есть неведомая пустая даль, безграничная пустая ширь, страшное «иди, куда хошь». К этому времени было очевидно: манифест Александра II от 19 февраля 1861 года, хотя и отменил крепостное право, радости у крестьян не вызвал. Журнал «Колокол» так определил суть земельной реформы: «Народ царем обманут». И это было правдой: уже на первой странице манифеста объявлялось, что земля составляет неотъемлемую собственность помещика. Начались крестьянские волнения. В официальном отчете отмечалось, что только за 1861 год произошло 1176 крестьянских бунтов.

Не отвечала народным чаяниям и столыпинская реформа. Неся в деревню классовое расслоение, она способствовала массовой нищете и закабалению крестьянства и приблизила революцию. Газета «Речь» в 1911 году отмечала: «Добрая половина крестьянских посевных земель находится в руках городских кулаков...» Процветала перекупка земли с целью сдачи ее на кабальных условиях в аренду. Проведенный Вольно-экономическим обществом опрос показал: 89 процентов опрошенных земледельцев относятся к столыпинской реформе отрицательно. Несмотря на то, что крестьян зачастую насильно выгоняли из общины, из нее вышло всего 22 процента крестьян, причем основная их часть разорилась. Не удивительно, что в 1917 году крестьяне повсеместно восстановили общину, к 1927 году в РСФСР 91 процент крестьянских земель находились в общинном пользовании. Когда началась массовая индустриализация, и понадобилась рабочая сила из деревни, крестьяне привнесли общинный дух на промышленные предприятия в форме трудовых коллективов и наставничества.

Утверждения «аграриев с асфальта» о том, что «реформа дала «замечательные результаты в наращивании сельхозпродукции», не соответствуют действительности. В 1906—1917 гг. урожайность зерновых культур в России, по сравнению с дореформенным периодом (1900—1905 гг.), поднялась всего на 3,4 процента, а поголовье животных в расчете на 100 жителей деревни снизилось. Лошадей — на 10,5 процента, крупного рогатого скота — на 16,3, овец и коз — на 29, свиней — на 14 процентов. К 1915 году в целом по России площади, занятые под хлебами, возросли на 20 процентов, а в частных хозяйствах уменьшились на 50.

Известно, как проявили себя государственные крестьяне и частники в Первую мировую войну. Частник, по сравнению с государственным, заламывал цену на зерно в 2-3 раза. Из-за этого русская армия испытывала перебои с поставками хлеба. Не гнушался частник-кулак накрутить цену на зерно и в неурожайный год, а то и припрятать его, в то время как сосед-бедняк помирал с голоду. Не в последнюю очередь с этим связано решение советской власти о проведении коллективизации: близилась война с фашистской Германией.

О, эта крестьянская доверчивая душа! Мудрая в близкой среде, что отражено в народных поговорках и пословицах, ты легко становишься жертвой политических лукавцев и проходимцев. Сколько уж раз они воспользовались этой святой твоей простотой, а затем надсмеялись над нею же?! Сколько сладких и невыполнимых, растаявших во времени обещаний бросили в нее, а ты всё туда же. Вспомни, как обхвалили тебя на кривой кобылке с ваучерами. Хотелось две «Волги», а получилась дуля. Так же и с обещаниями, что частная собственность на землю приведет наше село к расцвету, а крестьянина — к благополучию. Но неусвоенные исторические уроки оборачиваются еще большей пагубой.

В основу Указа Б. Ельцина от 27 октября 1993 года «О регулировании земельных отношений и развитии аграрной реформы в России» легли принципы дискредитировавшей себя столыпинщины. Была разрешена торговля землей (через конкурсы и аукционы). «Архитектор перестройки», он же агент западного влияния, А.Н. Яковлев, заявил: «Частная собственность — материя цивилизации», но это было лукавством — к русской цивилизации она не имела отношения. Впрочем, не только к русской. Скрывалось, что нет частной собственности на землю в Голландии, Китае, Израиле, Вьетнаме, Беларуси, во многих других странах. А там, где это имеет место быть, существуют жесткие ограни-

чения. В Италии, например, чтобы купить землю для ведения сельского хозяйства, надо сдать специальный экзамен. Но науськиваемые Западом, поставившим целью «отбросить Россию на сто лет назад», либеральные российские «реформаторы» голосу разума не вняли. Провозгласив, что страну накормит фермер, они убили 27 тысяч колхозов и 23 тысячи совхозов с техникой, инфраструктурой и квалифицированными кадрами. Заодно убили и обсуживающие их организации.

Ельцинский Указ предусматривал в госпрограмме приватизации государственных и муниципальных предприятий Российской Федерации на 1993—1994 годы «обязательное акционирование» предприятий по первичной переработке сельхозпродукции, рыбы, морепродуктов. Плюс к этому акционированию «предприятий по производственно-техническому обслуживанию и материально-техническому обеспечению агропромышленного комплекса по первому или третьему варианту льгот с продажей на закрытых чековых аукционах всех оставшихся акций сельскохозяйственным и рыбодобывающим товаропроизводителям, а также гражданам, проживающим в сельской местности сырьевой зоны приватизируемого предприятия».

В реальности это привело к уничтожению молокозаводов, сепараторных пунктов, льнозаводов, пищекомбинатов, отделений сельхозтехники. К примеру, в Андреаполе был уничтожен завод, специализировавшийся в основном на ремонте комбайнов для западных районов области. На базе местной сельхозхимии теперь пилорама, на базе мелиоративной колонны — две пилорамы. Надо фермеру отремонтировать трактор, прицепное или навесное оборудование, приобрести удобрения — «иди куда хошь». Прекратил существование проданный московским частникам молокозавод — сигнал СПК и фермерам: «Иди куда хошь». Вроде бы установлены льготы, поощряющие льноводство, но куда сдавать лен?

Старое повторилось сызнова: образовался класс земельных паразитов, спекулянтов. Пронырливые чиновники, ряд бывших руководителей колхозов, совхозов, дельцы из крупных городов прибрали к рукам земельные паи на десятки, сотни тысяч гектаров земли с целью перепродажи. Зачем до пота работать на земле, если можно припеваючи жить на проценты? Возникла неразбериха с собственничеством. Кто-то из владельцев паев подался на Бали, в Лондон или на Кипр, кто-то выжидает или почил в бозе. И что же? В стране зарастают чертополохом и мелколесьем, по разным сведениям, от 40 до 52 миллионов гектаров сельхозугодий.

Поскольку фермерство Россию не накормило (оно, кстати, не кормит и Америку), пришлось делать ставку на крупные частные холдинги, обратив на их поддержку государственные средства. Считается, они решили проблему продовольствия. Отчитываясь в Госдуме, премьер-министр Михаил Мишустин подчеркнул: уровень продовольственной безопасности в России один из самых высоких в мире. С избытком собрали зерна — 177,8 процента при обозначенных в доктрине 95 процентах. И по мясу, и по подсолнечному маслу, и по сахару всё превосходно. Цифрам сопутствовала реплика председателя Госдумы Вячеслава Володина: «Есть что делить, есть что вывозить... А почему молчит Геннадий Андреевич Зюганов? Потому что Геннадий Андреевич Зюганов на протяжении 1990-х годов и потом (начало 2000-х) мечтал об этом времени. Потому что лучшие показатели Советского Союза сейчас уже перекрыли многократно...»

Городской дилетант примет реплику Вячеслава Володина за чистую монету, а крестьянин задастся вопросом: «В чем же многократность?» В минувшем году в России, действительно, собран рекордный урожай зерна — около 159 миллионов тонн. Для сравнения: в СССР в 1976—1980 годы среднегодовой показатель составил 205 миллионов тонн, в РСФСР — 105 миллионов тонн. Бывали результаты и повыше. Например, в последнюю советскую пятилетку в РСФСР был достигнут среднегодовой сбор зерна 119 миллионов тонн. Так что «многократности» нет даже по сравнению с РСФСР. К тому же, председатель общественного движения «Федеральный сельсовет» Василий Мельниченко в заметках «Дурят хлебоборода» в «Советской России» пишет: «... казалось бы, именно Россия кормилица всего мира? Власть начинает продавать зерно на экспорт. А крестьяне... Крестьяне ничего не могут продать! Что мы имеем в сухом остатке: цена на зерно, вместо 19 тысяч рублей за тонну, упала до 5—6 тысяч, то есть ниже себестоимости... Хлеб в магазинах страны не стал дешевле. Экспорт зерна не пополнил крестьянский бюджет. Продав 32 млн. тонн зерна, государство с крестьянского труда получило 120—150 млрд. рублей, а от пошлин на сельхозпродукцию — более 400 млрд. рублей. Куда ушли эти деньги? У нас нездоровый рынок, экономическая политика финансового блока обернется катастрофой для всего народа...»

И пока не слышно, чтобы финансовый блок внял голосу Василия Мельниченко.

Человек от земли видит: развелась масса сопутствующих финансово-спекулятивному капитализму захребетников: брокеров, шоуменов, бормочущих нелепицу рэперов, клип-

мейкеров, пиарщиков и прочей разношерстной публики. Или глянет он, а у администрации скопище автомашин: местная власть за экономику не отвечает, колхозы, совхозы развалены, народ вымирает, лечиться негде, а «заботники о народе» всё что-то обсуждают. Кажется, умри последний провинциальный житель, они всё так же будут принимать решения, постановления, произносить речи об «успешном развитии», вешать цапки на грудь...

И ведь невдомек заседальцам, что говорить «об успехах» при сокращении населения — абсурдно. Что проблем у человека от земли выше крыши. Он недоволен, раздражен тем, что власть слышит посредника-перекупщика, переработчика и торговца, но туга на ухо по отношению к производителю, хотя кричит он о своих бедах всё громче и громче. Помню, как возмущался один из ветеранов-аграриев, когда губернатору Дмитрию Зеленину дали орден: «За что? При нем население области сокращалось на 18 тысяч человек ежегодно!»

Остается за кадром тот факт, что зерновой рекорд достигнут за счет черноземных областей. Бизнес выгоден там, где земля дает наибольший объем биомассы. Срединные же области: Тверская, Смоленская, Новгородская, Вологодская, Владимирская, Псковская с их суглинками и подзолами имеют показатели по валовому сбору зерна в 8—10 раз меньшие, чем в советское время. Так, валовой сбор зерновых и зернобобовых по итогам работы тверских аграриев составил 120 тысяч тонн — на 17 тысяч тонн больше, чем в 2021-м. Вроде бы успех. Но сравним с показателями Калининской области: 1971 год — 1069,3 тысячи тонн, 1975 год — 1076,5 тысячи тонн, 1986 год — 1146 тысяч тонн. Уровень производства в молочном животноводстве, картофелеводстве резко уступает показателям советской России. О льноводстве и говорить не приходится. Разрушено племенное дело и семеноводство.

— Раньше в каждом районе был сортоиспытательный участок, а сейчас на всю область остались один или два, — рассказывал глава Калязинского района Константин Ильин, за плечами у него в прошлом два десятка лет руководства сельхозпредприятием. — Племенное объединение под Тверью считалось образцовым, сейчас оно в частных руках, и о нем не слышно. Закупаем по импорту основную часть семян зерновых, до 80 процентов семян картофеля. В 90-х годах у нас было 80—90 процентов своих семян свеклы, а сегодня примерно столько же приобретаем за рубежом. Породистый крупнорогатый скот почти полностью завозим. Больше 90 про-

центров инкубационных яиц, закваски и ингредиенты для производства сыра тоже импортные...

Ну и, конечно, спрятанное за красивой оберткой и рекламой качество продовольствия несопоставимо по сравнению с советским. Крестьянин, выкармливающий на личном подворье свинью не меньше года, отчетливо понимает, чем достигается в агрохолдинге суточный привес свиньи в 1 килограмм 200 граммов. И что означает «наполненность рынка» молочными продуктами. Значительная их часть контрафакт из сухого молока с добавкой пальмового масла. Если бы действовали микояновские госты, прилавки продуктовых магазинов опустели бы. Кому посчастливилось жить в СССР, те с тоской вспоминают «настоящие сосиски», «настоящую колбасу», «настоящий хлебушек». Понятно, как отражается снижение качества продуктов на здоровье народа, в первую очередь, подрастающего поколения — мобилизационного потенциала страны.

Многострадальная деревня тем временем продолжает загибаться, не ослабевает и вымирание малых городов, где уклад жизни близок к деревенскому. Один лишь пример, подтверждающий типичную картину. В Нелидове, где я в середине 70-х я работал редактором районной газеты, была 31 тысяча жителей, сейчас — около 17 тысяч.

Местное самоуправление превращено в декорацию, а с ликвидацией поселений даже формально перестает существовать. На финансирование местного самоуправления в России тратится всего 3,5 процента бюджета. Для сравнения: в СССР было около 50 процентов.

Перед глазами и судьба фермера-земляка Владимира Цветкова. Добившись успеха в торговом бизнесе, он, опытный специалист сельского хозяйства (прежде работал в совхозе «Конаковский»), создал в 2006 году в родном краю фермерское хозяйство «Восход». Вернул к жизни 586 гектаров запущенной пашни, выращивал до тысячи и более тонн картофеля (в 2009 году собрал полторы тысячи тонн), морковь. Оснастил импортной механизацией склад, восстановил животноводческую ферму, приобретя около ста коров. Купил оборудование для пакетирования молока, зерновой комбайн. Затратил на развитие хозяйства в общей сложности 80 миллионов рублей, из них лишь 20 миллионов рублей кредитов.

Однако выдался засушливый год. А на следующий год в уборочную зарядили затяжные дожди — на поле не въехать, а после дождей ударили заморозки. Цветков продал почти все свои магазины, но 13 миллионов рублей остались непогашенными, началась волокита: внешний управляющий,

процедура банкротства. Местная власть взирала на происходящее равнодушно. Что в сухом достатке? С 2012 года поля зарастают. Ферма развалилась. Оборудование по розливу молока стоимостью свыше 2 миллионов рублей, скрепер, навесная техника для выращивания моркови украдены. 20 единиц оставшейся техники распроданы за 2 миллиона 100 тысяч рублей, хотя их стоимость на порядок выше. Было бы логично, если бы государство выкупило землю, возместив понесенные фермером расходы, с чем и обратился Цветков в областное правительство. Но там сочли это нецелесообразным.

И остался Владимир Михайлович у разбитого корыта. Даже старую легковушку пришлось продать, и на андреевскую родину не на чем приехать. А ведь, помню, как светились радостью его глаза, когда в жаркий август стояли мы с ним на кромке поля у деревни Волок, и он рассказывал мне о своих планах. Прошлым летом я собирал в сосняке на этом поле маслята.

Начальников у нас тьма тьмушая! В царской России на тысячу человек чиновников приходилось 0,3, в СССР — 4,8, в «свободной» России к началу 2000-х было 7,9, а сейчас уже в два с половиной раза больше, чем в СССР. Конечно, на словах все за всё и перед всеми отвечают и радеют за народ — чиновники, депутаты, «народные фронтовики», правозащитники. И денежки немалые получают. А коснись до дела, никто из них ни перед кем и ни за что всерьез не отвечает, ни за что не виноват, и рядовой человек «замучается пыль глотать», чтобы преодолеть кордоны бюрократической закорючелости и равнодушия. Громоздкий механизм сегодняшней российской бюрократии — словно машина с испорченным сцеплением. Сколько ни газуй, вперед быстро не двинется.

Некая глубинная сила с умыслом выдвигает в кабинеты власти людей, которые не могут отличить рожь от овса и пшеницы, плуг от сохи. Тешат себя и народ придумками, вроде «дальневосточного гектара». А кто-нибудь подумал, как этот гектар впишется в хозяйственную жизнь? Что делать на нем? Как сбывать продукцию? Куда водить детишек в школу? Всякая часть должна соответствовать четкой стратегии, а где она? «Что хошь», то и делай? Или штампуют по глобалистским рецептам «лидеров России», хотя яснее ясного, что лидеры рождает созидательная практика жизни.

Эта же глубинная сила с умыслом устроила так, что плодятся сотни, тысячи региональных законов, в то время как страна должна жить по единым законам. Подзаконные акты могли бы принимать исполнительные органы. В советскую

пору областные советы работали на общественной основе. Собирались депутаты, заслушивали отчет об исполнении бюджета, утверждали новый бюджет и разъезжались по своим районам. Теперь же у представительной власти солидный аппарат, часть депутатов работает на платной основе. Если в конце 90-х Законодательное собрание обслуживалось тремя автомобилями, то пять лет назад автомобилей было уже 30 (!). Затраты огромные. И так по всей России!

А еще эта глубинная сила с умыслом заполонила российское телевидение, газеты пошлой рекламой, развратом, астрологией, магией. Ни одна передача, предназначенная для расчеловечивания русского народа, не снята с телеэкрана. Политологи и ведущие обсуждают, как поступать с предателями-артистами, сбежавшими за границу и поливающими Россию грязью, навязывая мысль, что их надо простить. Втемяшивается как нечто крайне важное, сколько шайб забил за океаном хоккейный долларовый миллионер Овечкин и сколько домработниц сменил телешоумен Дибров. Но ничего не говорится о хлебе насущном, отечественном пахаре и сеятеле.

Мы знаем имена наших лучших трактористов, агрономов, животноводов, хлебопеков, предпринимателей, вложивших средства в развитие аграрной отрасли? Где высокохудожественные фильмы, книги о деревне? Размышления о земле и о крестьянстве думающих аграриев, чиновников, политиков? Где, наконец, достойное представительство крестьянина в органах власти? Почему в Государственной думе от Тверской области заседают пришлый миллиардер-коннозаводчик и волонтерка, но не коренной человек от земли, тот же умудренный горьким опытом Владимир Цветков? А потому, думается, что глубинной силе не нужны ни развитие России, ни справедливость, ни душевная чистота в человеке. Она — против человека.

Как-то в мои руки попала брошюра, официально переизданная в России (изд-во «Бытие и Сознание», 1999, Москва), но первоначально изданная в 1940 году в Берлине. Она называлась «Расовая гигиена и демографическая политика в национал-социалистической Германии». В пояснительном предисловии проводилась параллель с разрушительными действиями российских либералов. Претензия нацистов на расовую гигиену и исключительность была повержена мужеством и жертвами советского многонационального народа. Если иметь в виду, что перед войной в деревнях жило около 80 процентов населения СССР, то основной вклад в разгром фашизма внес крестьянин.

Так вот в этой брошюре содержится анализ причин, ведущих к вырождению того или иного народа. На первом месте стоит «миграция из сельской местности в большой бесплодный город».

Читаешь и думаешь, не вражьими ли наработками пользуются некоторые российские чиновники, считающие приоритетным развитие мегаполисов, а не малых городов и деревень? Не отсюда ли бесплодность разговоров о государственной идеологии? Человейник мегаполиса не только снижает рождаемость, он «стрижет» национальное под одну космополитическую гребенку. Следовательно, он чужд национальной идее. А идея — это государственная идеология, которая сплачивает, объединяет народ. Государство без идеологии не может иметь перспективы, ибо получается то самое «иди, куда хошь», беспорядок, хаос — питательная среда для всего сатанинского.

Неспроста упоминание об идеологии было исключено из созданной под контролем западных кураторов ельцинской Конституции, а либеральный философ фон Хайек предупреждающе подчеркивает: возникновение в обществе каких-то общих этических идеалов означает его сдвиг в сторону социализма. В этом ответ на вопрос: почему в России рушили крестьянскую общину и колхозы, и до сих пор продолжают лукаво трендеть о «гражданском обществе», о котором Маркс написал: «Практическая потребность, эгоизм — вот принцип гражданского общества... Бог практической потребности и своекорыстия — это деньги... Деньги низводят всех богов человека с высоты и обращают их в товар». И в этих словах только ленивый не увидит ответ на то, почему либеральные гешефтмахеры, превратили землю — Богу данность и русскую святость — в товар.

И всё же вопрос о государственной идеологии не удалось выдать из народного сознания. Людям не всё равно, какое будущее у России и что мы строим. Земляк задаёт вопрос: «Путин сказал, что у нас не было идеологических противоречий с Западом. Так?» «Так...» «А где зародился фашизм?» «На Западе, в либеральной мелкобуржуазной среде...» «Но если у нас с Западом не было идеологических разногласий, если там и здесь либеральное «гражданское общество» потребления, значит, и у нас такое возможно...» Униженное, оскорбленное, ждущее внутренних перемен русское чувство ищет выхода и удовлетворения. Война пробудила и обострила желание народа найти путь к русской правде. Тернистый это путь. Ведь, несмотря на недавнее заявление Владимира Путина о важности «стро-

ительства суверенного государства», размежевания с матрицей англо-саксонского глобализма пока не произошло.

Об углублении глобалистской диктатуры (нового мирового порядка, по сути, фашизма) шла речь в феврале на Всемирном саммите правительств в Арабских Эмиратах и Дубае. Тон задавал президент ВЭФ Клаус Шваб. Он подчеркнул, что роль правительств должна быть проста: сегрегировать население на «служебных людей», обслуживающих корпорации, и тех, кто останется как генофонд. И те, и другие не смогут обладать собственностью, а новые правительства с помощью силовиков призваны их «дисциплинировать». В числе тем для обсуждения Швабом была рекомендована такая: «Глобальный дизайн и устойчивость городов». Это означает, что метки глобализма в виде англосаксонских «комфортных зон» с изображениями стандартного сердца, безликие коробки сетевых магазинов, билборды, сити, палацы и далее продолжат шествовать по миру, и будет продолжен курс на первоочередное развитие мегаполисов. Представители российского правительства на саммите не присутствовали — обнадеживающий знак. Но олигархия там крутилась, а влияние ее на внутреннюю жизнь России, на правительство, судя по всему, сохраняется.

Дубай, Эмираты, глобализм, Клаус Шваб... Кто-то скажет, какое отношение это имеет к нашему крестьянству? Самое непосредственное. Глобалисты осознают, что Россия всегда была сильна патриотизмом провинции, что возрождение деревни в условиях западных санкций способно стать мощным локомотивом развития, существенно улучшить критическую демографическую обстановку, физическое и нравственное здоровье народа. Но пока Россия не выйдет из глобалистских проектов, не победит анти-Россию внутри России, изменения отношения к деревне и крестьянину вряд ли стоит ожидать.

Стране нужна новая повестка дня, четкая альтернатива либерально-буржуазному курсу. Назрели структурные экономические и политические преобразования. Будем откровенны, система изначально, еще при Ельцине, создавалась преимущественно в интересах «западных партнеров». Это о Ельцине Клинтон публично заявил: «Мы теперь имеем в лице руководства России тупое и послушное орудие в наших руках». Под «партнерство» формировалась властная и творческая «элита» — в том числе региональная, известные политические партии, выборный механизм. Внедрялись «креативные» проекты в образовании, уродовалась традиционная русская культура, принимались Указы и Законы, выстраива-

лась основанная не на доброте, справедливости, порядочности, а на культе денег индивидуалистическая «этика» отношений. Всё это нуждается в пересмотре и корректировке.

Разумно вернуться и к земельному Указу, со скорейшим внесением в него изменений, обязывающих власть усилить государственное влияние на землепользование. Неиспользуемые пашня, сельхозугодья должны быть не просто возвращены государству. Оно призвано взять на себя ответственность за плановое и комплексное развитие этих земель путем образования и поддержки народных предприятий, кооперации, создания благоприятных условий для ранее пришедших на село предпринимателей, побудить жителей крупных городов к возвращению в опустевшие деревни. Речь о предоставлении льготных кредитов, безвозвратных ссуд, снижении налоговой нагрузки, тарифов на электроэнергию.

Чиновникам, политикам, депутатам следовало бы усвоить, что дискриминация русской деревни, крестьянства есть поддержка глобализма, проявление русофобии, и поставить под запрет применительно к провинции слово «оптимизация». Нужно прекратить массовое истребление леса, вернуть в провинцию машинно-тракторные станции, госорганизации, призванные заниматься строительством и культур-техническими работами, леспромхозы, лесоохрану, возродить заготовительные конторы. То есть отнестись к земле не с потребительских позиций хищнического капитализма, а как к опоре Русского мира, Матушке и Кормилице. И она, не подлежит сомнению, воздаст за это сторицей.

г. Андреаполь Тверской обл.

Михаил СМИРНОВ

ДВА РАССКАЗА

ДУХОВО БОЛОТО

Вороны кружились над двором. Невысокая худенькая Зинаида в тёмном платье, кофте с подвернутыми рукавами, поверх безрукавка, на голове линияя косынка, погрозила кулаком, нахмурилась, взглянув на множество птиц, которые метались над деревней, что-то забормотала под нос, громынула тазом и принялась быстро развешивать белье на веревке, натянутой посреди двора. Расправила последнюю наволочку, резко стряхнула, словно из ружья выстрелила, и вороны бросились прочь от звука, а потом снова закружились над ней. Зинаида взглянула на ворон, сдернула с забора дветри тряпки и направилась в избу. И тут же присела, прикрыв голову руками. Вскрикнула. Ворона, едва не вцепившись в косынку, громко закартавила, исполошенно замахала крыльями и пронеслась над головой. Следом за ней, затрещала крыльями другая, атакуя Зинаиду. Отмахиваясь тряпками, она взбежала на крыльцо, теряя галоши, и торопливо юркнула на веранду. Лохматая небольшая собака взвизгнула, ког-

ПРОЗА

да вороны набросились на нее, тоненько и протяжно завывла и осеклась, испугавшись хозяйку, когда она выскочила с сапогом на крыльцо и, размахнувшись, бросила в нее. Собака поджала хвост, быстро шмыгнула в старую конуру, спряталась в глубине и снова протяжно и тоскливо завывла.

— Опять вороны стаи над деревней кружат. Не к добру появились. Не иначе, беду на крыльях принесут, — Зинаида мелко перекрестилась. — Господи, помоги! Отведи беду от нашего дома!

Она поставила таз на табуретку, бросила тряпки на лавку, где стоял большой бидон. Рядом с ним примостилась пестрая кошка. Зинаида хлопнула дверью, зашла в избу, продолжая охать и причитать, заглянула в горницу и тут же принялась ругаться.

В полутемной горнице её муж, Матвей, распахнул створки шкафа, стоявшего в углу, опустился на колени и принялся с полка вываливать тряпье, разгребал его, чертыхался, отбрасывал в сторону и снова скрывался в шкафу, опустошая полки. Потом поднялся. Стащил со шкафа два огромных узла, развязал и снова стал перетряхивать вещи, что-то выискивая.

— Ну ты глянь на него, — всплеснула руками Зинаида и закачала головой, взглянув на вещи, валяющиеся на полу. — Не успела на двор выйти, чтобы белье развесить, а он соскочил и устроил настоящий погром в избе. Ты же спал, зараза этакая. Храпел, аж стены дрожали. Зачем поднялся? Вон какая непогодь на улице. В такую погоду только спать и спать, а ты соскочил. Теперь будешь всю ночь из угла в угол ходить. Сам не спишь и мне покоя не дашь. Что ищешь в шкафу? Мало выпил за обедом? Решил поискать, пока я отлучилась. Я же наливала тебе. Хватит. И не ройся в вещах, всё равно не найдешь. Как на духу говорю. Не шарься. Я весь запас по соседям разнесла. Не ищи, повторяю, там ничего нет! И хватит вещи разбрасывать. Иначе в следующий раз тебя заставлю стирать.

И нахмурилась, встала перед ним, руки в боки.

— Отстань со своими бутылками! — не поднимая головы, рявкнул Матвей, продолжая копаться. — Если захочу, всегда найду выпивку. — И тут же взглянул на жену. — Слышь, Зинка, куда запрятала новые тапки, ну те, что наша Валька привозила для меня? Помню, где-то видел, всё перерыл, а они запропалились. Куда убрала?

Он снова посмотрел на жену.

— А тебе-то зачем? — удивлённо спросила Зинаида. — Ты же сказал, что в избе привык босиком ходить, а по улице в тапках не ходят. И махнул рукой, что тапочки — это балов-

ство и не более того. Я и того... — и подозрительно так. — А для чего ищешь? В окошко видела, что ты с Игнатом Гороховым стоял на улице. Всё наговориться не могли. Разойдутся в разные стороны и снова сходятся, опять начинают языками трепать, как бабы базарные. Ему пообещал? Не иначе, на бутылку сменяешь. Ты бы лучше с ним договорился, чтобы солому привезти да в лес съездить. Говорят, зима суровой будет, а у нас дров в этом году — кот наплакал. Хороший мужик в дом тащит, а ты из дома. Гляди у меня... Сразу кочерёжкой прогуляюсь по хребтине, а потом руки поотшибаю, что нажитое добро разбазариваешь. Не тобой положено, не тебе брать. Гляди, дважды не стану повторять. Ты меня знаешь...

И грозно сдвинув бровки, она погрозила пальцем.

— Ты, Зинка, не придумывай, — буркнул Матвей, вытащил ещё одну охапку тряпья и стал расшвыривать. — Пока ты постирушками занималась и бельё развешивала на дворе, мне батя приснился. Аж сердце затрепыхалось и воздуха не стало хватать, когда его увидел. Он стоит и смотрит на меня, аж мурашки по мне забегали, а потом велел принести ему другую обувь. Говорит, что ботинки жмут. Все ноги посбивал. Велел, чтобы я принёс посвободнее да помягче обувь, если такая есть. Я стал отнекиваться, мол, где взять её — эту обувь, сам в кирзачах хожу, а потом вспомнил, что мне тапки подарили. Удобные, мягкие. Дай, думаю, отнесу. Всё равно без дела валяются. Тапочки — это обувь не для деревни. В тапках только по городу форсить или в домовину класть — милое дело, а по деревенской улице ходить, так никаких денег не напасешься на них.

Зинаида ойкнула, прижала руки ко рту, и невольно оглянулась на окошко, где в воздухе продолжали кружиться вороны, некоторые из них помчались в сторону дальнего леса, где находилось Духово болото, над которым было черным-черно от вороньих стай...

— Отца видел и даже говорил с ним? — запнулась Зинаида. — Уж сколько лет прошло, как на мазарки снесли, он ни разочка во сне не приходил, а нынче приснился. И другую обувь попросил. Аж на душе заскребло, как ты сказал...

И, взглянув на икону, торопливо перекрестилась.

— Да, велел другую обувь принести. Я сразу говорил вам, когда он помер, что для него маленькие ботинки приготовили, у него ножища-то здоровенная была, а вы заупрямились. Не выбрасывать же, за них деньги плочены... — передразнил Матвей. — Еле ноги в ботинки всунули, когда в смертную одежду одевали, а теперь напомнил о себе. Вот так стоял передо мной и смотрел, а сам хмурился, брови сдвинул, потом

сказал про обувь и к себе позвал. Мол, приходи, Матюха, я жду тебя. Глянь, Зинка, вот так меня звал, — и Матвей медленно помахал рукой.

— Ой, Божечка, беда пришла, — зашептала Зинаида и взглянула на мужа. — И ты согласился? Надо было сказать, чтобы не звал к себе, что ты еще не все дела переделал. А когда освободишься и настанет твое время, сам придешь. А то вон как у Лёньки Малуева получилось. Тоже батя приснился. К себе позвал. Ленька пообещал, что придет. И что ты думаешь, через неделю на машине разбился. Встретился с отцом. А еще говорят...

— Хватит придумывать, — перебил Матвей и пожал плечами. — Это же отец. Сама знаешь, его слово — закон для всех. — И тут же нахмурился. — Ты, Зинка, не трепли языком, а лучше делом займись. Куда упрятала тапки, что дочка привезла? Вытаскивай. Я бате отнесу, пока на улице не стемнело. Он ждет...

— А зачем ты ему сказал, что тапки есть? Мог бы соврать, чтобы к нему не ходить. Сказал бы, что заболел, ну чтобы не тащиться на Духово болото, а ты... — она сокрушённо зачала головой. — Что говоришь? А, тапки... Так это... — Зинаида дёрнула головой, запнувшись, и неопределённо махнула рукой. — Там они... Там тапки лежат.

— Вот поднимись и иди за ними, — заворчал Матвей и ткнул пальцем в половицу. — Живо принесла! Сидит, языком молотит. Батя ждать не любит. Сама знаешь. Да и мне нужно поторопиться, чтобы темной ночью не возвращаться.

Жена недовольно забубнила, когда Матвей поднялся и, не глядя под ноги, наступая на разбросанные вещи, направилась к столу. Зинаида поглядела на него, а потом опустила на лавку возле окна и мелко перекрестилась.

— Слышь, Матюша, может, почудилось, что к себе зовет? — прикрывая рот ладошкой, сказала Зинаида, раскачиваясь на лавке. — Мало ли что приснится, тем более стопочку-другую опрокинул. На душе захорошело. Заспал, вот и померещилось... Пока ты храпел, я на двор выходила. Едва с крыльца спустилась, как на меня вороны налетели, чуть было не заклевали, пока белье развешивала, а потом наша собака завыла, зараза такая. Тоненько так, с подвыванием, аж на душе нехорошо стало. Сапогом в неё кинула. Промахнулась. В соседский огород улетел. Потом схожу, заберу. Я сердцем почуяла, что беда крадется, когда вороны налетели. Уж молитвы читала, Боженьку просила, чтобы напасть от дома отвел, — прыгая с пятого на десятое, она поправила выбившуюся прядку волос из-под косынки, застегнула, а потом сно-

ва расстегнула верхнюю пуговку на кофте, а сама сидела, разглаживая руками невидимые складки на юбке и всё горестно покачивала головой. — Глянь, столько лет твой батя не снился. Помер-то, когда молодыми были, а сейчас у самих дочка взрослая, того и гляди внуком одарит. И вот тебе батя огорошил — приснился, да ещё к себе позвал. Слышь, Матюш, а каким его видел — молодой батя или изменился? Да неужто? — она всплеснула руками. — Ох, не к добру это! И, правда, никуда не денешься — это батя, и его нужно слушать, даже если он помер. Зря не приснится. Матюша, ты в Духово болото не суйся. Сгинешь. Не зря же народ говорит, что туда нельзя заходить, тёмную силу можешь разбудить, и тогда всё — вмиг пропадёшь. Вон, вспомни, сколько людей исчезло. Слух был, что они хотели на остров перебраться, и ни один оттуда не вышел. Сгинули. А охотники пропадали, а бабы, что за ягодой ходили и исчезли. Это Духово болото забрало. Я, когда беременная была, тоже ходила туда, на камне узелок оставила. Хотела, чтобы роды легкими были. И, правда, легко дочку родила. Глазом моргнуть не успела, как разродилась. И я не болела, и дочка здоровенькой росла. Люди же зря не станут говорить про Духово болото. Значит, в нем сила огромная заключена. И если ты пришел с добром к нему, он добром ответит, а если с плохими мыслями появишься, значит, злые силы разбудишь. Но, Матвей, не забывай, в болото не заступай, иначе беду за собой приведешь. — Она замолчала, о чем-то задумавшись, а потом продолжила: — Ты по тропке доберешься до него, осмотришь и увидишь большой камень, что в землю врос. Сразу его узнаешь. Прямо как наш стол, а, может, и поболее. С краешку на него положи коробку с подношениями и уходи, не оглядываясь. Иначе беду за собой приведёшь. Матюша, я кроме тапок, носки шерстяные положу, ну и по мелочи, пачку-другую папиросок, спички, конфеток да печенья. Ну так, на всякий случай. Как принято у людей... Ох, на душе тревожно, аж каждая поджилочка трясётся...

Сказала, а у самой плечики задрожали, и Зинаида незаметно смахнула слезу, нахмурилась и посмотрела на мужа. Неслышно поднялась, метнулась к комоду, покопалась в нём, достала шерстяные носки, новые, к зиме связала. Положила на стол и заторопилась на веранду. Вернулась, держа в руках обувную коробку. Открыла, поглядела на синие тапочки и вздохнула — жалко всё же, а потом сунула туда носки, сигареты, горсточку конфет, несколько печенюшек, про спички не забыла — тоже сунула, потом закрыла коробку и бечёвкой крест-накрест перетянула, чтобы по дороге не растерял.

— Всё, Матвей, приготовила, — опять закачала головой Зинаида. — Ты уж поосторожнее. Не вздумай в болото сунуться. Сгинешь. С краешку, с краешку оставь... Погоди-ка, на дорожку опрокинь стопочку. Как зачем? Ну так, на всякий случай. Мало ли...

И завздыхала. Вышла на веранду. Было слышно, чем-то гремела, потом вернулась, держа в руках запылённую бутылку, налила стопку и протянула.

— Выпей, Матюш, всё не так страшно будет. Ну а ежели хочешь, можешь и вторую налить. Всё веселее на душе станет...

Сказала и завздыхала, исподтишка поглядывая в сторону темного леса.

Матвей взглянул на неё исподлобья. Опрокинул стопку. Отмахнулся от закуски. Мотнул головой, закричал и утёрся рукавом. Потом взял коробку, зачем-то потряс её и прислушался, хмыкнул, пожимая плечами — впервые приходится идти к Духову болоту с подношениями. Сдёрнул с гвоздя засаленную фуражку. Натянул сапоги, притопнул. В такую непогодь сапоги — милое дело. Опять взглянул на Зинаиду, хотел было что-то сказать, но махнул рукой и вышел во двор.

Едва захлопнулась дверь, Зинаида сунула бутылку в угол, сдернула с вешалки кацавейку и выскочила следом, но заметив мужа возле калитки, запнулась на крыльце, не ожидая его увидеть, потопталась, раздумывая, а потом вернулась в дом и метнулась к окну, раздвинула занавески и прикинула к грязному стеклу, наблюдая за Матвеем, а сама что-то нашёптывала...

Тучи над деревней низкие, тёмные, мрачные. Разбитая извилистая дорога, вся в рытвинах. По краю разлохматился репейник, чуть ли не в рост человека, и татарник ошетинился колючками, не дай Бог дотронешься, потом замучаешься вытаскивать. Промелькнула кошка, припадая к мокрой земле, и исчезла в зарослях. Над домом тревожно картавят вороны, то взмывают, то снова садятся на дерево, что стоит возле двора, потом начинают кружить над домом. Замерла деревня. Никого не видно. Глухие заборы, калитки на запорах, плотно закрыты ворота. Изредка собака завоет и тут же умолкает. Себя боится. На душе тоскливо. Тучи давят, к земле прижимают. Ветрено, сыро, зябко — беспокойно.

Опять завздыхала Зинаида.

— Чует моё сердце, не к добру приснился батя, — продолжая поглядывать в мутное окошко, забормотала она. — А я голову изломала, с чего это Матюшка в последние дни захандрил. Виду не подает, а все дела забросил. Даже от рюмки

отказывался. То возле двора стоит. Каждого останавливал, кто мимо проходил и подолгу разговаривал, словно наговорить хотел, а сам по сторонам поглядывал, не идет ли кто. А домой вернётся и сразу на кровать. Лежит и в окошко поглядывает, словно кого-то ждал. А тут на тебе — батя во сне появился. Мало того, что обувь попросил, так еще к себе зовет. Вот откуда нужно ждать беду. Не зря вороны кружат над избой, да ещё Жучка завьела, сволота этакая. И опять над Духовым болотом от вороньих стай черным-черно стало. Когда они собираются там, всегда жди несчастье. Ох, Божечка мой! Как же эту напасть отвести от избы-то?

Зинаида вскочила с лавки, взглянула на образа, мелко перекрестилась, шепча под нос, прошмыгнула в заднюю избу и принялась хлопать дверками стола, а потом снова вернулась, склонилась возле этажерки и стала перебирать книжки, потом схватила молитвенник, открыла его, долго шелестела потрепанными страницами и начала читать, то и дело осеняя себя крестом.

Матвей потуже запахнул фуфайку. Промозглый ветер, осенний. Потёр ладонью уши. Вроде до морозов ещё далеко вато, а уши стали замерзать. К чему, а? Поправил коробку под мышкой. Закурил. Посмотрел на далёкий тёмный лес, который едва виднелся в мелкой мороси. Оглянулся по сторонам. Никого. Матвей опять потёр уши. Задумавшись, покачал головой, вспоминая Духово болото. Наверное, когда его снесут на мазарки, другие так и будут ходить к Духову болоту, и будут носить свёрточки да коробки. Так было принято. Давно принято. Не одно поколение ходило и будет ходить к нему с подношениями. Конечно, можно было посмеяться над этими предрассудками, а вот нужно ли это делать — он не знал. Лучше придерживаться обычаев, как принято здесь, а то натворишь делов, что не разгребешь.

Матвей взглянул на деревню. Дорога матово поблёскивала от холодной мороси. Везде серые лужи, того и гляди ненароком ступишь в какую-нибудь. Тяжёлые облака. Там, вдалеке, тёмные тучи словно цепляются краями за крыши домов да изгороди. Всё потонуло в серой дымке. Зябко, тоскливо. Матвей передёрнул плечами. В палисадниках сиротливо стоят сирень да бузина, а в некоторых яблоньки-дички виднеются да пяток берёз разбросаны по деревне — кроны в сорочьих гнёздах. Тёмные глухие заборы, почти возле каждого двора стоят скамейки. Летом хорошо сидеть возле двора. А сейчас они намокли, доски набухли от дождя, казалось, ткни пальцем и появится вода. Повсюду зелень на черных поверхностях. И по низу заборов зелень виднеется — это мох ползёт. Не

успеешь оглянуться, всё мхом затянет: камни, деревья, заборы и избы — всю округу. Неподальёку протяжно завывла собака и тут же смолкла от сердитого окрика. Следом вторая собака откликнулась. Жалобно завывла, тоскливо. А там ещё одна отозвалась, и сразу на душе заскребло... Не ко времени собаки завывали, не к добру..

Матвей чертыхнулся. Казалось, всего полжизни прожито, а в приметы верит, словно древняя старуха. Он нахмурился, сдвинул фуражку на глаза и пошёл по обочине, по увядшей траве, всё не так скользко, как на дороге, и в лужу не попадёшь. А как тут ни поверишь в эти самые приметы, если вся округа в них верит с давних времен. Правду Зинаида говорила, что люди пропадали. Охотники или бабы за ягодами пойдут, забредут к Духову болоту и не возвращаются. Искали, а как же, но ни одного не нашли. Исчезли. А были такие, кто пытался на остров перебраться, чтобы сокровища поискать — это уж точно верная смерть. Не зря темные силы берегут разбойничье добро. Никому не дается в руки. Да и найдут ли — это никому не ведомо...

Местные жители давно заприметили: если над дальним лесом начинали кружить вороньи стаи — это к беде. И в такое время старались не ходить к Духову болоту, чтобы беду не накликать. И сегодня вороньи стаи кружатся, а ему нужно попасть к Духову болоту, потому что отцу пообещал, что придет. Такие дела в долгий ящик не откладывают. Все, кто видит предков во сне, сразу собирают узелки и торопятся к Духову болоту, чтобы подношение оставить. И ему пришлось пойти. Авось пронесет, и ничего худого в дом не притащит за собой.

Матвей верил в приметы. Он шагал по тропинке и вспоминал, как по весне Колька Малинин вышел ко двору, соседям стал сон рассказывать, будто грязную воду увидел и себя в какой-то канаве или яме — он не разобрал. Говорили ему, чтобы узелок собрал и к болоту отнёс, а Колька Малинин отмахнулся — не верю, а может, пожадничал. Ну и что? А то, что к вечеру в соседнюю деревню потащился через речку и ухнул в промоину, только одна шапка осталась на снегу. Вот тебе и грязная вода, вот тебе и канава с ямой... Две бабы из соседнего села забрели на болото, собирая ягоды, и исчезли. А сколько за долгие годы пропало охотников — этих не счесть. И всё равно идут, надеясь, что с ними ничего не случится, но не все возвращаются... А батя покойный рассказывал, как решил срезать путь, когда возвращался из соседнего села, до которого всего было десять километров. Отец отправился через лес, чтобы быстрее до дома добраться. И заблудился. Ка-

залось, до дома рукой подать, а он потерялся в лесу. Куда ни сунется, везде бурелом и лес стеной стоит. Хотел обратно вернуться и снова оказался в непроходимой чаще. Целую неделю без еды и воды блукал по лесу. Думал, под деревом помрёт. Лежал, ни рукой, ни ногой не мог шевельнуть, а в мыслях сказал, если выберется, сразу гостинчик для Духова болота отнесёт. И тотчас почувал, будто сила прибавилась. Поднялся, разлепил глаза, искусанные мошкой, огляделся и видит, а места-то знакомые. И пошёл по лесу, пошёл, словно кто дорогу указывал... К вечеру выбрался. Домой вернулся, а дома-то уж и не чаяли его в живых увидеть. Кожа да кости остались. Мать сразу же узелок собрала и он, не отдохнув, направился к болоту. Так и спасся... А Танька Егоркина, когда на сносях была, пошла к болоту, а узелок позабыла, и её... Матвей чертыхнулся. О, чего только не передумаешь, пока до Духова болота доберёшься...

Уж никто не помнил, с каких пор люди стали ходить к Духову болоту. Нет, не в само болото, а к каменному столу, что на краю стоял. Всегда было так: если лето выдавалось сухим и начинали полыхать пожары или скотинка начинала гибнуть непонятно от чего, а то градом весь урожай перемесит, и не дай бог, если люди начинали болеть и умирать в селениях, тогда сразу по деревням слушок проползал, что кто-то тёмную силу разбудил, что в том болоте таилась, а она за это мстит людям, что её потревожили. Говорили, будто силы огромные в этом болоте таятся, как добрые, так и злые. Всё зависит от человека, с чем туда придёт...

К Духову болоту ходили со всеми бедами и радостями. Особенно если рождались ребятишки и тогда шли к болоту, чтобы попросить у духов здоровья для детей, когда свадьбы играли — молодые торопились туда, чтобы положить узелок на хорошую жизнь. Люди шли к Духову болоту. Относили гостинчик. Останавливались на краю болота, но вглубь не совались — боялись, а вот гостинчики складывали на большой камень, что возле болота лежал, и говорили, с чем пришли, что они хотят. Поят, а потом, не оглядываясь, возвращались в деревню. И подношения исчезали. Значит, болото приняло дары. А бывало, узелки оставались нетронутыми, и тогда лесные птицы с воронами растаскивали дары. Но в то же время у людей, чьи узелки растеребили вороны, почему-то происходили несчастья. Значит, гостинчик не приняло болото и отдало воронью, а почему такое случалось, никто не знал.

Матвей с малых лет знал, что к Духову болоту опасно ходить. На своей шкуре испытал, когда с мальчишками сбегал

туда, чтобы разыскать исчезнувшие сокровища. Родители говорили, будто в стародавние времена на острове, что был среди болота, в небольшой избушке жил отшельник, а может, бродяга — кто его знает, а потом туда добрались лихие люди. Расправились с отшельником, распяли его на огромном камне, что лежал возле болота, железные клинья в руки и ноги вбили, так и оставили помирать, а сами расположились в его избушке. Грабежами занимались и убийствами. Много невинных душ погубили и утопили в болоте, чтобы никто не нашел. Забирали добро и уходили тайными тропками на остров. Долго за ними гонялись, а потом всё же выследили. Дождались, когда они из болота вышли, дорогу перекрыли, чтобы никто из разбойников не ускользнул, и тут же всех положили. Всех убили! Говорят, и схоронили там же, в трясину сбросили, а сверху еще огромный камень опустили. А когда сунулись на остров, чтобы забрать награбленное добро, никаких сокровищ не обнаружили. И куда они делись, до сих пор неизвестно...

А вскоре началась война с французами. Старики говорили, что здесь сильные бои шли. Много деревень сгорело. А как не сгорят, ежли по три раза в день власть менялась. Люди в землянках ютились. Много полегло в тех страшных боях: и русских солдат, и мирного населения, и французов, и еще много всяких солдат, кому пришлось сражаться на той войне. Однажды русские загнали в ловушку французский отряд. Некуда было скрыться. Со всех сторон обложили, и тогда французский генерал велел отряду пробиваться через болото. Нашли проводника среди местных. Он повел через болото. Долго кружил. Вроде давно должны были перебраться на другую сторону, а оказались на острове, с которого был замечен край болота, откуда они начали свой путь. Рассвирепели французы. Поняли, что попали в ловушку. Изрубили проводника, а сами напрямую бросились к берегу. Не смогли добраться. Часть утонула в трясине, а другим повезло. Они вернулись на остров, где когда-то скрывались разбойники. Правда, неизвестно, кому больше повезло — убитым и утонувшим в трясине или спасшимся на этом острове. Они не смогли выбраться на твердую землю и стали обороняться. Понимали, что живыми отсюда не выберутся. Лучше погибнуть в бою, чем в трясине или голодной смертью. И сражались. Русские отряды не могли взять их. Не подступишься к болоту — с трёх сторон лес в воде стоит, а шагнешь — трясина, где сгинуть легче легкого. А одна сторона болота была чистая. Остров среди болота виднеется, а не подступишься. Трясина кругом, низкие сосенки растут, и французы не под-

пускали. Едва русские появятся на краю болота, вражеский отряд открывал огонь. И тогда русские протащили пушки, установили в кустах и принялись стрелять. Не смогли уничтожить французский отряд, зато перепахали всё болото, разбивая тайные тропки с островка. Знали, что французы попали в ловушку, из которой не было выхода.

Многие жители говорили, что оттуда долго доносились людские голоса. И разговаривали, и вроде просили, чтобы отпустили их, и песни пели, и ругались, а уцелевшие лошади начинали ржать. И так тоскливо, так больно, аж дух захватывало. А потом всё тише и реже стали раздаваться голоса. И в один из дней вообще наступила тишина.

Русские нашли проводника, который согласился провести на остров. Добрались. Весь островок обыскали, под каждый куст заглянули, а отряд словно испарился. Везде воронки, обрывки сбруи или одежды, два или три стоптанных сапога валялось, а вот людей и лошадей на острове не было. И следов не было, ни человеческих, ни лошадиных. Исчезли. Все до единого! Куда пропали с острова, никто не знает. И среди тех, кто с проводником побывал на островке, словно мор прошёл. Многие умерли, а те, кто остался, тоже не жильцы были. А вскоре что-то непонятное и необъяснимое стало твориться. Кто мимо болота проходил — слышали со стороны острова длинные стоны, невнятные разговоры, а иногда песня долетала или доносилось ржание лошадей, а бывало, по именам окликали прохожих: тихо так, словно рядышком стояли и просили, чтобы помогли им, потому что устали они, измучились. Видать, души исчезнувших покоя не могут найти. Странные дела творились, непонятные...

Говорят, что запретный плод всегда сладок. Матвей при случае всегда рассказывал, как в детстве с ребятами хотели добраться до Духова болота, чтобы разыскать лазейку на остров, где, по рассказам стариков, должны храниться несметные сокровища разбойников, потому что когда этих разбойников нашли и убили, никакого золота и драгоценностей на острове не было обнаружено. А куда же они делись, если разбойники всегда находились там? Вот в том-то и дело, что награбленное добро тоже, как все думали, спрятано там. И ребята, наслушавшись рассказов, любым путем стремились попасть на этот остров, чтобы найти спрятанные сокровища. И каждый думал, никому они в руки не дались, а они найдут. И тогда... И они начинали мечтать, что сделали бы, если бы сокровища попали им в руки. И каждый мечтал о кругосветном путешествии, и каждому хотелось жить, как у Христа за пазухой.

Но, видать, всё же боженька оберегал ребят. Сколько раз ребятня из окрестных деревень пыталась добраться до болота. Хоть привязывай, так и норовили убежать. Пошушуются, потом соберутся, прихватят фонари и тропкой подаются в сторону далекого леса. Но самое странное, что ни разу не смогли попасть на остров, даже добраться не успевали. Родителям словно на ухо шептали, что пацаны подались к Духову болоту. По дороге перехватывали ребят. И Матвея ловил отец, и ему доставалось на орехи. Всех беспощадно лупили. Крапивой, прутьями, ремнём, а бывало, кнутом хлестали. Но всё равно, пройдёт немного времени, и опять какие-нибудь ребята собирались и подавались в сторону болота, потому что всем хотелось найти исчезнувшие сокровища. А чем это может обернуться — никто не задумывался. А потом те, кто порывался на Духовом болоте побывать и на остров дорогу найти, все начинали по ночам метаться, кричать во сне и всё рвались куда-то бежать. И так было до тех пор, пока родители не относили узелочки на край болота, чтобы задобрить неведомые силы. И родители Матвея тоже ходили к Духову болоту, чтобы оставить на камне подношение...

Долго Зинаида выглядывала в окошко или набрасывала кацавейку и выходила за калитку. Смотрела, не идёт ли Матвей. Извелась, вспоминая сон. Не зря батя приснился. Да ещё за собой зовёт. А если к себе зовет, значит, жди беду. Зинаида не выдержала. Поднялась на взгорок, оттуда лучше видать тропку, что к темному лесу вела, и стояла на вершинке, приложив ладошку к глазам. Всматривалась в осеннюю морось. А морось затянула округу. Всё дымкой покрыла. Вот почудилось, кто-то вдалеке мелькнул. Зинаида застыла, всматриваясь вдаль. Нет, показалось... А вон снова чёрное замелькало. Тьфу ты! Зинаида чертыхнулась. Развернулась и чуть было не уселась на пожухлую траву. Ноги подогнулись, когда увидела своего Матвея на скамейке возле дома. Всего лишь одна тропинка в сторону далекого леса вьется, а ведь он мимо взгорка не проходил, на котором она стояла. А сейчас сидит на лавке. Непонятно...

Зинаида мелко перекрестилась и заторопилась к дому.

Опустив голову, на скамейке сидел Матвей. Фуражки не было. Он сидел, о чём-то думал, не обращая внимания на мелкую морось, на промокшую тяжелую фуфайку, на изгвазданные сапоги с ошмётками грязи, на штаны, где выше колена был вырван клоч материи, и руки — все в царапинах и ссадинах. Взглянул на жену, когда она его окликнула, и опять опустил голову.

— Я все глазоньки проглядела, вся насквозь промокла, тебя ожидаючи, повернулась, а ты сидишь, прохлаждаешься и даже не позвал, — всплёскивая руками, зачастила Зинаида. — Как ты мимо меня проскочил, а?

Матвей пожал плечами. Вздохнул. Было заметно, что он устал.

— Я помахал тебе, несколько раз окликнул, а ты стояла на взгорке, приложила ладонь и смотрела вдаль, а меня словно не заметила, — сказал Матвей и грязной ладонью вытер лицо. — В сторону Духова болота смотрела. Опять позвал и пошёл к дому. Думал, за мной подашься, а ты, оказывается, там осталась. Как не слышала, что я кричал? Я же рядышком потоптался, кликнул тебя, сказал, чтобы домой шла, нечего под дождем стоять, и сам пошел, не оглядываясь. Думал, следом идешь, а ты... Слепла, что ли, ежли говоришь, что не видела меня...

Зинаида незаметно перекрестилась и взглянула на взгорок.

— Ей-богу, не слыхала! — она снова перекрестилась. — Вся тропка до самого леса как на ладони, мышь не проскочит, а ты говоришь, будто мимо прошёл. Не бреши!

И махнула рукой.

— Что мне брехать-то? — Матвей посмотрел на неё и ткнул в сторону леса. — А откуда же я взялся, если от Духова болота в деревню всего одна тропинка ведёт, а? Я же не попрусь по раскисшим полям. Сразу бы увяз...

Зинаида опять оглянулась. Задумалась, глядя на раскисшую дорогу, на чёрные осенние поля и голый лес, что стоял вдалеке.

— Значит, нечистая водит, — решила она и закачала головой, прикрыв рот ладошкой. — Божечка мой, беда пришла, не иначе, — и тут же: — А что расселся? Морось который день сыплет, а ты шляешься с голой головой. Где твоя фуражка? Ты же в ней ушёл...

Матвей потрогал голову. Оглянулся, посмотрел на лавку. Пожал плечами.

— Не знаю, мать, — сказал он, потом долгим взглядом смотрел на чёрную полосу далекого леса, где было Духово болото, и кивнул. — Наверное, потерял. Там...

— Вот и покупай тебе вещи, а ты теряешь их. Такая хорошая фуражка была, сносу нет, — недовольно заворчала Зинаида. — А что хмурый?

— Устал я, мать, — он растёр лицо ладонями. — Пока туда добрался, всю свою жизнь перебрал, обо всём думал. Иду по тропинке и, чем ближе к Духову болоту, тем меньше силы у

меня остаётся, словно её вытягивают, словно с каждым шагом моя жизнь укорачивается. Шаг — дня как не бывало, шаг — еще на один день ближе к смерти, опять шагнул и показалось, что порог жизни совсем рядышком находится. Сейчас переступлю и всё... Видать, от жизни устал, хотя и пожил-то всего ничего. Наверное, мой срок подошёл. У каждого человека свой порог жизни. Пора в дорогу собираться. Наверное, сон в руку. Не зря же батя приснился, и собаки воют по деревне, а я сказал, когда его увидел — «Ты, батя, подожди, сейчас принесу тапки. Переобуешься». А он ответил: «Ладно, Матвейка, буду ждать тебя. Знаю, скоро придёшь». Сны не обманывают — они пророчат. Значит, настала пора отправляться в последний путь. Правда, еще не нажился на этом свете, много задуманного, но мало сделанного, но, видимо, пришло моё время с нашими встретиться...

— Что говоришь, Матюшка! — всплеснула руками Зинаида и не удержалась, шлёпнула его по голове. — Ишь, бестолковый, нажился... Что каркаешь-то? Батя ждёт... Вот сходил, отнёс тапки с носками и всё, он успокоится. У всех же так бывает, кто умерших родственников во сне видел. Отнесут узелочек с подношениями к Духову болоту, потом дома помянут и сразу плохое исчезает, а если с добром туда пришёл, хорошее сбудется. Устал, говоришь... — она поправила платок. — Как не устать, если бьёмся всю жизньюшку, ни денёчка спокойно не прожили. Не успеешь глаза открыть, уж пора делами заниматься, а вечером к подушке клонишься, глаза ещё не закрылись, а уже засыпаешь. Конечно, устанешь! И я умоталась. Что говорить, тоже еле ноги таскаю. Всё надоело в жизни, всё. Сколько тебе говорю, что пора к дочке перебираться. В городе жизнь другая. Лёгкая! Катались бы, как сыр в масле. Ни забот, ни хлопот. Не нужно в огороде ковыряться, не надо корма заготавливать и скотину держать. Живи на всём готовом и радуйся. А здесь... Эх, глаза бы не глядели...

Она махнула рукой и поджала тонкие губы.

— Мы никому не нужны в городе, — поморщившись, отмахнулся Матвей. — В нашем возрасте работу искать — это бесполезно. Там телятницы не требуются. В лучшем случае, могут взять дворником, потому что никакого образования нет, да и возраст неподходящий, чтобы учиться и в кабинетах просиживать. А на улице, сама знаешь, как зимой работать. Без рук и ног останешься, пока всё уберешь. Родной двор чистишь, вся спина мокрая, а там гектары дворов. Никакой силы не хватит, чтобы за порядком присматривать. Ну, я еще могу устроиться трактористом или в слесаря пойти. Но всё

равно денег не хватит. В городе жизнь хорошая, но дорогая, мать вашу так! Вон, посмотри, дочка с утра и до ночи горбатится на работе, а зять, Петька, один раз в жизни выпил, и до сей поры похмеляется. На всех обиду затаил, что его тонкую натуру никто не понимает. А что понимать, если он алкаш конченный? Вроде молодой, жить бы да жить, а он кроме рюмки ничего не хочет видеть. А дочка живет с ним, потому что жалеет. Говорит, он пропадет без нее. Сколько говорили ей, а она своё твердит. А ты хочешь, чтобы к ним поехали. Свалимся на дочкину шею. Хватит, уже один охламон сидит и ноги свесил. И мы следом прикатим. Нет, мать, я говорю — устал жить. Понимаешь — жить! Наверное, смертушка по пятам ходит и не может дождаться, чтобы меня забрать, — он задумался, а потом встрепенулся, взглянул на жену. — А ты знаешь, мать, я на том острове побывал, откуда голоса доносятся. Да вот...

Он закивал головой, и снова взгляд в землю.

— Да ты что? — Зинаида зажала рот ладошками. — Бре-решешь, Матюшка! Оттуда ещё никто живым не вернулся. Что тебя черти понесли на этот остров? Я же говорила, положи коробку на камень, где отшельника распяли, и уходи, не оглядываясь, иначе беда вслед за тобой придёт. А ты на остров подался... Ой, Матюшка, ты же тёмные силы разбудил. Господи, спаси и сохрани! — она стала мелко креститься, что-то бормоча под нос. — Просила тебя: оставь на камне, оставь, а ты...

И всхлипнула.

— Ладно, успеешь поплакать, когда время придёт, — заворчал Матвей и поднялся с лавки. — Устал я, мать. Туда добрался. Вышел на край болота. Гляжу, на камне ничего нет. Может, птицы и звери растащили, а может, Духово болото приняло подношения, как говорят. Отдышался. Походил по берегу. Ну и того... В общем, побывал там. Пойду, мать, прилягу. Залихоманило меня. Никакой силушки не осталось, словно в древнего старика превратился. Едва до дома добрался. Опасался, если остановлюсь, значит упаду, потому что ноги не держали. А если б свалился, как же ты нашла бы меня? Вот и пришлось ноги переставлять, лишь бы добрести. Устал я...

Матвей постоял, потоптался. Нахмурившись, исподлобья взглянул в сторону далекого леса, над которым кружились вороньи стаи, скрипнул калиткой и, оскальзываясь, направился к крыльцу.

Он долго стоял на крыльце. Курил, о чём-то думал. Поворачивался к Зинаиде, которая стояла под навесом и уклады-

вала щепу в кучку — для растопки. Смотрел на неё, а потом отводил взгляд и снова доставал мятую пачку папирос и закуривал. Зябко повёл плечами. Что ни говори, а скоро заморозки. А сейчас холодно, сыро, зябко. Прошёл в избу. Скинул промокшую фуфайку. Зачерпнул воды из ведра, что стояло на скамье. Выпил. Наклонив голову, чтобы не удариться о притолоку, прошёл в горницу. Долго стоял перед иконой. Хмурился, на неё глядя. Что-то шептал. Потом присел на лавку возле окна. Подпёр ладонью подбородок и устался в окно, за которым уже повечерело.

— На душе тревожно, — задумчиво сказал он. — Сижу, всю жизнь перебираю. Даже странно... Никогда не задумывался, а сейчас всю свою жизнь по полочкам раскладываю. К чему бы, а? Знаешь, мать, — он взглянул на жену, — давно хотел спросить и забывал... У меня есть смертная одежда или ты еще не готовила? Ты время не тyani, приготовь и в шкаф положи. Так, на всякий случай. Пусть лежит. Хлеба не просит, а время придет...

Сказал и замолчал.

— Что тебе понадобится? — отозвалась Зинаида из кухни, а потом заглянула в горницу. — Куда торопишься? Заметила, сам не свой вернулся. Меня не проведёшь. Я ж тебя насквозь вижу. Ага... Ишь ты, помирать собрался. Всего до половины жизни дотянул, а туда же — помру, помру... Да на тебе пахать можно, в плечах косая сажень, а ты дурью маешься. Всякую ерунду говоришь. Рано еще. Живи, пока живется...

И встала в дверях, уперев руки в бока.

— Как куда тороплюсь? — Матвей удивлённо взглянул на жену. — Я же сказал, что помру. Вот придет моё время, помру, и всё на этом. У каждого человека свой порог жизни, через который он должен переступить...

И так спокойно сказал, так смиренно, что Зинаида громко и протяжно икнула и закачала головой, а потом принялась креститься.

— Матюш... Матюша, опомнись, — заторопилась она. — Чего ты удумал? Отведи беду от себя, не пускай её в избу. Пусть возвращается туда, откуда пришла. Не поддавайся. Если сломаешься, смертушка быстро тебя заберет. Отгоняй её, отгоняй!

— Знаешь, мать, сколько живу на свете, всё хотелось побывать на том острове, где слышны людские голоса, — задумчиво сказал Матвей. — Если там жил отшельник, потом прятались разбойники, и всё награбленное добро исчезло, французский отряд попал в ловушку на этом же самом ост-

рове и тоже исчез, что ни одного следочка не осталось. А куда всё подевалось? Я же с ребятами в детстве сколько раз пытался добраться туда и не получалось. Отец так лупцевал, что на заднице были сплошные шрамы, а я всё равно хотел пробраться на остров. А сейчас моя мечта сбылась. Мне захотелось там побывать, чтобы своими глазами на всё посмотреть. Послушать голоса, плач, лошадиное ржание, а если повезет, найти сокровища, про которые с малых лет слышал, но самое главное — понять, почему люди боятся Духова болота? Вот и решил, хоть одним глазком, но посмотрю, что за огромная сила там спрятана, от которой все бегут сломя голову. И я пошёл...

Зинаида застыла возле двери и с тревогой стала ждать, что скажет муж. Знала, его не нужно торопить. Сам расскажет. А если начнёшь подгонять, умолкнет, и всё, потом не допрочишься.

— Я вышел за деревню, потом свернул на тропку, чтобы побыстрее добраться. Иду, а ноги, как чужие. Остановлюсь, отдышусь и снова шагаю. И чем ближе подходил, тем тяжелее было шагать, словно всю силушку из меня забирали, будто с каждым шагом я всё старше и старше становлюсь. В лес зашел. За кусты, за деревья цепляюсь, а сам под ноги смотрю, чтобы тропку не потерять. Добрался. Стою между чахлах низких сосен, а внутри меня страх ползёт. Душа в кулак сжимается. Огляделся. Положил коробку на камень, где отшельника распяли. Постоял. Потом всё же решился и стал осматриваться по сторонам. А следом как будто меня подтолкнули к болоту. Один шагок, второй, третий, под ногами всё качается, того и гляди провалюсь, а сам прислушиваюсь. Тишина... Такая тишина, аж в ушах звенит. Ни голосов, ни песен, ни лошадиного ржания — ничего! Вокруг топи, низкие сосны, осока виднеется, рогоз, а мне словно тропку указывали, по которой должен пройти. Ведь ни разу не оступился, будто по твердой дороге шагал. Выбрался на остров и сам удивляюсь, как я живым добрался, если тут столько народу пропало, как рассказывают. Немного передохнул, а потом весь остров обошел. Под каждый куст заглянул. Ничего не нашёл, ни единого следочка: что стояла изба, в которой жил отшельник, прятались разбойники со своими сокровищами и укрывался французский отряд. Понимаешь, должны были остаться следы! Хоть что-то, но должно остаться. А там ничего нет. Пустой остров, словно никто и никогда на нем не был. Если взглянуть, таких островков по всему болоту много разбросано. И я понял, что никакой силы в Духовом болоте не таится. Всё это придумали люди. Понимаешь, мать? Нет того

Духова болота, про которое многие годы шёпотом говорили, куда люди со всей округи шли с узелками, чтобы от всяких бед избавиться или, наоборот, радостью поделиться. Ничего нет! И получается, что вся вера в Духово болото, где кроются тёмные и светлые силы, — пустая болтовня и не более того.

— Да ты что говоришь, Матюшка, как только язык повернулся такое сказать? — зашептала Зинаида и невольно взглянула на тёмное окно. — Так нельзя. В Духовом болоте силы преогромные таятся. Не дай Бог, если разбудишь! А ты потревожил, беду за собой привёл...

— Ерунда, — пренебрежительно отмахнулся Матвей. — Пустой островок, каких много в наших болотах можно найти, и ни одного следочка. Вот так-то, мать! Все верили в Духово болото и его несметные сокровища, которые охраняют огромные неведомые силы. Даже я верил, и сейчас побывал там, а у самого мыслишка появилась: а вдруг да найду спрятанное добро. Но всё оказалось пустой болтовней, — он запнулся, а потом усмехнулся. — Забыл сказать... Я перебрался на берег. Оглянулся, а над болотом огоньки появились. Вот так, на уровне руки светились, словно дорогу указывали. Я еще посмеялся над страхами. Говорят, если встретил огоньки — это к смерти, а я живым вернулся с острова. Правда, устал. Очень сильно устал, словно всю силушку из меня вытянули. Постоял возле камня, немного отдохнул, посмотрел на нашу коробку, которая там лежала, забрал и обратно принес. Там, возле печки положил. Убери на место. Самим пригодится. Нечего понапрасну вещами разбрасываться. Пряжи не напасёшься, ежли каждый раз туда относить. А тапочки мне впору будут. Мягонькие, как погляжу, и лёгонькие, словно пушинка. Вот уж ногам-то радость! Ладно, мать, я прилягу. Устал что-то...

Сказал и принялся стаскивать с себя рубаху.

А следующим вечером Матвея не стало. Весь день во дворе возился. Видно было, о чём-то думал. Невпопад отвечал на вопросы, а то и вовсе молчал, словно не слышал. Поднимется на крыльцо, а сам нет-нет да всё посматривал в сторону Духова болота. Постоит и снова берется за работу. Темнеть стало, когда в избу вернулся. Повечеряли. Он набросил фуфайку на плечи и вышел на улицу, чтобы покурить. Присел на лавку возле двора. Закурил, привалился к забору, и всё. Умер.

А прохожие, случайно забредшие в тот вечер к Духову болоту, слышали, как из глубины болота, где находился остров, опять стали доноситься лошадиное ржание, невнятные голоса, протяжные песни и тихий плач...

И ДОГОРАЛ ЗАКАТ

Повечерело. Уже сентябрь на дворе, но все еще солнечно и дни стоят вовсе не осенние — пасмурные и промозглые, а тихие и теплые, словно август раздумал покидать эти места, и сейчас радуется людям спокойными безветренными днями, теплым солнцем и ярким разноцветьем, которое бывает только осенней порою. Но стоит присмотреться к людям, и тут замечаешь, они готовятся к зимним холодам. Осень яркая, но торопливая. Промелькнет и не заметишь, а за нею зима придет — долгая и студеная...

Начало осени. Лето пронеслось в заботах-хлопотах, когда нужно было торопиться с хозяйством, бежать впереди себя и везде поспеть, потому что день год кормит. Люди с утра и до ночи пропадали на работе, потом возвращались домой и снова брались за работу, но уже для себя старались. Сено заготавливали, и травяной дух нависал над деревней — медом пахло, разноцветьем, грибы и ягоды нужно собрать и в дело пустить. И тянулись ребятня и взрослые с корзинами. И снова малиново-земляничный дух окружал деревню, да в каждом дворе грибы сушили и рыбу вялили. Да еще дрова нужно заготавливать. Много дров понадобится. Зимы долгие и суровые. И отовсюду были слышны взвизгивания пилы двуручной, если не было бензиновой, и туканье топора да мужицкое уханье, когда колуном раскалывали огромные чурбаки, только поленья в разные стороны разлетались, а тут уж их дожидались главные помощники — ребяташки и наперегонки тащили к поленницам, потому что им пообещали пряников купить. Да и сами ребяташки, хоть и мелкие, но понимали, что зимы-то долгие да лютые, а хочется в теплой избе на печке полёживать, когда за окном вьюга кружит или морозы трещат, и дедкины сказки слушать, чем под одеялом дрожжи продавать. И трудились от мала до велика...

И вот основные работы сделаны и переделаны, варенье-соленья заготовлены впрок и душа поет, сколько всего успели переделать за столь короткое лето, которое всегда бывает коротким, как для взрослых, так и для детей. И теперь любая работа становится в радость. Понимаешь — не нужно торопиться, как в летнюю пору. И будет тихая радость от того, что едва слышно опадает золотой лист, вся земля в золоте, а на веранде банки с помидорами краснеют — на всю зиму хватит, терпко пахнет землей, на которой желтеет тыква, а вокруг осеннее, яркое, но грустное разноцветье, а ты сидишь и занимаешься какой-нибудь работой, она всегда найдет тебя. Копотишься потихонечку, и уже не нужно себя торопить и

обгонять, лишь бы побольше сделать. А просто занимаешься делами, как бы подводишь итоги этой работы, а сам ведешь неторопливые разговоры. С кем? Да понятно, с кем. Тут полно таких же любителей неспешной подытоживающей работы. Оглянись и увидишь: там и сям копошатся люди на грядках и огородах. Вот с ними и ведешь неторопливые беседы. О чем? Да всё о том же, о жизни, конечно, о чем еще можно толковать? О ней, родимой, а еще о земле-матушке и наступающей зиме. Вот и тянутся беседы...

А некоторые привалились к забору и подрёмывают. Солнце не жаркое, но теплое и не ослепляет, а ласкает, словно убаюкивает. Погожие сентябрьские дни тем и хороши, что все переделано, а что осталось, можно не торопясь доделать, потому что появилось свободное время, которого давно уж не было, и теперь можно заняться своими делами. И не нужно мчаться, а занимайся основательно. Чтобы от работы получать удовольствие. Что ни говори, а работа для себя — она всегда в удовольствие...

Возле двора сидела баба Таня. В теплом зеленом пальто с облезлым воротником. Никто уж не помнит, сколько лет она носила его. Вспомнишь бабу Таню, а перед глазами сначала встает ее задрипанное пальто, а потом уж она сама — морщинистое личико с кулачок, взгляд в землю, коричневый теплый платок по глаза, на ногах обрезанные валенки, и сама на батожок опирается. Горбится. К земле тянет. Весна началась, чуток землю продует, зять досточки бросит под ноги, чтобы ноги не замочила, и она торопится на улицу. И радуется. По товаркам соскучилась, как говорила. Приподнимет голову, а на тонких впавших губах улыбка. Радуется, что зиму пережила и весну дождалась. А пришла весна, значит, с нею и новая жизнь начинается. И кивает баба Таня всем прохожим, здороваются, а лицо аж светится — весна, а с нею и новая жизнь начинается...

Утро наступало, и она торопилась на улицу. И до поздней осени просиживает на скамейке возле двора. Остались еще ее подружки. По пальцам на одной руке можно пересчитать подружек, но радуется она. И сидят возле двора. Баба Таня никуда не ходила — ноги не такие быстрые стали, не то что в молодости были. А подруженьки приходят. То одна, то другая подойдут и начинаются разговоры. Вроде жизнь прожили. Все темы обговорены, а все равно есть о чем поговорить. Вспоминаешь эти самые разговоры и понимаешь — говорили-то о жизни. Про будущее не разговаривали. Чаще вспоминали. А вспомнить было что. Вот и засиживались, пока старшая дочка не выходила и не загоняла домой: «Девчонки, не рано-

вато ли заневестились!», — шутила. А бабульки рады — девчонками назвали...

Бабу Таню к земле клонит. Взглядом упирается в нее, а всё же изворачивается, чтобы в небо взглянуть. Говорила, зовут они. «Да, кто зовет-то?» «Они, — и тыкала пальцем в небо. — Маменька с папенькой заждались, а там еще и Коленька с Петенькой, и Дарьюшка с Верочкой, и столько родни, что их куда больше на небесах, чем на земле». А наступала осень, и баба Таня вообще не отрывала взгляда от сини небесной. Говорила, что в солнечную погоду распахивается бездонная синева, словно врата открываются. Идите туда, люди, все шагайте, ежели время пришло. Никто на твоём пути не встанет. Никто не сможет удержать на земле-матушке. Может, многие и пошли бы, да у каждого свой срок в этом мире. И раньше не уйдешь, и ни на мгновение не удержишься. А баба Таня верила и всем говорила, что уйдет на небеса в погожий осенний денек. С утра переделает все дела, достанет заветный узелок, выйдет ко двору, усядется на лавку и будет смотреть в синь небесную, когда ей знак подадут. И солнце всюю будет светить, словно дорогу указывать, когда откроются пред ней небесные врата, потому что ее уже давно там ждут. И она подыметесь и пойдете...

— Баб Тань, что там увидела? — хохотнула босоногая Петровна, громыхая пустым ведром — на ручей направилась, что протекал позади огородов. — Что узрила, баб Тань? Свово Кольку высматриваешь, аль место подыскиваешь? Дядь Коля еще тот был ходок, как в деревне говорили! Он, наверное, молодуху себе сыскал и посмеивается, а ты всякий раз поминаешь его. И место не ищи на небесах. Там знают, кого и куда определить. Ты не торопись, все тама будем.

И засмеялась, и затряслась. Зазвякало пустое ведро в руках.

— У, охальница! — вздрогнула баба Таня. — Тока пригрелась на солнышке, а тут тебя принесло. Ты уж точно на небеса не попадешь. Будешь своим языком раскаленную сковороду лизать. У тебя не голос, а труба иерихонская. Тока и знаешь, что людей пугать. Вот погоди, Петровна, тебе точно уготовано место на самом краю, а вокруг тебя ни одного человека не будет, чтобы поменьше языком болтала. Дождешься, боженька тебя накажет, будет сковороду лизать и корчиться, — и тут же покосилась. — Куды стопы направляешь?

— На ручей схожу, там вода слаще, — заулыбалась щербатым ртом Петровна. — Хлеб поставлю. А на этой воде хлеб высоким получается и вкусным — страсть! Я все дела переделала по хозяйству. Картоха на славу уродилась. Три дня

убирали. С кулак величиной. Умотались — страсть! Теперь до нового урожая хватит, и сеструхе подмогну, и сыну-оболтусу в город отправлю, да еще останется на продажу. В этом годе опять будут ездить по дворам, менять арбузы на картошку. Возьму! Я уж несколько мешков в сараюшке держу. Жду, когда покупатели приедут. А буду капусту квасить и арбузы положу. Ох, хороша закусь да под рюмашку! — Она причмокнула и оглянулась на огород. — И остальные соседи дела переделали. Ведро-то какое стояло — благодать! Как по заказу. Теперь зимой голова не будет болеть, что на стол поставить. Всё есть и даже лишку припасла на всякий случай.

— Твоя правда, Петровна, — закивала головой бабка Таня. — Я и то дочке помогала. Ни один год так не урождалось, а нынче душа радуется, глядя на запасы. Всё сделали, всё успели. А теперь мне пора и отправляться в последнюю дорогу. Видать, боженька хотел, чтобы я порадовалась напоследки. Глянь, какие погоды стоят. Манят небеса, мой Коленька к себе зовет. Кажну ноченьку вижу. Присядет возле меня, а сам светлый, аж светится и зовет. Говорит, заждался. Потянусь к нему, глаза открою, а его нет. И болит душа, и ноет...

И опять взгляд в небесную синь, словно его, Коленьку, хотела рассмотреть.

И правда, такая синева бывает лишь по ранней весне, когда небо очищается от зимних облаков, и тогда еще говорят, что новые облака рождаются, когда видят в синеве тонкие белые перышки, и сейчас то же самое. Синь над головой — не окинуть глазом, и ни одного облачка, словно к зиме готовятся и где-нибудь за горизонтом в облачные стаи собираются, а может, новые зарождаются — студеные и снежные, которые зиму за собой приведут. Всё может быть...

Петровна давно уже ушла за сладкой водой из ручья, погромыхивая пустым ведром, а баба Таня всё сидела на скамейке возле двора. Оперлась на клюку. Взгляд в землю. Порой подымет голову, посмотрит на прохожего или в синь небесную, заулыбается, а взгляд светлый и покойный, а потом снова опускает голову и думает. О чём? Да о чем еще можно думать? Конечно, о ней — о жизни, что прошла, и осталось всего ничего, но туда баба Таня не заглядывает. И так знает, что ее ждет...

Скрипнула калитка и на улице появился крепкий старик — борода чуть ли не в пояс, длинные седые волосы и посредине пробор, рубаха до пупа расстегнута, на крепкой груди вьется черный шнурок с простеньким крестиком. Сам в пузырястых, подвернутых по щиколотку штанах и босиком. А на руках держал внука в светлой рубашонке и тоже расстегнутой

до пупа — в деда. Малец еще. Годика три и не более. Обнял деда за шею и гордо посматривает сверху на всех, а сам рукой придерживает ниточку и в ладошке зажал крестик, словно опасался потерять его и всё крепче прижимал к груди.

— В церкву ездил, дед Артемий? — зашепелявила Агния Носова, когда старик уселся на лавку подле двора и посадил внука на колени. — Чтой-то не видать было.

— Да, с Федором Марьиным сговорился. Малый-то устал бы, ежли на автобусе. Пока его дождешься, служба закончится. А Федор довез нас до храма. Утреннюю службу отстояли, — забасил дед Артемий. — Хорошо там, благостно! Вышли оттуда, и душа радуется, словно груз невидимый с себя сбросил. Легко стало, радостно...

— Правду говоришь, дед Артемий, — снова зашепелявила беззубая соседка. — Мой начнет кулаки распускать, так я скоренько в церкву подаюсь. Напрямки быстро. Мосток проскочила, а там берегом реки до самой церкви бегу. Знаю, там не тронет. Он хоть какой распьянющий, но никогда не сунется туда. Одно спасение для меня — церква!

Взглянула в сторону соседнего села, что неподалеку виднелось, и протяжно вздохнула.

— Каждый ищет свое спасение в храме, — насупился дед Артемий. — Душу нужно спасать, тогда и бита не будешь. А то вы два сапога пара. Вместе в рюмку заглядываете, а потом мутузит тебя. Да когда же вы...

И не договорил. Надоело. Уж сколько раз на эту тему было говорено — бесполезно. Совести хватало до следующей рюмки, а потом трава не расти...

— Что, Артемий, внука приучаешь к церкви? — хохотнул тощий старик, больше похожий на скелет, обтянутый кожей, чем на человека. — И как Ванька выдержал столько — не понимаю... Чать устал, малец...

Старик протянул сухую ладонь и неловко погладил по светлым волосенкам.

Ванька испуганно глянул, покрепче прижал ладошкой крестик и неуверенно заулыбался.

— Где уж устал? — старик прижал к себе Ваньку. — Он словно сто лет туда ходит. Служба идет, а он что-то нашептывает. На иконы уставится и взгляд не оторвет, словно что-то спрашивает у них, а может, рассказывает. Оттуда пошли, а он всё оглядывается, словно уходить не собирается. И дома такая же история. Носится, как угорелый, и вдруг останавливается перед иконами. Головенку задерет и смотрит на лики святых. Зови, не зови — он не слышит. И будет стоять до тех пор, пока не отдернешь. Может, слышит их — святых-то.

Наверное, о жизни праведной рассказывают. А у детей души светлые и чистые, что вложишь, то и прорастет. Я уж бабке сказал: если и дальше так дело пойдет, отдадим в воскресную школу, а там пушай в семинарию поступает, когда его время подойдет. Мой же прадед был церковнослужителем. Сгинул в лагерях в смутные времена. Многие тогда не избежали этой участи, и мой — тоже. Видать, Ванька в него пошел. И хорошо! Светлая душа у мальчонки. Подталкивать не станем и отталкивать не будем. Сам решит, кому служить.

— Правду говоришь, Артемий, — закивал головой сосед. — У каждого своя дорога в жизни. И на какую ступит — это одному Богу известно. Вон, взять Носовых, — он кивнул на Агнию Носову, которая стояла неподалеку и изливала кому-то душу, видать, жаловалась на свою тяжелую жисть. — Была же хорошей девкой, и он неплохой мужик. А в рюмку заглянули и до сих пор пытаются доньшко увидеть, словно не знают, что рюмки бездонные.

Солнце клонилось к закату. Зацепилось за опушку леса и никак не хотело уходить. Знает солнце, что каждый прожитый день зиму притягивает. А люди тепла хотят. Вот и уцепилось оно за верхушки деревьев, лишь бы на мгновение задержаться над округой, лишь бы на секундочку подольше людей своим теплом согреть...

Дед Артемий взглянул вдаль. Возле речки раздаются голоса ребят. Давно уж начало августа минуло, когда на дне озер и рек спряталась вся нечисть, которая боится гнева пророка. Пророка боится, а людей может утащить на дно, если они полезут купаться в эту пору. Уж осень наступила, и не время купаться. Вода холодная, словно родниковая, но всё же на берегу шумят. Это ребяташки рыбачат. Наверное, вернулись со школы и ну к речке. После летних каникул и сразу за парты — это кто же такое выдержит. Вот и умчались к реке и пока весь пар не выпустят, не вернуться. Дед Артемий прислушался. Не поймешь — рыбу ловят или балуются. Весь день шумят, но к вечеру всё же с рыбой вернуться. Пусть не такая крупная, но хватает на жареху, а уж вкусная — страсть! С лучком, яичко разбить, да еще молочком залить... За уши не оттащишь!

Дед Артемий не удержался, причмокнул и гулко сглотнул. Свое детство вспомнилось, когда каждой крошке были рады, а весна наступала, и ребятня вслед за парой худых коровенок ползала по молоденькой траве, выискивая, что можно съесть. Рыба выручала — это правда. С десятка поймашь и домой бежишь. Мамка с батей дожидаются. Отец после войны болел сильно. Все больше на крыльце просиживал, чем делами занимался. Да и куда заниматься, если кожа да кости оста-

лись. Вот и приходилось по грибы-ягоды бегать, травку всякую заготовливать, что мать наказывала, да еще рыба вырубала. Так и жили...

Хорошо на улице, благостно! Вечер тихий и ласковый. Словно не осень на дворе, а еще лето. Пусть не в разгаре, но всё же лето, правда, всё больше разноцветья на деревьях, а под ними вообще ковры расстилаются. И трава жухнет. Нет уж той зелени, от которой глаз радуется, а больше проплешин на виду да желтизны пораскинулось по пологим всхолмьям. Но всё равно душа радуется, когда смотришь на притихшую вечернюю деревню. Солнце зацепилось за опушку леса и никак не хочет опускаться. Стараются хоть минуткой лишней обогреть, и люди еще не раз его добром вспомнят...

Там и сям ко дворам стали выходить соседи. Скоро коровы пойдут, а с ними овечки. И каждую нужно встретить, домой позвать. Животины любят ласковые слова. И у каждой хозяйки припасено какое-нибудь лакомство для любимицы. А пока стадо не вернулось, сидят и перекликаются. Вечером хорошо слышать...

— На-кась, Ванечка, — ко двору вышла полная высокая Нинка Лопырева и остановилась перед ними, держа в руках эмалированную чашку. — Скусные — страсть! Вот тебе с черемухой, а эти с земляничкой и яблочками. И ты, дед Артемий, угощайся. Я чуток с картошкой сделала и жареным луком, как ты любишь, а тут с ливером. Это Егор Замесин приносил. Осталось чуток. Решила пирожков настряпать. Угощайтесь!

Она поставила чашку на скамью, сама сложила руки под высокой грудью.

Ванечка, внук, увидел ее, обрадовался. Руки потянул к ней, сам что-то лопочет и ладошку открыл, крестик показывает. Видать, рассказывал, что с дедом в храме были.

— Ты мой хороший! — прижала к себе мальчика Нинка. — Понравилось в храме? Там хорошо, душа отдыхает. Вот съезжу в райцентр, куплю матерьяльчик и сошью рубашонку. Нарядным будешь!

И опять обняла, а в глазах радость и грусть.

Красивая девка. В самом соку, как говорится. Вроде замужем, не вдова. А уж сколько лет мается, места себе не найдет. Ей бы детей рожать, а муж исчез после свадьбы. Свадьбу отыграли. На следующий день поехал в город, чтобы вещи привезти, и с той поры его не видели. Отсюда уехал, а в городе не объявился. Исчез человек, и всё тут.

— Ты не балуй Ваньку! Завалила гостинцами. Ишь, как прилип к тебе. Своей считает, — сказал дед Артемий, потом

сунул пирожок внуку. — Как жизнь, Нинка? Всё медсестришь? Зайди к нам. Что-то моя бабка расхворалась. Глянь... А что не сделают в деревне медпункт? Всё будет лучше. И тебе не нужно мотаться в соседнюю деревню, и нашим в радость, что своя фельшерица есть. А то весь день на работе, потом по своим бегаешь.

— Уж сколько говорили на совещаниях, дед Артемий, и бесполезно, — махнула рукой Нинка Лопырева. — Языками почешут, галочки поставят в документах, и всё на этом — работа сделана, средств не хватает, как обычно. Но вы не расстраивайтесь, при первой же возможности обязательно откроем фельдшерский пункт и даже шариками украсим, и духовой оркестр будет играть.

— У них так, — вздохнул старик, собрал крошки от пирожка и кинул в рот. — Аккуратнее кушай, Ванька, а то тетка Нина тебе больше не даст. Наше начальство самих бы за сто верст отправить с поносом в медпункт, тогда бы посмотрели, каков будет результат.

— Ну ты, дед Артемий, сказанул! — расхохоталась Нинка. — Результат будет плачевным — не только штаны, но и все кусты уделают.

И еще пуще расхохоталась.

И дед Артемий не удержался. Очень уж заразительно она смеялась, Нинка Лопырева. Раз хмыкнул, другой и тоже затрясся в смехе. И, глядя на них, не понимая, что так развеселило деда, тоненько залился внук Иван. Кусочек пирожка вывалился изо рта на брюки деда.

И они уже втроем хохотали на всю улицу.

— Ну а как на личном фронте, так сказать? — покосился дед Артемий. — Не объявлялся этот аферист?

— Бумага казенная приходила, — вздохнула Нинка. — Угораздило же повстречать такого ухаля. У него таких, как я, по всей стране в каждом городе по нескольку штук. Аферист, одним словом. Опозорилась на всю деревню, и всё тут.

И взгляд в землю. Замолчала.

Ванька залепетал. Задергал за рукав и прижался к ней — жалеет.

— Это он опозорился, что сбежал, а ты радуйся, — забасил дед Артемий. — Хуже было бы, если бы остался. Всю кровушку выпил бы за долгую жизнь, а так... Так и нечего горевать. Повстречаешь своего единственного.

Дед Артемий осторожно опустил внука за землю и тот, зажав в руке пирожок, неуклюже зашагал во двор, где баба Настя загремела подойником.

— Где его взять — единственного? — протяжно вздохнула Нинка. — Хорошего не найти, а ухаля на порог не пушу. Лучше одной век куковать, чем как Носовы живут. Каждый день праздники отмечают, потом горе заливают. Нет уж, не хочу..

В проулке взревел мотоцикл. Несколько раз газанул, потом медленно выкатился «Иж» с коляской, из которой торчал пук удилишек.

— На рыбалку, Семен? — сказал дед Артемий, когда мотоцикл остановился возле него. — Что на ночь глядя?

— Ай, пока Дарья коровой занимается, я мелочишку подержаю, — гнусаво сказал сосед в замызганной одежде и вытер кривой нос, чуть ли не лежавший на щеке — в детстве сломал, так и носит всю жизнь. — О, Нинка, тоже пирожков настряпала? И моя Дарья уж второй день печет. Вся деревня сошла с ума. У кого ни спроси, все пирожки да пироги стряпают. А калина пойдет, так на всю деревню дух будет стоять. Ох, люблю пирожки с калиной! — он причмокнул и зажмурился, потом взглянул на Нинку Лопыреву и не удержался, взял пирожок из чашки. — С чем пекла? И у нас с картохой да луком, а еще с капустой и яйцами. Надоели! Сома изловлю, скажу, чтобы пирог с сомятиной сделала. Жирный и вкусный — страсть! Ешь его, а жир с пальцев стекает... — Он оглянулся на речку. — Вот сейчас наловлю пескаришек и ушицу сварганю. От души похлебаю!

Он газанул и потихонечку направился в сторону речки, то и дело останавливаясь возле дворов, где сидели соседи, оживая стадо.

Промчалась стайка ребятишек. Пусть носятся, пока дожди не начались. А зальёт, уж не до гуляний будет, и уроки нужно учить. Школа только началась, а до каникул еще...

Хорошо на улице. Осень на дворе, а всё равно тепло. Солнце наполовину скрылось за дальним лесом. Тени косые, длинные. Заорал петух и умолк. Следом залилась собачонка, выскочила на улицу, кинулась вслед машине, потом остановилась, осмотрелась по сторонам, как бы показывая, что справно службу несет, и куда-то затрусила.

— Как Витька поживает? — неожиданно спросила Нинка, взглянула на деда Артемия, и взгляд в землю. — Чать, в начальники выбился? В город не собирается переезжать? Всё же полегче жизнь, чем в деревне. Глядишь и...

И не договорила. Покосилась на старика и замолчала.

— В общежитии живет, — буркнул дед Артемий. — На работу и с работы — вот и вся жизнь. Он в город подался, что там денюжат побольше, а ему Ваньку нужно на ноги ставить.

В выходные старается к Ваньке приехать. Скучает по нему. Один же воспитывает. Ну, мы еще помогаем. Вчера звонил. Привет передавал тебе. Спрашивал, как живешь. А я ответил: Нинка лучше всех живет. Посмотришь на нее, и душа радуется. А он говорит: хорошая девка. Жаль, поздно разглядел. У вас судьбы одинаковы. Твой аферист сбежал, а у Витьки жена с полюбовником уехала, и дитя не нужно было. Как укатила, так и не слышали о ней. Бог ей судья! Сами Ванечку на ноги поставим, сами в жизнь выпустим, — он помолчал, потом снова повторил: — А Витька каждый раз спрашивает про тебя, когда звонит..

И не договорил. Задумался.

Нинка Лопырева вскинулась, когда о нем услышала. Заулыбалась. Нет, даже засветилась, правда, в вечерних сумерках особо не разглядишь, но деда Артемия не проведешь — жизнь прожил. Покосился на нее, хотел было что-то сказать, но промолчал.

— А что же не женится? Город — не деревня. Там невест пруд пруди. Глядишь, пришлась бы какая-нибудь по душе. Ванюшка еще маленький. Не заметил бы, как мамкой стал называть. Вот и сложилась бы семья..

Вдалеке замычали коровы. Защелкал кнут. Облако пыли нависло над околицей. Стадо возвращалось..

— А ты выйдешь за нашего Витьку? — неожиданно сказал дед Артемий. — Девка ты справная и хозяйственная. Ничего худого за тобой не замечали. Вы бы с Витькой парой какой стали — загляденье!

— Старый, что расселся? — Заскрипела калитка, и баба Настя вышла ко двору, вытирая руки об фартук. — Что-то нынче коров долго не гонят. Погоды-то какие славные стоят! И не скажешь, что осень на дворе. Лето, да и только, — и тут, словно лишь сейчас увидела Нинку Лопыреву: — Здравствуй, Нин! Как поживаешь? Тоже свою Зорьку ждешь, аль с моим Артемием шашни закрутила? Сидят, воркуют..

И меленько засмеялась. Морщинки разбежались по лицу.

— Ай, скажешь тоже — шашни! — отмахнулась Нинка. — Корову подоить нужно, да постирушки устроила. Угощайся пирожками, баб Настя. Вкусные!

— Да я уж попробовала, — сказала баба Настя. — Ванечка угостил. Мне сует, а сам улыбается. Я сразу смекнула, что ты дала.

— Ты зубы-то не заговаривай, — мотнул седой гривой дед Артемий. — Сватаю я ее, сватаю... Хочу, чтобы за нашего Витьку вышла замуж. Глядишь, и...

И не договорил.

— Дурень старый! Да разве так сватают?! — всплеснула руками бабка Настя. — Привык сразу в лоб. Полюбовные дела нужно обходительно решать. Вот вернется Витька, соберемся и нагрянем сватать. А потом и свадебку сыграем. Осень — время свадеб. А мы что, хуже других, что ли? Такую свадьбу закатим, район ахнет. Да что там — район, вся область ахнет. Ты, Нинка, насчет платья не беспокойся. У меня и платье подвенечное сохранилось еще от бабки Евдохи. Простирну. Отбелю. Лучше нынешних будет. В нем свадьбу сыграем...

— Да что вы говорите? — вскинулась Нинка и вскочила. Заметалась, не зная, куда податься. Стадо приближалось, все громче доносилось шелканье кнута. — А у меня спрашивали, хочу я замуж или нет? Мне одного раза хватило по горло. До сей поры соседям в глаза не могу смотреть — стыдно. Какая свадьба? Я ни сном, не духом, а тут меня уже замуж отдают. Что, вы надо мной насмехаетесь, что ли? Да разве так можно? Эх...

Нинка всплеснула руками.

— И никто не смеётся, а на полном серьезе с тобой говорим, — забасил дед Артемий. — Ходят, друг на дружку с Витькой посматривают, приветы передают, а шагнуть навстречу опасаются. Обожглись на молоке, а дуют на воду. Давно уж за вами наблюдаем. Всё подмечаем. Вот мы с бабкой и решили вас поженить, ежели у самих духа не хватает.

— А что, Нин? — взглянула баба Настя. — Ты девка сурьезная и хозяйственная. И Витька рукастый. А что с вами произошло, так не вы же в этом виноваты. Рано себя хороните. Живите, детишек рожайте. А если Ванечка лишним окажется, так мы его сами...

— Да разве ребенок может быть лишним? — всплеснула руками Нинка Лопырева. — Я же Ванечку с пеленок нянчила. Каждую родинку на нем знаю. Дети в радость даются, а вы — лишний... — и вскочила, сдернула платок с головы, мотнула гривой, скрывая покрасневшее лицо, и заторопилась по улице, где медленно шло стадо, и протяжно закричала. — Зорька! Зорька! Айда домой, моя хорошая!

Пестрая корова услышала ее голос, замычала в ответ, мол, вот она я. Отделилась от стада и неторопливо зашагала к соседнему двору. Пара овечек, путаясь под ногами, кинулась вслед.

— Вот и сговорились, как мне кажется, — сказал дед Артемий. — Ох, девка боевая! Витька вернется, обязательно сватать пойдем. Пора своим домом жить, а не по общагам шляться и щастье искать...

— Да разве сговорились? — махнула рукой баба Настя. — Напугал девку зазря. Сиганула от нас, будто наскипидаренная. За версту будет обходить наш двор. Это ты понапридумывал, чёрт знает что, а теперь отдувайся. Ладно если бы они гуляли, сами сговорились, тогда и...

— И мы не гуляли, а жизнь прожили, детей народили и на ноги поставили, — перебил дед Артемий. — Витька — последний. Его жальче, чем других. И Нинка такая, что любая хозяйка позавидует. Ведь видим, по одной тропке идут и тянут друг к дружке, а шагнуть боятся, потому что обожглись.

— Мало ли что мы видим, — заворчала баба Настя. — А вдруг заартачатся? Я не про сына говорю, а про Нинку. Она — девка видная. Ей за прынца нужно выходить, а не за нашего...

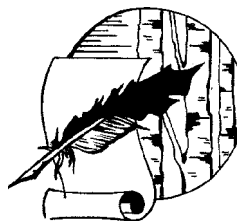
И не договорила. Махнула руками и завздыхала.

— Никшни, бабка, — поднялся дед Артемий, приложил руку и посмотрел на заходящее солнце, на синь небесную и бездонную, что раскинулась над головой. — Я знаю, что говорю. Эх, поглянь, какие погоды стоят! Сами небеса велят свадьбу играть. Готовь наряды, Настасьюшка. Гулять будем! Нутром чую...

Он еще раз взглянул в бездонную синь, потом посмотрел на соседний двор, откуда доносился голос Нинки Лопыревой, и неторопливо зашагал домой.

А над деревней догорал закат...

г. Салават, Башкортостан

Андрей МАРКИЯНОВ

НА РАСПУТЬЯХ НЕБЕС

СУДЬБА

Дед уехал на фронт на рассвете,
Эшелон уходил на Донбасс.
Это было давно — сорок третий.
Внук ушел в двадцать третьем, сейчас.

На изрытом не паханом поле
Дед обрел вековечный надел.
Он лежал и не чувствовал боли,
Он убитый на небо глядел.

Через месяц, сраженный осколком,
Внук упал головою вперед.
И у школы в районном поселке
С ним пришел попрощаться народ.

И на фронте простились, как надо —
Обложили, рванулись во мрак,
И месили ползучего гада
Потому, что иначе никак.

Мне знакомы судьбы переклички.
И сюжеты из разных времен...
Русский мир не меняет привычки,
Он со злом воевать обречен.

БАБЬЕ ЛЕТО

Облака всё темнее и ниже,
В шелест листьев вливается лень.
И в тумане по самые крыши
Утонули дома деревень.

На озера слетаются утки —
Близок, близок прощания миг.
Зажимая в кулак самокрутку,
Смотрит в небо угрюмый старик.

Может, ждет перемены в погоде,
Или вспомнил себя молодым...
А ботва всё горит в огороде,
И ползет за околицу дым.

И, как будто до нитки раздета,
Сиротеет душа под плащом.
Это значит — закончилось лето.
Это значит — не осень еще.

ЯБЛОЧНЫЙ СПАС

Гроза ушла. За старым домом
Расправил ветви старый сад.
Здесь пахнет свежестью и медом
И листья мокрые дрожат.

Здесь в глубине цветные тени,
В траве останки шалаша,
А жизнь полна счастливой лени,
И бесконечна, как душа.

Сверкнула капля... Темный запад
Еще тревожит гулкий гром.
А здесь пчела летит на запах,
И солнце в небе голубом.

Как просто всё: и сад, и лето,
И бродят паданцы вином.
И так душа теплом согрета,
Что трудно думать об ином:

Такая в ней любовь и нега,
Что рад поверить, как глупец,
Что никогда не будет снега,
И не придет всему конец.

* * *

Говорил отец: «Люблю закаты
Летом, за деревней, где затон.
Сядешь на траву и, как податый,
Попадаешь в допотопный сон.
Над водой уже туман белеет,
На осоке выпала роса.
А над синим лесом всё алеет
Яркая, как рана, полоса.
Это древний сон на грани ночи.
Разве так бывает наяву:
Прилетает филин и хохочет,
И сучки кидает на траву.
Улыбнешься и добавишь веток,
Запалишь, прикуришь от огня.
И опять до самого рассвета
Только одиночество и я.
В мглистом небе засияют звезды
Высоко над крохотным костром.
Словно Бог вдавил в пространство гвозди,
И намазал шляпки серебром.
И от красоты такой невольно
Тихим счастьем наполняет грудь.
И становится невыносимо больно,
Что исчезнет всё когда-нибудь.
Но уж так положено судьбою.
Как уйду, не забывай меня...»
Много лет, как нет его со мною.
Только одиночество и я.

ВОЛКИ

Когда я думаю про детство,
Я вспоминаю отчий дом
И лес за речкой по соседству,
И волчий вой ночами в нем,

И след в снегу от дома к речке,
И потайной под стайку лаз,
И шерсть в крови — от той овечки,
Что мать держала «про запас».

Я вспоминаю, как я вышел
В шубейке старой на крыльцо.
Вокруг луны — над нашей крышей —
Сияло зыбкое кольцо.

Я видел всё, как на ладони,
И двор, и лес, и россыпь звезд.
А на уборной, как на троне,
Сидел, не двигаясь, мой пес.

Я тихо свистнул. Он — ни с места.
Я понял всё. И закричал.
Но волк не тронулся с насеста,
Лишь подобрался и молчал.

Он не сбежал, он караулил,
Пока орудовал другой.
Я снова крикнул и, как пуля,
Метнулся за ружьем домой.

Но всё напрасно — слишком поздно.
Везло заклятому врагу.
Остались лишь луна и звезды,
Да след размашистый в снегу.

Они ушли с добычей дружно —
Она и он. И нечем крыть.
Они ушли. Им было нужно,
Как всем — детей своих кормить.

* * *

Опять под вечер на душе
Печаль и тяжкая усталость.
Пора сказать себе уже:
Здесь начинается править старость.

Пора с поникшей головой
Вернуться в мир, который снится,

Где пахнет речкой и травой,
И в бирюзовом небе птицы.

Там за деревней есть погост,
Над ним могучие деревья,
Но тот погост «быльем порос»,
С тех пор, как вымерла деревня.

Лишь рябь на заводи речной
От поплавок крикливых чаек,
Да ветер жаркою волной
Луга цветущие качает.

Пора вернуться и прилечь
На берегу у сгнившей лодки.
Но прежде снять с усталых плеч
Рюкзак отца, и выпить водки.

Поверьте мне, там мир другой,
Не тот, где мыкаюсь доньне.
Там нет людей, но есть покой
Со вкусом меда и полыни.

А по ночам, когда луна
Глядит из звездного чертога,
Стоит такая тишина,
Что начинаешь слышать Бога.

* * *

Про осень написано много.
Едва ли найдется поэт,
Который той самой дорогой.
Не шел за ушедшими вслед.

И я этой торной тропею
Шагаю, почти не дыша...
Есть в осени нечто такое,
Что чувствует только душа:

Когда на заре от росинок
Сверкает, цепляясь за куст,
Тончайшая сеть паутины,
Откуда является грусть?

Поднимется солнце повыше,
И вздумает ветер задуть —
Взлетит паутина над крышей
И плавно отправится в путь,

Опустится ниже над речкой,
Минует забытый покос,
И может, у женщины встречной
Украдкой коснется волос.

А после заблудится где-то,
Порвется на теплом ветру..
Объятие бабьего лета —
Польнная горечь во рту.

Такая уж русская доля —
Терзаться душою вразнос:
То петь о загубленной воле,
То плакать от сладостных грез.

* * *

Средь каменных стен этот вечер мне дорог,
Как грусть в стариковских глазах:
Сегодня я вспомнил осеннюю пору
В глухих предзакатных лесах.

Был тихий, до срока скончавшийся месяц.
Вдали, затеня простор,
За серой стеной продувных мелколесий
Навис над болотами бор.

Я шел по лосиным продавленным тропам,
Блуждая душой в полусне.
И редкий глухарь одиноко мне хлопал
Широким крылом на сосне.

Потом потянулись махровые ели,
Там сумрак был мрачен и дик.
И низко над кронами гуси летели,
Роняя в прогалины крик.

В дремучей тиши, где размыты границы,
Казалось, я будто оглох.

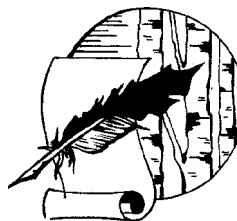
Подобно корням, мне хотелось зарыться
В подернутый патиной мох.

В просветах сгущались закатные тени,
Темнел, пропадая, Восток.
Не знаю зачем, но я встал на колени
На стыке заросших дорог.

А воздух качался сырой пеленою
И чудилось в шорохе мхов,
Как шепчет тревожно земля подо мною
Разбуженным прахом веков.

Минуты текли... По-осеннему плотно
Туман опустился окрест.
И первые звезды — большие, как окна,
Зажглись на распутьях небес.

г. Тюмень

Нина ДЬЯКОВА

В ОЖИДАНИИ ЧУДА

* * *

Осень. Просинь. Синь.
Печаль и птицы.
Это все когда-то
Повторится.
Вопреки стараниям
Напрасным
Не всегда бывает
Жизнь прекрасной...

Жизнь переиначена
Любовью.
Я бы, словно птица, —
За тобою
Полетела,
Да характер стоек:
Я из лебедей,
А не из соек.

Потому и стыну
Одиноко
Подле ледящего
Потока.
Потому и не срываю
Перьев
У своих удачливых
Соперниц.

Потому
От кликов лебединых

Трепет крыльев
Будоражит спину.
Но могут ли что-то
Я поделать,
Если ты породю —
Не лебедь?..

* * *

Ночь.
Часы в ночи бубнят —
О чем, Бог весть...
О чем рассветный дождь
Стучит по раме,
Сегодня ты — со мной,
И повод есть
Поразмышлять
О предстоящей драме.
Сегодня ты — со мной,
И ночь кратка,
И слишком скоро
Наступает утро.
И мы с тобой,
Как два слепых щенка,
Идем ко дну вдвоем
В лодчонке утлой.
Бедовая бесчинствует река,
И мир глядит
На наше трепыханье...
Но ищет руку теплая рука,
И замирает сонное дыханье.
О, этот час!
Когда сойти с ума
Легко и просто,
Словно дернуть штору,
Чтобы увидеть свет
В чужих домах.
Зачем он нужен людям
В эту пору?..
О, этот час
Рождающихся драм!
Бубнят часы.
Сейчас будильник взвизгнет.

И прокричит молочник
По дворам,
Чтобы вернуть нас
К повседневной жизни.

* * *

Просыпаюсь с улыбкой,
Живу в ожидании чуда —
Так бывало когда-то
Давно. И — неправда почти...
Непогода. А мне
По душе этот дождик-зануда,
Я ему о тебе
Потихоньку шепчу по пути.
Воробьям, как и мне,
Этот утренний дождь — не помеха,
Ах, какое тепло —
Разве мало душе шевутной?
И не надо куда-то
В края заграничные ехать,
И не надо, не надо
Бояться остаться одной.

Надо просто — проснувшись,
Пожить в ожидании чуда,
И оно непременно
Придет, как приходит апрель.
Зазвонит телефон.
Скажет голос единственный:
— Буду!
И — глаза мои настезь,
И руки,
И сердце,
И дверь.

* * *

Не дай мне тебя потерять.
Немного и так остаётся:
И сердце стучит, как придется,
И осень ушла — не догнать...

Не дай мне остаться одной,
Когда я тебя отыскала.
О сказочном принце мечтала...
И ты, наконец-то, со мной.

А годы, что нажили мы,
Ни мне, ни тебе не помеха.
Ты просто однажды приехал —
И в мире не стало зимы.

И солнце в бокале с вином
На тысячи солнц разделилось,
И лето опять заискрилось
Хмельным и веселым огнем.

Волшебная сказка одна
Пришла к нам заснеженным садом:
И принц мой единственный — рядом,
И лучшая наша весна...

* * *

Твоя кожа пахнет мускусом и ветром,
Твои руки и желанны, и крепки,
А в глазах зеленоватых столько света,
Сколько солнца в чистой заводи реки.

Как слова твои беспечные случайны,
Как ты весь непозволительно хорош,
Ты похож на удивительную тайну,
А еще — ты на любовь мою похож.

На любовь, когда она в душе — царица,
Так свободна, шаловлива и легка,
Что не ходит, а летает, словно птица,
И крылами задевает облака.

Из каких таких краев, из дальней дали
Принесла тебя крамольница-судьба,
Чтобы я жила, не помня о печали,
Только видела и слышала тебя?

И живой волною заводи зеленой
Ты меня, как в старой сказке, воскреси,

Чтобы снова мне, красивой и влюбленной,
Быть счастливой до конца хватило сил.

БЛАГОВЕЩЕНСК—ПАРИЖ...

А. Ш.

Возможно, ты вот-вот минуешь Арку,
У башни Эйфеля немного постоишь.
Я — в Благовещенске, в том самом старом парке,
Где даже не приснится твой Париж.

Как здесь благоуханно после бури!
Как с виду всё спокойно. А внутри...
Печалится берёза на Амуре,
Когда ты медленно бредёшь по Тюильри...

Сиренью пахнет белой. И лиловой.
Вот ты ужеходишь к Нотр-Дам...
Прикосновенье рук и губ, и слова —
Не смыть дождям и не стереть годам.

Заросший парк нам был волшебным лесом,
Где от любви хмелеют короли...
О чем грустит берёза — неизвестно...
О чем каштан мечтает в Тюильри...

* * *

Огнепоклонница? Грешница? Жрица?
Языческая богиня жилья...
Во мне любви успело скопиться
Как в артельный сезон — рыжья.

Мне ещё ехалось и шагалось,
И тебе спокойно жилось...
Потом наши души поцеловались,
Пока мы были поврозь...

Потом разрывало обоих на части,
Потом — на такси, и в ночь!
Наутро мир проснулся от счастья,
На тебя похожий точь-в-точь.

* * *

Хочешь плакать — позови,
Я с тобой поплачу,
Если грустно без любви,
И нельзя — иначе...
Хочешь песни петь — приду,
Подхвачу и песню,
Слово нужное найду,
Чтобы пелось вместе.
Если шутка по душе
И смеяться хочешь —
У соседа есть «Порше».
Прикачу — хоть ночью:
Крикну Митричу во двор —
Скоро пересменка,
Мы с ним дружим с давних пор.
Жили через стенку.
Буркнет Митрич: — «Ты... того,
Мужика не балуй.
Ты ж девчонка... ничего,
А не абы-кабы...»
Будет песня, будет грусть,
Смех и плач вселенский.
Поутру домой вернусь —
Дурой деревенской...

г. Чехов Московской обл.

Андрей СОШЕНКО

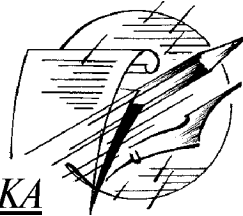
ОТКРЫВАЕМ ДВЕРИ ДЛЯ БЕДЫ

1

На глазах создается и усиливается «антирусский интернационал». Создаются целые этнические анклавы в крупных городах России. Этническая преступность в стране, даже по официальным данным (до сих пор принято скрывать большинство преступлений, совершенных мигрантами, пряча их под «бытовуху»), увеличивается на десять процентов в сопоставлении с предыдущим годом. Хотя, как увидим ниже, по заявлениям главы СК России, фактически речь идет о кратном увеличении этнопреступности в стране к каждому предыдущему году. Уже люди боятся передвигаться в городах и весях из-за риска для жизни их и их детей.

Несложно представить, что в этом вопросе через пару-тройку лет будет полный разгул преступности, по большому счету — латентный геноцид русских в Москве, Санкт-Петербурге и русских регионах страны. И вновь в российской власти будут разводить руками, заявлять, что никто во власти такого не мог предполагать.

Степень «интеграции» мигрантов в «российское общество» никак за после-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

дние годы не изменилась. Организованные этнические преступные группы в России — реальность. Их число и степень дерзости увеличиваются. «Дешевая рабочая сила» мигрантов никак не сказывается на конечной цене товаров и услуг ЖКХ, попутно часто снижая качество. Представителям коренных народов в регионах России работа не достается потому, что она коррупционным образом уже занята мигрантами. И в строительстве — в той сфере, в которой идет основная спекуляция на якобы дешевой рабочей силе, кстати, тоже.

Казалось бы, невозможно не видеть явных, уже проявляемых террористических и экстремистских рисков для страны по причине никуда не годной госнацполитики. Просто необходима необходимость кардинальных мер! Именно — кардинальных, потому что ситуация доведена до степени, когда остается внешним и внутренним врагам только бросить спичку, разгорится — не остановишь. Никакие экзамены на знание русского языка мигрантами, чем предпочитают заговаривать проблему, уже не помогут. Всё это уводит только в сторону от ее решения.

Дерзновенное поведение в России демонстрируют как мигранты, абсолютно не владеющие русским языком, так и те, которые приемлемо изъясняются на нём. Сейчас крайне необходима замена лиц во власти, отвечающих за госнацполитику и миграционные потоки, административный запрет на приток новых мигрантов из стран Средней Азии, Ближнего Востока и Закавказья. А также принудительная депортация всех мигрантов, нарушающих законодательство о постановке на миграционный учет и не занятых реальной трудовой деятельностью. Кроме этого, жизненно необходимо прекращение деятельности или взятие под жесткий контроль всех южных и восточных национальных диаспор и общин на территории страны, которые в основном только тем и занимаются, что «крышуют» сомнительные схемы и покрывают преступные деяния и посягательства на них своих соплеменников.

Но во власти по-прежнему делают вид, что очевидного не видят. Несмотря на увеличивающиеся риски для страны, продолжают заливать уже начинающийся пожар не водой, а керосином, упорно усиливают миграционные потоки в нашу страну.

Внятные и адекватные утверждения от представителей российской власти можно слышать только из уст Председателя СК России А.В. Бастрыкина. Еще — иногда от руководителей и представителей Общественной палаты России. Хотя ОП всего лишь консультативно-совещательный орган. Но и эти заявления тонут в пустых дискуссиях центральных СМИ.

Председатель СК России Александр Бастрыкин заявил о росте количества уголовных дел с участием мигрантов. «Сейчас наблюдается их (преступлений, совершенных иностранными гражданами) рост. Особую тревогу вызывает статистика по тяжким и особо тяжким преступлениям. В прошедшем году возбуждено 893 уголовных дела по таким преступлениям, как убийство и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее смерть потерпевшего. Это в пять раз больше, чем в 2021 году». В целом же в 2022 году преступлений, совершенных иностранными гражданами, «почти в три раза больше, чем в 2021 году».

Также А.И. Бастрыкин особо отметил, что получили распространение экстремистские настроения среди мигрантов. Значительно возросло и количество уголовных дел по преступлениям против половой неприкосновенности. Зачастую жертвами мигрантов становятся пожилые и беззащитные граждане. Глава СК обращает внимание, что участились случаи сопротивления требованиям сотрудников правоохранительных органов и нападений на представителей правоохранительных органов.

Он же в другом своем заявлении предложил ввести «весомый налог» за использование труда мигрантов, отметив, что такой налог необходим для мотивации работодателей нанимать граждан России в местные трудовые ресурсы, а также «в целях снижения социальной напряженности». Также Бастрыкин отметил, что «в целях снижения социальной напряженности целесообразно сформировать «дорожную карту» по замещению трудовых мигрантов гражданами России», обеспечив соотечественникам достойный уровень социально-трудовых гарантий.

Но посмотрим, как эти предложения комментируют и забалтывают в центральных СМИ. Программа «Сегодня» на НТВ в 10:00 от 11.04.2023. Передается слово т.н. экономическому «эксперту», ведущей «Деловых новостей» на НТВ некой Марине Пименовой. И какую эквилибристику мыслей та демонстрирует? Слушаем.

«Глава СК Александр Бастрыкин предложил ввести большие налоги для тех, кто приглашает на работу мигрантов. По его мнению, это будет стимулировать предпринимателей, использовать российские трудовые ресурсы. Более того, глава СК считает, что нужно заместить мигрантов гражданами России, составить специальную «дорожную карту» для этого, и тогда в стране снизится социальная напряженность. И это при том, что Центробанк с осени прошлого года регулярно указывает на то, что рабочей силы в стране не хватает все

больше, а министр экономики Максим Решетников еще в ноябре прошлого года говорил, что низкая безработица в 3,9 процента фактически означает дефицит на рынке труда. В феврале, по данным Росстата, безработица в России опустилась уже до 3,5 процентов, а Минстрой нехватку рабочих в одном только строительстве оценивает в 170 тысяч человек», — комментирует предложения А.И. Бастрыкина ведущая «Деловых новостей».

Коль упоминает она Максима Решетникова, то пусть бы для начала министр объяснил, откуда он взял эту абракадабру про какую-то низкую безработицу, указывающую на дефицит рабочей силы? В каком экономическом законе записано, что с такой-то цифры безработицы нужно привлекать рабочую силу извне? Даже, если безработица в 0,1 процента — это все равно безработица, избыток рабочей силы, людей, нуждающихся в работе. Где он откопал эту «экономическую истину»? Не наоборот ли? Чтобы снизить безработицу нужно привлекать местные незанятые кадры. В реальности все очень просто: внутри государства ответственные за экономику и положение на рынке труда просто не хотят работать в направлении привлечения к работе уже имеющиеся местные кадры, не желают обучения молодежи, переквалификации безработных и т.д.

Вот сидит на высоком посту Решетников и высасывает из пальца свои измышления, а потом с видом «авторитета» выносит это в медийное пространство. А в медийном пространстве, как видим, много адептов либерализма, «ждунов», как сейчас их называют, которые с удовольствием ретранслируют такие «компетентные», обратные истине мнения. Еще бы — целый министр экономики сказал, уж в чем в чем, а в экономике-то он должен разбираться... Должен, но не разбирается или сознательно вводит всех в заблуждение.

Иными словами, что Набиуллина (Центробанк), что Решетников (Минэконом), что Хуснуллин (вице-премьер, отвечающий за строительство) нам говорят: в стране безработица, но нам нужны мигранты! Мол, они дешевле. Чистейшая спекуляция, переворачивание ситуации с ног на голову! Привет «дорогим россиянам» со времен ельциноидных дурилок. То, что будет с государством при разгуле мигрантского беспредела, на который в очередной раз указал А.И. Бастрыкин, их не интересует.

Из сюжета на НТВ видно, что Пименова не по безграмотности всё это транслирует, а сознательно компилирует мысли А.И. Бастрыкина в целях девальвации его озабоченности дестабилизацией общественной безопасности в стране.

Количество узбекских граждан, приезжающих работать в Россию, за последние семь лет увеличилось в четыре раза, сообщил глава Минэкономразвития Максим Решетников, представляя это как достижение в своем выступлении на международном инвестиционном форуме в Ташкенте. А по итогам 2022 года приток трудовых мигрантов из разных стран в Россию вырос на треть, до 3,47 миллиона человек, причём более 90% прироста пришлось на среднеазиатских мигрантов из Узбекистана, Таджикистана и Киргизии.

Грубо и бесцеремонно, усиливающимися год от года темпами, Россию превращают в нерусь!

В Калужской области засилье таджикских мигрантов, впрочем, как и из других среднеазиатских стран. Посёлок Шопино близ Калуги — образчик «дружбы народов» и вытеснения с исконных мест жительства исторического местного населения, которое своим трудом и создавало культурную и экономическую основу Калуги и области.

Мама пострадавшего подростка (5-й класс средней школы) пишет:

«24 апреля в 18.30 мой сын Кёниг Лев возвращался со спортивной пробежки по бульвару. На него напала группа подростков-старшеклассников таджикской национальности. Один отвлек, другой повалил моего сына захватом сзади на землю, душил и избивал ногами... Мы обратились в полицию с заявлением... Наш инспектор — Туракбаева Оксана Ивановна. В настоящий момент ребёнок находится в стационаре в Анненках, у него диагностировали сотрясение мозга и ушибы... Нападавшие — приезжие из Таджикистана, «новые граждане». Они ученики восьмого и седьмого классов этой же школы. В школу №33 по указанию сверху принимаются переселенцы из республики Таджикистан, даже в старшие классы! Даже в середине учебного года!.. Администрация школы с этим ничего не может поделать. Уровень образования для детей коренного населения упал кратно, но дети переселенцев держатся стаей, и их в школе уже порядка 70%. Известны другие случаи нападения в Шопине старшеклассниками-таджиками на русских детей, младших по возрасту... Многие русские мамы увозят своих детей в другие школы... Тех, кто остался, с каждым годом становится меньше. Школа становится таджикской... В Шопине большое скопление таджиков. Есть консервный завод, где можно получить временную регистрацию, недорогое съёмное жильё, налоговая не проверяет. Многие из приезжих вообще не говорят по-русски. Как они получили гражданство? На каких основаниях тут живут? Как их дети получают атте-

стат об образовании, плохо разговаривая по-русски? Их дети конфликтуют с местными. Все эти вопросы без ответа».

Постоянно задаюсь вопросом: есть ли какая-либо системная реакция федеральных органов власти на подобные случаи и вообще на мигрантскую проблему? Что ещё нужно, сколько преступлений, сколько убийств русских, чтобы во власти соизволили заниматься межнациональными и пресечением мигрантских потоков? Людей убивают, грабят, избивают и насилюют, уже заставляют жителей уезжать с нажитых мест, а порочная госнацполитика, являющаяся причиной тому, — продолжается. Быть может, хоть как-то на информацию и воззвания руководителя СК России А.И. Бастрыкина обратили внимание? Нет. Создаётся впечатление, что этой проблемой озабочен один только Бастрыкин. Больше никому! Глава Следственного комитета России поручил возбудить уголовное дело по факту избивания ученика пятого класса в школе калужской пригородной деревни Шопино, о чём сообщили корреспонденту ИА «REX» в калужском региональном следственном управлении СК России. Боюсь, что эта история закончится ничем.

С уровня органов власти Калужской области — почти молчок: как бы ничего не происходит. Ситуация в Шопино и подобные ей истории говорят не просто о бездействии, а о «приоритетах» деятельности органов государственной власти Калужской области в сторону т.н. «мультикультурализма» и «антирусского интернационала».

Региональные калужские СМИ сообщают: «С дракой в Шопино будет разбираться детский омбудсмен по Калужской области». Не с избиванием, не с преступлением против подростка, а — «с дракой». Не удивлюсь, как это почти всегда бывает, что в преступлении с участием детей нацменов, избитый подросток ещё и виноватым окажется или будет доказано, что «драка» произошла «по бытовухе». Как обычно, вмешается «таджикская диаспора» и любыми методами (законными и противоправными) будет пытаться влиять на «разбор». И где рассмотрение этого вопроса (и массы подобных случаев в прежние годы в Калужской области) на уровне Законодательного Собрания или правительства области? И не просто по поводу т.н. «драки», а в связи с общим положением с мигрантами, а также действиями (точнее, бездействиями) министерства образования Калужской области. Члены «диаспор» заседают в региональных «обществах дружбы» народов. Но что они там делают? Как правило, оправдывают и крышуют преступления своих соплеменников и призывают в область новых мигрантов при нарочито наивном одобре-

нии калужской власти. Большинство т.н. «мигрантов» не занято реальной трудовой деятельностью либо находится здесь с нарушением действующего законодательства. И почему с преступлением будет разбираться «детский омбудсмен»? Куррам на смех! Чтобы спустить на тормозах?

В Калужской области год от года местные жители фиксируют всё больше и больше мигрантов из Средней Азии, Закавказья и внутренних мигрантов из северо-кавказских республик. Вся эта ситуация создавалась и процветала бурным цветом во времена губернаторства прежнего главы региона Анатолия Артамонова и «успешно» продолжается и усугубляется при нынешнем губернаторе — Владиславе Шапше. Родители русских подростков безрезультатно обращались и взывали к областным властям по поводу наглого поведения детей мигрантов. Всё безрезультатно. Никаких мер властями не принято, ситуация загоняется всё глубже.

Правда, В.В. Шапша год назад заявлял, что запретит нанимать мигрантов в регионе в сферы торговли, общепита, пассажирских перевозок, а также о выходе из программы по оказанию содействия добровольному переселению в Россию соотечественников, под которую на практике попадают в основном не носители русской культуры, оказавшиеся волею судеб на чужбине, а собственно среднеазиатские и кавказские мигранты. Однако время показало, что эти заявления губернатора были чисто популистскими. Результаты — обратные.

«Цветочки» превращаются в «ягодки» по мере созревания и приближения числа мигрантов к критической отметке. Впрочем, Калужский регион не уникален в этом, всё это касается большинства регионов России, особенно — Москвы и Санкт-Петербурга. И в скором времени мы получим среднеазиатскую Калужскую область. Но, может, кто-то сверху именно эту цель и преследует?..

г. Калуга

Максим ВОРОБЬЁВ

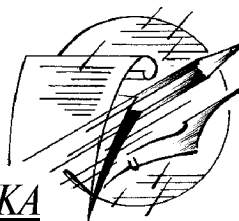
РАБЫ ЦИФРЫ

Наше время — время компьютеров, интернета и нанотехнологий. Восторгаясь достижениями современной науки и техники, мы не особо задумываемся — для чего, собственно, они нужны и с какой целью были созданы. Задавшись этим вопросом, мы получим несколько неожиданный ответ.

Технические новшества, поразительные изобретения и хитроумные компьютерные программы являются лишь следствием трех человеческих желаний. Первое из них — расширить, желательно до бесконечности, свои возможности. Второе — удовлетворить свое любопытство. Третье — обеспечить максимальный комфорт и получить удовольствие.

Казалось бы, всё понятно и естественно, но в процессе осуществления этих благих намерений возникли непредвиденные сложности. Возможности людей выросли многократно, но еще больше выросли их запросы.

Далее оказалось, что перестройка сознания человека под информационно-компьютерное поле влечет за собой неспособность к реальной жизнедеятельности, ибо виртуальное пространство существует по иным законам, чем реальный

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

мир, а существование параллельно в двух мирах влечет раздвоение сознания, которое никак нельзя назвать хорошим подарком для разума. Так или иначе, возникает вопрос об адекватности человека, его существования в реальной жизни. Конечно, в полной мере утрата жизнеспособности встречается пока не так часто, но стоит лишь присмотреться к продвинутым блогерам и программистам, чтобы увидеть разные стадии этого процесса. Даже если не углубляться в психологические исследования изменения личности, проводящей за экраном половину своей жизни, одна банальная гиподинамия чего стоит. Резко помолодевшие за последние десятилетия сердечно-сосудистые заболевания наглядно свидетельствуют об удручающей слабости, а соответственно и неприспособленности современного человека к реальной жизни. Да еще проблемы со зрением, позвоночником, суставами, диабет и т.д.

Законы виртуального мира примитивны и полностью укладываются в простую формальную логику. Виртуальный мир — одномерен. В жизни все гораздо сложнее. За последние полтора-два десятка лет, когда компьютеры стали полноправными членами каждой семьи, накопилось достаточно много информации о его воздействии на человека. Мы уже имеем поколение полностью сформировавшихся людей компьютерной эпохи. Увы, наряду с понятными плюсами использования ПК, есть не меньшее число минусов, если не большее. Термин «цифровая деменция» скрывает за собой ужасающую правду — деградация умственных способностей напрямую зависит от времени проведенного в виртуальном пространстве. Сейчас мы уже можем с уверенностью говорить об опасности привыкания к цифровым устройствам в раннем детстве. Дети, освоившие гаджеты в возрасте до 7-8 лет, как правило, плохо способны к творчеству. В подавляющем большинстве случаев они не могут сделать что-то материально-конкретное своими руками. Например, сколотить скворечник для них — неразрешимая задача. Более того, уже в более взрослом состоянии они с трудом могут освоить рабочие профессии. Ну и, наконец, отсутствие жизненной интуиции стало просто бичом продвинутых пользователей. Незаметно происходит атрофия чувств, за ненадобностью они постепенно отмирают. Люди становятся как бы замороженными, всё больше напоминая Кая из сказки Андерсона «Снежная королева». Только вместо сказочной королевы они вполне добровольно и реально попали под власть виртуального мира и цифровых технологий.

Понаблюдайте за молодыми людьми, уткнувшимися в свой любимый гаджет. Они перескакивают с одного сайта на другой, из одной соцсети спешат в другую, нигде подолгу не за-

держиваясь. Длинный текст или нечто требующее усилие внимания просто игнорируется. В лучшем случае прочитывается две-три фразы — и дальше, дальше, дальше... Процесс осмысления практически отсутствует. Некогда. Человек становится ущербным — ни чувств, ни разума. Чувства не нужны, а думать — некогда. По законам физиологии человеческого организма то, что не развивается — отмирает. В итоге получаем недоразвитую личность, уверенную в своем всемогуществе. Вот она — цифровая деменция во всей красе. А как же иначе? Ведь интернет всегда под рукой, кнопку нажать — получишь ответ. А насколько уж он правильный, кто его давал, да ещё зачем и почему — эти вопросы остаются без ответа.

В одной из телепередач, посвященных цифровым технологиям будущего, молодой парень с пеной у рта доказывал преимущество машин и компьютеров над человеком: память, реакция, производительность. Из этого делался вывод о необходимости создания киборгов — этакой составной химеры из механизмов и человека. Вот, мол, настоящий сверхчеловек — человек будущего с неограниченными возможностями. Смотрел я на него и думал: да, дружок, тебе, видно, действительно пора киборгом становиться, коль скоро ты осознаешь свое ничтожество перед машиной. Видимо, ты ни на что и не способен больше. Даже классику фантастики не читал: хотя бы А.Азимова, С.Лема, К.Саймака, Р.Бредбери да и многих других, поставивших вопросы существования киборгов, андроидов и сосуществования их с человеком во всей глубине и остроте.

Хорошо, предположим: киборги или там андроиды — неважно. Но резонно хочется спросить: а какой же в таком случае положительный вклад в этот конгломерат внесет человек? Тело? Любая часть и всё тело уступает по мощности механизмам. Разум? Но электроника считает быстрее. Тем более, что развитие искусственного интеллекта тоже не стоит на месте. Возникает вопрос: зачем вообще нужен человек? В идеальной модели цифровой технократии он и не нужен. Так, рудимент, атавизм прошлого. И остается последнее уже умозаключение в логической цепочке: если человек не нужен, то надо от него избавиться. Понимаешь ли ты, юный проповедник машинного будущего, что в нём для тебя нет места? Ты не нужен, от тебя надо избавиться, в виду твоей неспособности конкурировать с компьютером. Радует тебя такое будущее? Надеюсь, что капля здравого смысла еще осталась, и ответом будет: «нет». Хотя, конечно, можно за идею и умереть, жаль только, что эта идея не твоя, да еще и человеконенавистническая, зато накрепко вдолбленная в сознание.

В этой связи хочется пару слов сказать и об интернете. Не-правильно рассматривать его как индифферентное хранилище информации. Начнем с того, что информация сама по себе никогда не бывает нейтральной. В той или иной мере она всегда воздействует на человека — таков закон психологии. Воздействие это может быть совсем незаметным, а может вызвать бурю чувств, но так или иначе оно есть всегда. Поскольку человек живое, постоянно меняющееся существо, то и информация, получаемая извне, подталкивает его к изменениям. Основных векторов воздействия всего два: развитие или деградация. Учитывая процент лжи, деструктивных новостей и безумных идей, информация из интернета преимущественно направлена на деградацию человеческой личности.

Подключаясь к глобальной сети, человек волей-неволей становится частью глобального социума. Следовательно, в той или иной мере (которая напрямую зависит от его вовлеченности в процесс), он начинает подчиняться законам социума, а не психологии. Тем самым человек теряет свою индивидуальность прямо пропорционально времени, проведенному во всемирной сети. В итоге он становится лишь мизерной, практически незаметной частью миллиардной массы, образующей глобальное сообщество пользователей. В настоящее время можно говорить о глобальной парадигме сознания современного человечества. Эта парадигма полностью подчинена законам массовой психологии. А толпой гораздо легче управлять, чем отдельными индивидуумами. И чем больше толпа, тем проще. Так что глобализация сознания — по сути, самый верный и надежный способ управления человечеством. Что мы и наблюдаем в последние годы. Клише массового сознания становятся универсальными, благодаря интернету и СМИ. Они мгновенно распространяются по разным странам и континентам, достигая до мозга каждого пользователя.

Вот, например, ряд понятий, составляющих священную корову глобального сознания: права человека, свобода слова, демократия, равноправие, безопасность, мир, технологии, прогресс, рынок, экономическая выгода... Список достаточно длинный, приводить его полностью не имеет смысла, да он, кстати, постоянно еще и пополняется. Для рассмотрения вопроса о манипуляциях массовым сознанием и крайней стандартизации мышления современного человека нужна отдельная работа. Здесь эта проблема упомянута лишь для полноты картины.

Вернемся, однако, к персональному пользователю. Кстати, какое точное словечко: «пользователь»? Что называется, не в бровь, а в глаз. Мы можем только «пользоваться», ниче-

го практически не производя. По крайней мере, только этого от нас и ждут. Так что же бедный пользователь? Поток информации захлестывает его с головой. Огромное число картинок, лозунгов и видеороликов, заманчиво мелькающих на экране, навязчиво стараются привлечь к себе внимание. Зачастую им это удаётся и человек уже и не помнит, для какой цели он раскрыл ноутбук или взял в руки смартфон. При этом большинство послушно поглощаемой информации носит не только фрагментарный, но и откровенно бредовый характер. Чего только стоят постоянно повторяемые в новостях мантры о пришельцах, внеземных цивилизациях и НЛО. Или о чудовищах и конце света. То, что ни одно такое сообщение не подтвердилось, никого не смущает. На следующий день опубликуют аналогичную новость, зачастую почти дословно повторяющую предыдущую, разве что дату и место изменят. Иначе как шизофренией массового сознания это явление назвать нельзя. При этом поток информации ни на секунду не прекращается, создавая у пользователя иллюзию полной погружённости в жизненный процесс. На самом деле это именно иллюзия, и отрываясь от экрана, человек ощущает внутреннюю пустоту. При этом он совершенно убежден в свободе своей воли и даже может убежденно называть телевизор «дебилизатором» и «зомбоящиком», не догадываясь о том, что сам уже зомбирован гораздо более эффективно с помощью ПК или любимого гаджета.

Зависимость от чрезмерного объема в большинстве своем ненужной и даже вредной информации формируется достаточно быстро. Достаточно месяц-другой провести, уткнувшись в гаджет или в персональный компьютер, и уже окажется, что для поглощения информации и общения в соцсетях двух часов в день катастрофически не хватает. Через полгода и трех, и четырех часов будет мало. Так незаметно и с виду совершенно добровольно человек попадает в неосознанное рабство. Он становится пленником и рабом своего гаджета и в подавляющем большинстве случаев освободиться от этой зависимости самостоятельно не может.

Подвести краткий итог всему вышеизложенному можно слегка перефразированными словами известного героя народной сказки: «Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел, я от всех ушел, от реальности и подавно ушел, а от гаджета уйти не могу». Ну и конец этой истории примерно такой же, как и в сказке о Колобке. Помните? С чем, собственно, нас всех и можно поздравить. А пользователь был такой продвинутый...

Дмитрий ВОРОНИН

НА ПАСХУ

РАССКАЗ

Дядька Агафон жил в посёлке Миньково, что каким-то чудом сохранился внутри Москвы нетронутым загребушей рукой столичного застройщика. Настоящая подмосковная деревня, окружённая со всех сторон высотными кварталами. Добрая половина миньковских домов была деревянной, многие с наличниками, вырезанными ещё дедами да прадедами. Внутри них, как и полагается в таких случаях, присутствовали сени, чуланы и просторные подполы, стояли русские печи. Всё по старинке, всё по традициям, будто из ветхозаветного прошлого. Да и сами жители посёлка от исконного москвича заметно отличались своей неспешностью, основательностью, мудрой рассудительностью. К каждому дому примыкали земельные наделы, небольшие по деревенским меркам, всего-то соток шесть, изредка восемь, но по столичным понятиям — шикарное дополнение к жилью. Кто огородики свои держал с тепличками и подсобочками, у кого и живность водилась — курочек, уток, индюшек да козочек всяких, а кому и поросёнок по силам приходился. Более продви-

ПРОЗА

нутые и современные — европейскими лужайками довольствовались.

У дядьки Агафона — огородик. Да и как без него, если деток пятеро — две девчонки да три басурмана. Старшей семнадцать, младшенькой два всего, и басурманы от семи и выше через каждые четыре года. А им витамины для роста ой как нужны, да и бюджету послабление, не одна тысяча рубликов экономится. Дядька Агафон — мужик работающий, трезвый, с утра до вечера в трудах праведных, и Устинья — подруга верная, старается мужу подсобить, никакой работы не чурается. От этого и семья что надо, крепкая, дружная, на любви замешанная. А то! Вот как, к примеру, младшенькая вышла. Решил три года назад дядька Агафон Устинью в очередной раз порадовать, отложил кое-какие деньжонки, подкалымленные на частных ремонтах квартир, для поездки к тёплому морю. А в августе, аккурат к концу лета, сюрприз супруге и предоставил — билеты на самолёт и чек на оплату частного домика на берегу. Детей родственникам определили и улетели к морским восходам-закатам. Вернулись через три недели загорелые и счастливые. Друг на друга смотрели, будто только свадьбу сыграли.

— Ох, Агафон, смотри, как бы в пятый раз отцом тебе не стать, — посмеивались друзья, обращая внимание на необыкновенный блеск в глазах влюблённой парочки.

И точно, ровно через девять месяцев теперь уже подарочек от Устиньи подоспел — лапочка-дочка. Агафон на седьмом небе от счастья, детвора сестрёнке не нарадуется, Устинья вся светится. Так и живут.

Нынче у семейства дядьки Агафона большой праздник — Пасха. Средний басурман Прохор свещеносцем поставлен на вечерней службе. Для басурмана волнительно, для самого Агафона почётно.

— Папа, не пора ли ехать? Уже время вон сколько, — с утра наседали на отца Прохор.

— Да рано ещё, приедем, никого и не будет в храме.

— А если пробки на дорогах? Застрянем ведь.

— Какие пробки в субботу, сын? Сейчас вот ещё, может, и есть, а на дачи народ поразъедется — и вовсе пустынно станет, погода-то совсем стылая, ветер да дождь. Уже апрель, а весны толком не было и нет. Так что не переживай, прибудем вовремя. Лучше пойдёшь уроки на понедельник сделай.

— Я ещё вчера их сделал, пап.

После обеда вся семья расположилась в стареньком минивэне.

— Устюша, яйца, куличи, всё взяла, ничего не оставила? Прохор, не забыл кафтан? Готовы в дорогу? Ну, тогда с Богом! — перекрестился на дорожную иконку дядька Агафон и выжал сцепление.

Подполковник Дорошенков с утра был не в настроении, хмур, как московское небо. Да и чему тут радоваться, когда в предпраздничный день, считай, на саму Пасху, тебя на дежурство приказом сверху назначают. Ладно бы ещё в кабинете сидеть у телефона, погулять и тут можно, яйцами с подчинёнными побиться, коньячком с замом побаловаться, с секретаршей Валечкой Ерофеевой в удовольствие похристоваться. Но нет, на улицу определили, как самого отстойного постового. У министерских ни уважения к чину, ни сострадания к человеку. Как только праздники, так у них шило в задницу, бзики сплошные, то проверки, то ответственные мероприятия. Вот и нынче не забыли про рядового полицейского, поздравили, так сказать, очередным рабочим авралом. Локдаун, видишь ли, мэр объявил, так под это дело тут же и акцию нарисовали — ловить авто, нарушающие режим изоляции в городе. Исключение дачникам и труженикам, остальных к ответственности.

На улице мерзко, погода совсем разнюнилась — чуть за плюс. То снег, то дождь с порывистым ветром, холодрыга ещё та, зуб на зуб не попадает. Хорошо хоть за пазухой фляжка с отменным армянским коньячком, но и он ненадолго, по всему видно, согреваться подполковнику частенько приходится.

Сделав очередной глоток, Дорошенков взглянул на дорогу и тут же скомандовал старшему лейтенанту, указывая на приближающийся минивэн дядьки Агафона:

— Ну-ка, старшой, тормозни-ка вон ту колымагу.

— Стопори, — передал офицер команду Дорошенкова своему подчинённому.

Машина дядьки Агафона сошла со своей полосы и прижалась к обочине впереди постового автомобиля. Агафон приспустил боковое стекло и, дружелюбно улыбаясь сквозь бороду, обратился к молоденькому сержанту:

— Чего тормозишь, начальник, вроде я не нарушал ничего. С детьми еду, дело ответственное, дорогу под контролем цепко держу, скоростной режим выдерживаю.

— Как не нарушал? — выглянул из-за спины рядового дэпээсника Дорошенков. — А семь человек в малом пространстве — это что, не нарушение по-твоему? Предписание правительства не читаем, санитарные нормы не соблюдаем, диспансию не выдерживаем. Документы покажи.

Дядька Агафон, увидев звёзды на погонах подошедшего офицера, улыбку на лице погасил и, глубоко вздохнув, вылез из машины.

— Пожалуйста, — протянул он подполковнику права и свидетельство.

— Почему в салоне семь человек? Сказано же, что больше трёх не собираться. А у тебя друг на друге сидят и все без масок. Настоящий рассадник заразы. Подкалымить решил?

— Какой — подкалымить! Это всё моя семья, жена с детьми. Так что нам дистанцию соблюдать необязательно, все свои.

— Семья, говоришь, — окинул взглядом пассажиров Дорошенков. — Семья — это хорошо, это дело другое. Только вот куда ты её тащишь в такую непогоду? Кино с зоопарками на карантине, музеи тоже, магазины промтоварные не работают. На дачу, что ли? И что там делать собираетесь, в такой холод? Детишек не жалко?

Подполковник, поёжившись, приподнял воротник форменного пальто и уже собрался вернуть многодетному папаше документы, как вдруг услышал:

— В храм Покрова Богородицы на праздничную службу едем. Святая Пасха грядёт. Христос воскрес!

Лицо дядьки Агафона расплылось душевной улыбкой, физиономия же Дорошенкова медленно стала вытягиваться, губы сжались в тонкую нить, глаза сузились.

— В какой такой храм? Патриарх же поддержал президента, запретил пасхальные службы для народа проводить во время локдауна, чтобы не провоцировать эпидемию. Церкви не должны принимать верующих, все молитвы дома. Священники служат без прихожан. Или я чего-то не знаю?

— Ну так это ваши церкви не принимают, а наши принимают. И митрополит наш ничего не запрещал, — спрятал улыбку дядька Агафон.

— Какие ещё ваши-наши? Ты что, евангелист какой?

— Нет. Самый что ни на есть православный. Старообрядцы мы.

— Сектанты, значит. То-то я смотрю, больно имя у тебя подозрительное, не наше совсем, — утвердительно кивнул головой Дорошенков.

— Какие же мы сектанты? — обиделся дядька Агафон. — Мы ни в какую секту не уходили. Как были издревле православными, так и остались. Все изначальные традиции и обычаи соблюдаем в полной мере. Может, это вы сектанты? Это ж Никон от канонов ушёл, а наш Аввакум — он и сгинул за

правильную веру, не поступился. Да и имя моё настоящее русское, прадедами определённое.

— Но-но мне тут! — лицо подполковника пошло красными пятнами. — Поговори-ка ещё, хлыст поганый. Продали Россию вместе с Распутиным, отдали нехристям на поругание и ещё вякают.

— Чегой-то вы, господин офицер, попутали тут совсем? Причём тут Распутин с хлыстами и староверы? Историю знать надо, особенно если при таком звании. Не стыдно чушь нести? — перешёл почти на шепот дядька Агафон, не желая, чтобы его услышали стоявшие чуть в стороне подчинённые подполковника.

— Чего? — побледнел от злости Дорошенков и повернулся к лейтенанту: — Старшой, а штрафани-ка ты его за выезд за сплошную линию.

— Побойся Бога, подполковник, я ж не нарушал ничего, ты же прекрасно знаешь, — опешил Агафон.

— Мне нечего бояться, а вот ты бойся, потому как я сейчас над тобой Бог, и моё слово для тебя — закон. А моя воля такая. Вон там разворот, — указал в направлении дорожного знака Дорошенков, — и крути руль в обратную сторону, хлыстёныш, вместе со своими хлыстятками, чтоб и духа вашего тут не было, пока я тебя прав не лишил!

Дядька Агафон, получив назад права и штрафную квитанцию, сел за руль и нажал на сцепление.

— Ну что там? — тревожно посмотрела на мужа Устинья.

— Он не Бог, никакой он не Бог, — проскочил мимо разворота дядька Агафон.

— Ах ты, сукин сын, хлыстёныш задрипанный! — с досадой ударил кулаком по капоту патрульного автомобиля Дорошенков. — Ну погоди у меня, я тебе устрою пасхальную службу! Такую отслужу, век помнить будешь!

— Папка, мы успеем? — заёрзал на сиденье Прохор. — Может, газануть побыстрее?

— Никаких газануть! Хватит уже, нагазовались, и так спокойно доедем, не опоздаем.

— Оштрафовали-то хоть за что? — поинтересовалась спустя минуту Устинья.

— За пересечение сплошной полосы.

— Но ты же не пересекал!

— Не важно. У них сегодня очередная акция, надо план давать по нарушениям, вот и подвернулись под горячую руку. Да тут ещё за своего Никона обиделся, хлыстами нас обозвал...

— Опять спорить полез? Ну кто тебя вечно за язык-то тянет? Сколько раз уже говорено — не суйся в чужой монастырь со своими правилами, бесполезная затея, только себе в убыток. И вот опять, — укоризненно посмотрела на мужа Устинья.

— А что он нас хлыстами обозвал? Истории не знает совсем, — попытался оправдаться дядька Агафон.

— Слишком ты много требуешь с обычного постового.

— Он не обычный, он подполковник, старший офицер. Он должен знать историю. Знать и понимать.

— Офицер, — скривила губы Устинья. — Какой он офицер, если многодетную семью за ни за что денег лишает? Он обычный злобный неумный карьерист. Офицеры себе такой низости никогда не позволят.

— А тебе откуда это знать, позволят или не позволят? — усмехнулся в бороду дядька Агафон.

— У меня дед офицером был и отец тоже, забыл, что ли? — обиделась на мужа Устинья.

Дорошенко достал из внутреннего кармана фляжку, подержал её на весу, чуток взболтал и полностью влил в себя остатки коньяка. Постояв с минуту в раздумье, он вдруг мстительно улыбнулся и обратился к старлею:

— Ну-ка, дай мне следующий пост по направлению к этой их чёртовой молельне.

— Какой молельне? — не понял подполковника старший лейтенант.

— Ну, на храм их сектантский, Покрова Богородицы, вроде.

— Смотри, опять останавливают, — заволновалась Устинья, глядя на машущего жезлом дэпээсника.

— Вижу, — напрягся за рулём дядька Агафон и сбавил скорость.

Постовой медленной походкой подошёл к агафоновскому автомобилю.

— Лейтенант Выползов, — представился дэпээсник. — Ваши права, страховку. Куда следуем?

— На праздник Святой Пасхи в храм Покрова Богородицы.

— Выйдите из машины.

— А что случилось? — прикрыл за собой дверцу дядька Агафон, не заглушая движок.

— Вы превысили допустимую скорость при обгоне рейсового автобуса. Создали аварийную ситуацию, так сказать. — Дэпээсник достал из своей папки штрафной бланк.

— Я ничего не нарушал, никакие автобусы не обгонял. У меня пятеро детей в салоне, какое превышение скорости может быть? — возмутился многодетный отец. — Лейтенант, побойся Бога!

— А чего мне его бояться? Он мне не начальник, премию за тебя не выпишет и с работы за неподчинение не выгонит. А вот подполковник выгонит. Ну, не выгонит, то премии точно лишит, если я тебя не оштрафую. Мне это надо? Так что для меня он и есть бог. С утра тут торчу на ветру да на дожде, всякие ковиды от таких, как ты, вылавливаю, так хоть компенсацию за эти лишения получу. Сейчас оформим нарушение, и езжай себе со своим богом. Но мой совет: лучше назад домой. Если дальше, только хуже будет.

Дядька Агафон молча взял штрафную квитанцию и, сядя в минивэн, тихо пробурчал:

— Твой подполковник не Бог, овца он самая настоящая. А кто ж на овцу молится? Язычники разве.

— Чего ты там? Недоволен чем-то? Повтори, — с угрозой в голосе наклонился к боковому окну лейтенант.

— Ничего. Так, сам с собой разговариваю.

— Во-во, и молчи в тряпочку, целее будешь.

Устинья с опаской посмотрела на мужа, лицо которого походило на грозное облако.

— Что, снова оштрафовали?

— Да, — кивнул дядька Агафон, — и предупредили: дальше — хуже. Видать подполковник что-то пакостное затеял против нас. Что, решаем: может, назад вернёмся? Так всю зарплату отдашь, пока доедешь, а то и не одну. Так это в лучшем случае, а в худшем....

— И думать об этом не смей! Мы потом себе этого вовек не простим, да и Прохор тоже, — положила Устинья свою ладонь на мужнино бедро. — Пусть штрафуют, деньги в жизни не главное. Не разоримся, по миру не пойдём, заработаем ещё. Да и не арестуют же тебя, в конце концов. Если хочешь, я за руль пересяду. Со мной они, может, не посмеют так нагличать.

— Нет, Устюша, — покачал головой дядька Агафон, — я этот крест до конца вынесу. Бог поможет! А то, что ты — женщина, их не тревожит. Они распоряжение своего начальника выполняют, он их бог.

— Нашли себе бога, овцу неразумную.

Дядьку Агафона ещё несколько раз тормозили дэпээсники и лишали денег под надуманными предложениями.

-
- Побойся Бога, майор!
 - Бога нет.
 - Побойся Бога, старлей!
 - Бог завтра на Пасху будет, сегодня подполковник командует.

Подполковник Дорошенков все детали продумал досконально, всё просчитал. По его плану дядьку Агафона должны были штрафовать на всех постах по пути к церкви, на последнем же задержать строптивца за неисправленные тормоза и сопроводить его вместе с семьёй в ближайшее отделение полиции, а машину отправить на штрафстоянку.

— Капитан, — давал последние указания по рации Дорошенков своему подчинённому, — как в отделение этих сектантов доставишь, мне сразу доложи, я подъеду потом, понял?

— Так точно, товарищ подполковник!

— Папа, мы, н-навверное, точно оп-поздаем, — начал заикаться Прохор, увидев в окно, как очередной дэпээсник стал останавливать их машину.

— Не волнуйся, сын, всё будет хорошо. Бог нам в помощь!

— Господи, за что вы издеваетесь так-то над нами в такой день, креста на вас нет, — с укоризной всматривалась Устинья в приближающегося офицера.

— Капитан Пономарёв, — отдал честь дэпээсник. — Ваши права, пожалуйста.

Дядька Агафон молча протянул документы молоджавому офицеру.

— Куда следуем?

— В храм Покрова Богородицы, на пасхальную службу. Сына нынче в священосцы поставили. Спешим.

— Вот как. Церковь, вроде, старообрядческая?

— Да, православная.

— Ну что ж, не смею задерживать, — капитан вернул права Агафону и отдал честь, — Для сына праздник великий сегодня. Удачи в первом служении. С наступающей вас Пасхой. Поезжайте с богом!

У дядьки Агафона аж челюсть отвисла от изумления, да и Устинья сползла по сидению.

— Что смотрите на меня, как на невидаль? — улыбнулся дэпээсник. — Будто чудо увидели.

— Так оно самое и есть. Чудо чудесное, — опомнился дядька Агафон. — И не оштрафуешь даже, просто отпускаешь?

— Что я, не православный, что ли?

— Тоже из староверов будешь?

— Нет. Да и какая в этом деле разница? Все мы одной веры. Христос воскрес!

— Воистину воскресе, капитан, воистину!

Подполковник Дорошенко нервно ходил из стороны в сторону вдоль обочины дороги и постоянно посматривал на часы, ожидая сообщения от капитана Новикова. Коньяк давно закончился, и холодный ветер делал своё дело, выдувал тепло и последние пары хмеля из начальственного тела. Затушив очередную окурочку, Дорошенко повернулся в сторону сержанта:

— Эй, малой, вызови срочно капитана Пономарёва и рацию мне передай.

Через минуту подполковник выговаривал подчинённому:

— В чём дело, капитан, почему не докладываешь по нарушителю? Сколько я, по-твоему, должен ждать? Все сроки уже вышли. Задержал, надеюсь, этого сектанта? Как он там, не плачет отпустить, взятку не предлагает? Или богом своим пугает? Сейчас приеду, полюбуюсь на этот цирк.

— Я его отпустил, — прохрипела рация.

— Чего?

— Отпустил я их, — повторила рация, — не за что было задерживать. Документы в норме, тормоза тоже в порядке, ехал тихо. Никаких нарушений.

— Чего? — побагровел подполковник.

— Отпустил я их, говорю, — ещё раз донеслось из рации.

В воздухе повисло тяжёлое молчание.

— Твою мать! — через несколько секунд заматюгался эфир.

А ещё через минуту рация зашипела:

— В понедельник с утра ко мне с рапортом, мля!

В понедельник утром капитан Пономарёв вошёл в приёмную Дорошенко.

— Подполковник у себя? Доложите, мне назначено, — показал он удостоверение секретарше Валечке Ерофеевой.

— А вы что, не знаете? — посмотрела на него покрасневшими глазами Валечка.

— О чём?

— Николая Васильевича вчера вечером арестовали, — всхлипнула секретарша, — за взятку в особо крупном. Говорят, шансов никаких. Беда-то, беда! И главное, прямо на Пасху.

— Господи, — мысленно перекрестился Пономарёв, — видать, Бог к ответу призвал.

г. Калининград

Георгий КАН

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

РАССКАЗ

Савелий доел вторую сосиску, запил яблочным соком из пакета и привычно уставился на Сонькину фотографию, висевшую над кухонным столом. За окном темнело, и пора было собираться на смену.

Минут через сорок он поднимался по рудовозной дороге, привычно ориентируясь в полумраке. Через левое плечо была перекинута сумка с инструментами, а через правое — кофр с фотоаппаратом. Впереди появилось очертание огромной согнутой руки, заслонившей собой вершину отвала.

Зеленая вспышка озарила небо, и Савелий остановился. За долгие годы он так и не привык к этому бесшумному удару света. Наверху разгорался стяг северного сияния. Он часто думал, наблюдая эту картину, а можно ли словами описать увиденное. Типа красиво, грандиозно, дух захватывает и все такое прочее. Он не поэт, но внутри всё пело и клекотало. И было стойкое убеждение, что он должен сделать так, чтобы эта красота не пропала во времени. Чтобы чувства, которые вызывает у него северное сияние, испытали другие люди.

ПРОЗА

Тем временем праздник света над головой входил в новую фазу. Изумрудные сполохи объединились в одну широкую извивающуюся ленту, которая протянулась через чёрный небосвод. У неё появилась бахрома, нити которой стали спускаться вниз. Они были разноцветными и через какое-то время гасли, оставляя после себя маленькие вспышки, похожие на звездочки. Но это сегодня. Неделю назад Савелий наблюдал другую картину. Он опустил сумку на землю, открыл кофр и вытащил свой «Никон». Фотографировать северное сияние он брал широкоугольный объектив, который обычно использовал при сложных условиях освещения.

Он сделал десяток снимков, хотя карта памяти фотоаппарата была способна вместить их тысячи. Савелий знал, что дома, когда он будет просматривать кадры, на него опять ляжет трудный выбор. От хорошего снимка к лучшему. Поэтому он стал терпеливо подкарауливать дальнейшее развитие небесного спектакля.

Гигантская согнутая в локте рука при небесном освещении превратилась в очертания стрелы карьерного экскаватора. Заснувшего здесь полярной ночью, чтобы с утра необъятным ковшем нагружать самосвалы алмазной рудой.

Савелий подошёл к электрощитовой. Подумал, посмотрел на небо и не стал пока дёргать рукоятку рубильника. Если сейчас над полигоном вспыхнут прожектора, закрепленные на металлических мачтах, то они дадут сильную засветку. Он решил ещё подождать. Поднял камеру и сделал еще три серии снимков. В последнюю неделю, с тех пор как появилось северное сияние, он каждую ночь снимал это чудо. Обычно оно возникало осенью и ранней весной. За годы работы на рудном складе таких изображений у него скопились тысячи. Но Савелий всегда с трудом заставлял себя заканчивать съемку.

Внизу и вдалеке светились огоньки поселка, на краю которого стояла алмазодобывающая фабрика. Это было самое высокое сооружение в округе, поэтому на крыше у него светился красный авиационный маяк.

Пять лет назад они с женой приехали сюда из Уфы. Их позвал брат Людмилы, который обитал в посёлке давно и работал в карьере экскаваторщиком. Савелий устроился на рудный склад по профессии — электриком. Жене тоже повезло, её как расчётчика со стажем сразу взяли в отдел труда и заработной платы горно-обогатительного комбината. Через год жизни в общежитии им выделили освободившуюся однокомнатную квартиру в пятиэтажке. Недавно жена вер-

нулась в Уфу к родителям. Он даже не понял, почему она это сделала. Они были женаты десять лет, но детей не случилось. Савелий чувствовал, что Людмиле с ним неинтересно. Но это его как-то не волновало. В последнее время он довольно равнодушно относился и к тому, что она говорила, и к тому, что у неё под ночной рубашкой. Почему-то в их жизни всё стало скучным и однообразным.

Она улетела. А ему стало казаться, что в этой квартирке он всё время жил один.

Вскоре он познакомился с Сонькой. Это случилось через неделю после отъезда жены. Вечером после дневной смены он пошёл в «Пятёрочку». С полной корзиной продуктов Савелий подрулил к кассе и встал в очередь. Он поднял глаза и увидел перед собой длинную женскую шею, поднимающуюся из чёрной кожаной куртки. Шею венчала рыжая головка с пучком волос на затылке, перехваченным резинкой.

— Вы крайняя? — спросил Савелий.

Головка обернулась, посмотрела на него огромными фиолетовыми глазами, сияющими над медицинской маской, внимательно оглядела Савелия, кивнула и снова повернулась к кассе.

— Молодой человек, выкладывайте на ленту свои покупки, — как сквозь сон услышал он голос кассирши.

Он встрепнулся. Перед ним давно уже никого не было. Рыжая ушла, а он со своей неразгруженной тележкой столбом врос в проходе. Девушка поразила его. Когда он с пакетами выскочил из магазина, след её простыл. Ночью фиолетовоглазая ему снилась. Она смотрела на него, улыбалась, а за её спиной почему-то стояло северное сияние.

С утра всех работяг из ремонтной службы собрали в актовом зале ГОКа. Тех, у кого не было масок, поднимали со своих мест и выпроваживали из зала. Люди возвращались к входу в здание, толпились как бараны перед вахтёром, расхватывали голубые маски из общей коробки и возвращались в зал.

— В общем, так, — открыл собрание начальник службы Тарасов, — все вы несознательные. В мире пандемия, а вы плевать хотели на индивидуальную защиту. Чтобы в здании ГОКа я больше никого без маски не видел. Это первое. Второе. Сегодня с десяти утра и до восемнадцати все должны сделать прививки от ковида в процедурном кабинете больницы. В остальные дни недели колят ребят из других подразделений. Вопросы есть?

— Василий Нилович, а по телевизору выступала актриса Маша Шукшина, так она сказала, что прививки от ковида — это происки мирового закулисного правительства.

— Так, хорошо, что ты, Булыгин, задал этот вопрос. Во-первых, пошёл ты со своей Машей на хрен. Во-вторых, без сертификата о прививке никто до работы не допускается. Прогоулы не оплачиваются. Кто недоволен, можете написать этой артистке письмо и попросить материальной помощи.

Чувствовалось, что начальник после такой длинной речи устал. Он поискал на столе стакан, не нашёл его, поднял графин и припал к горлышку.

Савелий любил порядок. Умничать может каждый. Но если такой, как их Тарасов, чего-то требует, то рано или поздно это придётся сделать. Поэтому в процедурный кабинет он вошёл пятым, вслед за Булыгиным. Пожилая медсестра одним пальцем стала забивать его фамилию в компьютер, а другая, стоя спиной, склонилась к огромному ларю-холодильнику. Она вытащила ампулу с вакциной и повернулась к пациенту. Это была рыжая из «Пятёрочки». У Савелия внутри радостно ёкнуло. Он уставился на девушку со шприцом и заулыбался. Она сделала укол и ласково сказала: «Закрой варешку, боец. А то я тебя ещё и в задницу уколю». Ему показалось, что такого нежного голоса он никогда в жизни не слышал.

— Ну, чего ты расселся? — проворковала она ему на ухо, — там другие в коридоре ждут. Сразу не уходи. После прививки полагается минут пятнадцать подождать.

— А вы до сколько работаете?

— А тебе зачем? Ну до половины седьмого. Вас же, ремонтников, сегодня всех вакцинировать нужно.

— Понял, — сказал Савелий, встал и вышел.

В коридоре сидел Булыгин, потирал через рубашку место прививки и, наклонившись к Савелию, доверительно буркнул: «Если рыжую к себе поведешь, возьми шампанского и коньяку. Она их любит».

Он направился в сторону «Пятёрочки». В магазине купил по паре бутылок шампанского и коньяка. Взял копчёной колбаски, сыр, баночку красной икры и торт. В ларёчке на выходе выбрал букет поярче. Дома выгрузил на кухне продукты и поставил букет в вазу, которую когда-то купила жена.

В здании ГОКа на первом этаже он повернул налево и постучал в кабинет с пластмассовой табличкой: «Ремонтно-механическая служба. Тарасов В.Н.»

Грузный дядя, который сегодня проводил инструктаж по прививкам, аккуратно ставил какие-то крестики и нолики в

большой таблице, лежащей перед ним. Он посмотрел на Савелия и снова переключился на заполнение табеля.

— Василий Нилович, дай мне два дня отгулов.

Тарасов поднял глаза и сказал:

— Кого другого бы на хрен послал, но тебе дам. У тебя, как жена уехала, этих переработок до... матери накопилось. Оно и понятно. Дома делать нечего, — хмыкнул начальник. — А тебе вообще-то зачем?

Савелий молча смотрел на начальника.

— Ладно, иди, — сказал тот и поставил в табеле какую-то закорючку.

Уже стемнело, когда рыжая вышла из больницы. Увидев Савелия, она остановилась, весело оглядела его с ног до головы и сказала:

— Ну, и что мы будем делать?

— Меня вообще-то Савелием зовут.

— А меня Софьей. Можешь Сонькой.

— Я торт купил и шампанское с коньяком. Пойдём ко мне в гости.

— А кто тебе сказал, что я схожу с тобой пойду.

Савелий пожал плечами.

— Я тебе северное сияние покажу.

— Это шампанское с коньяком?

— Не только.

В комнате столик, стоявший около дивана, был накрыт. Когда они вошли в комнату, Сонька увидела цветы в вазе и весело сказала:

— Ну, ты серьёзно приготовился. Мне нравится.

Справа от дивана на столике поменьше стоял ноутбук и мультимедийный проектор Xiaomi.

— Я тебе хочу показать северное сияние, — повторил он.

— В один бокал? А вообще-то давай. Я сегодня от вас с этими прививками устала.

— В какой бокал? — удивленно переспросил Савелий.

— В стеклянный. Тебе сколько лет? — расхохоталась девица. — Давай разливай. Один к одному.

— Я водку с пивом иногда мешал, а шампанское с коньяком не пробовал.

— Вот и попробуем.

Напиток получился приятный. В голове стало тепло. Минут десять они закусывали.

— А ты молодец, — сказала она, положив на кусочек хлеба чайную ложку красной икры, — я сегодня в процедурном так и проторчала без обеда. Васильевна угостила пирожком, я его с чаем сразу схмячила.

Они вплотную сидели перед журнальным столиком, и Савелий почувствовал, какая она тёплая. Внезапно он захотел её. А она, будто почувствовав это, прижалась своим бедром к нему.

— Давай ещё выпьем?

— Давай.

Теперь он знал, что шампанское с коньяком — это хорошо. Северное сияние. Надо же, придумают...

Напротив дивана была стена. Савелий включил проектор, и заставка с приложениями заполнила огромный экран, в который превратилась белая поверхность перед ними. Он щёлкнул мышкой, комната наполнилась музыкой, а на экране вспыхнуло буйство красок. Огромные волны северного сияния переливались, извивались, рассыпались на сотни искр. Гасли и снова вспыхивали. Слайд-шоу длилось десять минут и, когда оно закончилось, ошеломленная Сонька сидела и молчала.

— Ты где этот фильм взял? — спросила она.

— Я сам снял. У меня таких слайдов много.

Он хотел ей рассказать, как по ночам во время смены охотится за самыми красивыми кадрами. Но она обняла его за шею и подставила свои губы.

Ночью он проснулся. Сонька стянула одеяло, завернулась в него, как в кокон, и откатилась к стене. Голова сильно болела, хотелось пить, и на теле от холода выступили мурашки. Он встал, снял с вбитого с обратной стороны двери гвоздя халат и пошёл на кухню. Напившись, он вернулся в комнату. Раскальвались виски, подташнивало, но он чувствовал, что никогда в жизни не испытывал такого удовлетворения. Он был пустой и счастливый.

С женой Савелий прожил десять лет, из них пять здесь, в посёлке. В жизни супружеской было всё, кроме того, что испытал он сегодня с Сонькой. Оказывается. Но почему? Он не понимал, да и вникать не хотелось. Однако твёрдо знал, что женщина, лежащая на его раскладном диване, для него теперь такая же важная часть жизни как еда, вода, работа. Как северное сияние.

Когда у них с женой появились деньги, он купил себе цифровой фотоаппарат «Никон» с набором объективов. Раньше он никогда не фотографировал, но когда впервые в жизни увидел северное сияние, то понял, что должен его запечатлеть. Коробка из интернет-магазина с камерой и прочими причиндалами пришла через полтора месяца. Скупая инструкция на русском языке, а потом пошаговые советы на дисплее фотоаппарата учили, как нужно пользоваться этой тех-

никой. За несколько дней Савелий разобрался с фотокамерой и стал регулярно брать её с собой. Затем целыми днями сидел с ноутбуком, куда перегонял еженощный фотоулов и монтировал слайд-шоу. Подбирал к видео музыку.

Жена сначала с недоумением, а потом с равнодушием поглядывала на эти его занятия. Когда он с гордостью предлагал ей новое творение, молча гремела посудой на кухне. Впрочем, в последние месяцы перед её отъездом они практически не разговаривали. Молча встречались после работы, молча ужинали, а потом также молча расходились по углам своего жилища. Ночью на многострадальном диване она располагалась у стены, а он поворачивался на левый бок. Как женщина она его не интересовала. Да и он её, судя по всему, тоже. Редкие их телесные упражнения были быстрыми и монотонными. Он сразу же засыпал, а она с открытыми глазами лежала до утра.

Как-то, путешествуя по ютубу, он наткнулся на ролик, в котором любитель-геолог показывал возможности ультрафиолетового фонарика. Оказывается, с его помощью можно заставить люминисцировать в темноте драгоценные камни. Бородатый энтузиаст облучал фонариком ювелирные изделия с мелкими бриллиантками, и некоторые из них действительно светились в полумраке. На следующий день Савелий зашёл на сайт Амазона и заказал пару таких китайских фонариков. Ему просто-напросто было любопытно. Несколько лет он топчет отвалы алмазонасной породы и ни разу не встречал даже намёка на драгоценные камушки среди рукотворных гор кимберлита. Отвалы эти назывались рудными складами. Сюда из карьера большегрузные самосвалы свозили породу, которую впоследствии отправляли для обогащения на алмазодобывающую фабрику. Склады эти, в зависимости от заключения геологов, имели различное содержание алмазов. На складе так называемой богатой руды на тонну кимберлита приходился целый карат драгоценной продукции. Породы с немного более скудным содержанием хранились на балансовом складе. Ну, а руда, которая считалась бедной, вообще называлась забалансовым запасом. Но это временно. Поскольку технология обогащения на фабрике постоянно улучшалась, то с годами балансовые склады занимали место богатых и так далее. Складским рудным хозяйством на ГОКе ведал производственный отдел со своей ремонтно-механической службой, техникой и специалистами. Савелий работал электриком и знал здесь каждый закоулок.

Уже через неделю, просвечивая породу, он нашёл первую блестящую пылинку. Подобрал ее и завернул в бумажку. Дома Савелий, сидя на кухне, в который раз освещал этот крохотный полупрозрачный осколок своим волшебным фонариком. Тот начинал радостно светиться в ответ.

На следующий день Савелий достал из аптечки пластмассовый цилиндрок с витамином С, вытряхнул из него большие таблетки и положил легкую трубочку в нагрудный карман рабочей куртки. Подумал, покопался в коробке с безделушками жены и вытащил старый пинцетик для бровей. Теперь у него было, куда складывать алмазики и чем.

Его любимым временем были ночные смены. Он в одиночестве бродил по отвалам, фотографировал при случае северное сияние, очень редко находил светящиеся в ультрафиолете камешки и складывал их в трубочку из-под витаминов. За несколько лет пробирка наполнилась, поэтому Савелий завёл вторую. Первую запихал в разошедшийся сварной шов на полу в углу щитовой.

Сонька теперь бывала у него раз в неделю. И каждая встреча с ней становилась для Савелия событием. Савелий даже предложил ей выйти за него замуж. Она удивленно посмотрела на него и весело сказала: «У меня женихов много».

Как-то ночью она нагишом вполоборота сидела на подоконнике и смотрела в окно. На фоне слабого света от фонарей с улицы её обнажённый контур напомнил Савелию гравюру. Он взял «Никон» и сделал снимок. За пару дней до этого он снимал диск Луны, висевший в окне. Савелий перегнал изображение Соньки на ноутбук и с помощью фотошопа совместил оба изображения. Теперь женская фигура на подоконнике была на фоне огромного ночного светила. На следующий день он в фотомастерской отпечатал с флешки снимок, купил рамку со стеклом и повесил свой шедевр на кухне перед столом.

На последнем их свидании он показал Соньке содержимое контейнера от витаминов. Высыпал на белый лист бумаги крошечные кристаллики, погасил свет и осветил их своим фонариком. В голубоватом свете кучка алмазов стала играть разноцветными бликами.

- Ты их где взял? — спросила Сонька.
- На отвалах.
- А где продавать собрался?
- Я их и не собираюсь продавать.
- А зачем они тогда нужны?
- Для красоты.

Утром она собралась и ушла. Прошёл месяц, но в гости медсестра больше не приходила. Один раз он даже пришёл к ней в больницу, но девушка сделала вид, что торопится. Он схватил её за рукав халата, но она резко отдернула руку и крикнула: «Отвали! У меня жених вернулся».

Как Савелию рассказал всезнающий Булыгин, женихом этим оказался новый участковый Недойбайло Игнат Васильевич. В Мирном у него были жена, двое детей, гараж и дача.

Недойбайло, квадратный рыжий с длинными волосатыми руками капитан полиции, попался на поборах. Которые он раз в неделю на местном рынке устраивал сельчанам, привозившим на продажу рыбу и мясо. Блюститель вкрадчивым голосом требовал у испуганных фермеров санитарные книжки, разрешения на торговлю от администрации города, ещё какие-то документы, название которых выдумывал экспромтом. Деньгами он не брал. Только продуктами. Мясо, рыба, мороженые печень, языки складывались бедолагами в один большой куль, который стоял в подсобке рынка и который вечером в пятницу увозили домой близнецы Ванька и Степка, тринадцатилетние сыновья Игната Васильевича.

Но однажды в Мирный приехал продавать мясо своей коровы племянник начальника полиции. Вечером за чаем у дядюшки он рассказал, что участковому пришлось отстегнуть здоровенный кусок говяжьей вырезки и грудинку. За что, он и сам не знал. Тот требовал какие-то бумажки.

В следующую пятницу близнецов у своего гаража встречал папаша. Как был в форме после службы. В этот момент сюда же подъехал и начальник полиции со своим замом по общественной безопасности — прямым руководителем Игната. В гараже, кроме замерзшей Нивы и испуганного капитана, вдоль стен стоял десяток здоровенных мешков с рыбой и мясом. В этот же вечер, уже в кабинете начальника полиции, было принято соломоново решение. Обнародование художеств Недойбайло прямиком может ударить по руководству. А время такое, иногда за сотрудника-коррупционера погон и должностей лишаются его руководители. Поэтому с утра Игнат Васильевич загрузил свою «Ниву» мешками с замороженными яствами и поехал на рынок. К огромному удивлению крестьян, он начал с бухгалтерской скрупулёзностью раздавать куски мяса и мороженые рыбины всем, у кого их ранее экспроприировал. Причём делал он это с отеческой улыбкой и извинениями за беспокойство, приговаривая загадочную фразу: «Экспертиза показала, что вашими продуктами можно торговать». Конечно, будь это в Якутске, о таком доброхоте, возможно, сообще-

ли бы в прокуратуру. Но Мирный городок маленький, и все подумали, что всё так и надо. Троих фермеров не было, и Игнату, чтобы вернуть продукты, пришлось ехать к ним в село за сто километров.

А ещё через день Недойбайло положил на стол начальника рапорт с просьбой перевести его на службу в отдалённый посёлок алмазодобытчиков. Там уже полгода не было второго участкового. До пенсии оставалось пять лет, и Игнат Васильевич, ещё не веря, что так легко отделался, уже во дворе повернулся и перекрестился на окно кабинета начальника.

С Сонькой Игнат Васильевич познакомился в первую же неделю. Вместе с личным составом поселкового отделения полиции он пришёл в процедурный кабинет больницы прививаться от гриппа. Недолго думая, Недойбайло пригласил Соньку к себе в опорный пункт правопорядка полиции, расположенный в двухкомнатной квартире на первом этаже пятиэтажки. Вторая комната была оборудована под жилое помещение для участкового. Чем поразил медсестру процедурного кабинета новый участковый, никто не знал. Похожий на орангутанга, он сразу завладел её мыслями. В своей комнате на покрытом газетами столе он разложил нехитрую закуску: солёные огурцы, крупно нарезанное сало, хлеб, бутылка водки и какое-то сладкое вино. Сонька презрительно сморщила носик и сказала:

— У вас стол, как в бытовке у рабочих накрыт. А ещё женщину пригласили.

— А вот мы и посмотрим, какая ты у нас женщина, — хохотнул Недойбайло и звонко хлопнул Соньку по попе.

Этот сильный наглый мужик в несвежей полицейской рубашке притягивал её как магнит. И как только они оказались в постели, Сонька поняла, что никуда ей от этого мента не деться.

Они встречались уже несколько месяцев, и Соньке стало казаться, что участкового она знала многие годы. В её довольно сумбурной жизни мужчин хватало, но здесь она почувствовала, что этот человек заслонил всех. Он мог позвать её в любое время, даже в обеденный перерыв. Быстро справив нужду и хлопнув по попке, выставлял её из опорного пункта правопорядка на улицу. Она считала это животное, над которым посмеивался весь посёлок, своим лучшим мужчиной и постоянно ждала встречи. Когда он на несколько недель уехал в Мирный к семье, Сонька очень переживала. В это время как раз и подвернулся Савелий. Но стоило Недойбайло снова оказаться в посёлке, как Сонька вернулась к своему рыжему повелителю.

Игнату, между прочим, нравилось в постели расспрашивать Соньку о её мужиках. И она рассказывала ему о каждом. Пришла очередь Савелия.

— Ты уехал к своим, а про меня забыл. А сам говорил, что я тебе уже как невеста. Я даже кое-кому сказала об этом.

Участковый покосился на её головку, пристроившуюся на его бицепсе, и весело спросил:

— И кому же?

— Савелию. Смотри, уведёт он меня.

— Это кто ещё такой?

— Да есть один. Электрик на рудном складе. Он, между прочим, говорил, что любит меня. Фотографии красивые делает и алмазики собирает!

— Любит, говоришь? Убью я тебя, Сонька, — делая свирепую рожу зарычал Недойбайло и засмеялся. — А что за алмазики у него?

— Да так. Мелочь всякая. Он вроде ночью фонариком как-им-то породу освещает, а если есть в ней алмазик, то он светится. Он их уже вторую пробирку насобирает, в нагрудном кармане куртки носит.

Утром Игнат Васильевич вытолкал Соньку на работу. Потом взял телефон и позвонил начальнику управления милиции в Мирный.

На следующий день в посёлок вылетели сотрудники отдела по борьбе с незаконным оборотом драгоценных камней.

Савелия задержали на работе около щитовой. У него попросили выдать алмазы, которые он таскал с собой. В присутствии водителя самосвала и экскаваторщика, которые стали понятыми, он вынул из нагрудного кармана пробирку из-под витаминов и протянул её сотрудникам. Потом отдал и орудия своего преступления: фонарик и пинцет. На вопрос, есть ли у него ещё похищенные алмазы, кивнул головой и извлёк из щели в щитовой свою первую пробирку.

Экспертиза установила, что алмазики потянули почти на миллион рублей.

Поскольку Савелий добровольно выдал похищенное и всячески содействовал следствию, его не закрыли в ИВС, а назначили домашний арест. Через месяц уголовное дело было передано в районный суд. Савелий ранее не был судим и собирал алмазы без цели получения от их продажи материальной выгоды. В общем, на удивление всем, бедолаге дали два года условно и оштрафовали на пятьдесят тысяч рублей.

После суда он вернулся домой, сел на кухне и упёрся взглядом в Сонькину фотографию. Он встал, вытащил её из рамки, скатал в трубочку, накинул куртку и вышел на улицу. В

больнице Савелий подошёл к процедурному кабинету, открыл дверь и позвал Соньку. В дверях появилась пожилая медсестра и сказала, что у Софьи сегодня выходной.

Савелий развернул фотографию нагой Соньки, порвал её пополам и бросил на пол. Потом повернулся и вышел. У процедурного, дожидаясь своей очереди, сидели пенсионеры.

— Это что, — спросила бабуля, показывая палочкой на обрывки фото.

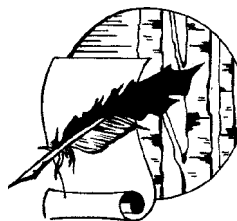
Пожилой мужик, нагнувшись, подобрал половинки, сложил их и авторитетно произнёс: «Это ню».

Савелий шёл по заснеженной улице. В голове было пусто. Ни обиды, ни грусти, ни сожаления.

Дома он открыл ноутбук и увидел в электронной почте письмо. Людмила писала, что у неё умерла незамужняя двоюродная сестра. Что пора заканчивать валять дурака, надо жить снова вместе, и что пятилетняя дочка сестры теперь у неё. На фото черноволосая девочка сидела на коленях у Людмилы и серьёзно смотрела в объектив.

Он весь вечер просидел у экрана. Потом вывел крупным планом фотографию Людмилы с племянницей. Открыл приложение фоторедактора и заменил фон их уфимской квартиры на северное сияние.

д. Долгое Лёдово Московской обл.

Юрий САВЧЕНКО

ДАР СЕРДЕЦ

ДОНБАСС

Разрывы то реже, то чаще.
У линии жарко сейчас.
Смятение музы молчащей
В предутренний сумрачный час.

Участие вытянет слово,
Бессилье утянет назад.
Война — это страшно и ново.
«Обычно...», — как здесь говорят.

Но скулы Донецкого кряжа,
Глаза фронтовых городов
Ту твёрдую правду расскажут,
Что видеть не всякий готов,

Что дети разбитого дома
Разносят без слёз по сердцам,
Что стрезень живого разлома
Уже не затянется сам.

* * *

Бросает в дрожь бегущая строка,
И кровь событий леденеет в жилах.
Орудия со страстью гопака
Разносят напоследок всё, что было,

Что худо-бедно длилось и текло,
Привычно лямку ветхую тянуло...

Но грянула реальность тяжело,
Без жалости отверстая, как дуло.

И в горе, в дыме проступает знак
Того грядущего, где с родиной моею
Всё будет не по-прежнему, не так, —
А как? — увы, о том не разумею.

О ВСЕХ О НАС

Выше звука скользит самолёт,
Сокол мира над нами над всеми.
А кукушка не перестаёт
Заклинать равнодушное время.

Бьют «катюши», шурша, за грядой,
Гасят градом безумное пламя.
А кукушка считалкой простой
Знай колдует над всеми над нами.

Всё минует — и снова придёт
В неучтённом, неузнанном свете.
Лишь кукушка всё нижеет свой счёт,
Всё за нас за незрячих в ответе...

* * *

Коли уж с колен привстали,
Убоимся ль устоять?
Дайте пороху и стали,
Духа нам не занимать.

Упустили Украину
Гуляй-воли похлевать,
А теперь — свали детину,
За детиной бесов рать...

Как бы ни было, чего там
На правителей кивать.
Сам народ берёт заботу
Поле к битве накрывать.

Никому не отсидеться!
Даже если отбежал, —

Враг тебе отыщет место,
Коль пошёл лесоповал.

Ну, а наши дело туго
Знают, даже не корми:
За бойца, за сына, друга
Встали с добрыми людьми.

Шлют с гонцами домоседы
Дар сердец в окопный быт
И по матрицам Победы
Разливают победит.

РУССКАЯ ВЕСНА

Мужчины батальонами уходят, помолясь,
На битву с неумными, палящими в Донбасс.

За сводками военными, беспечно влюблена,
Иными переменами взволнована весна.

Война войной, а листьями позолочён лесок,
Что шелухой смолистою усеял наш порог.

С проснувшейся песнею летят из-под земли
На жимолость апрельскую голодные шмели.

За правду бьются воины, а эти баюны
Черешнею опоены и вишнею пьяны, —

А те не знают, пенные, у пиршества в плену,
Что смотрит вся Вселенная на Русскую весну.

ПРАВОЕ

Дело внутри, не вовне.
Сила за тем на войне,

Кто, лишь Христа возлюбя,
Рубится не от себя.

Кто без свидетелей свят,
Кто неизвестный солдат.

Он — на вопросы ответ,
Он сердцевина побед, —

Тот, в ком на флешах высот
Ненависть сердца умрёт:

В праведном пекле атак
Только недолжное — враг.

Но в противлении с ним
Меч его неотвратим.

БАЛЛАДА О МОБИЛИЗОВАННОМ

Шепча проклятия буржую,
Лишь перед Богом виноват,
Пошёл на Третью мировую
Мобилизованный солдат.

На фронтовых разбитых вёрстах,
Где в рай прострелянный портал,
Он сослуживцев разношёрстных, —
Какие есть, — не выбирал.

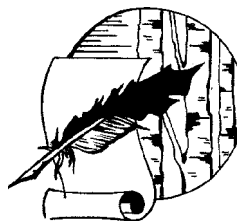
Шла какофония настройки,
И дирижёр не попевал,
Но выручал характер стойкий,
И шёпот с родины спасал.

Оркестр гремел без партитуры,
И забывал он на бегу
Живущих рентою с культуры
И отмывающих деньгу.

Вставала медленно, трезвея,
За ним огромная страна,
А впереди была траншея,
Смертельной музыки полна.

Он шёл, бесчувственный к «прилётам»,
Не веря смерти за спиной,
Прикрыт одним лишь пулемётом,
Храним лишь матерью одной.

с. Новая Таволжанка Белгородской обл.

Татьяна ПАРСАНОВА

ВЕРНУТЬСЯ В ХУТОРОК...

* * *

Так хочется проснуться в тишине...
Блаженствовать в объятьях томной лени
И ничего не слышать о войне.

Смотреть, как солнце по кустам сирени,
Проворно скачет зайцем золотым
И снег в оврагах превращает в дым.

Так хочется — вернуться в хуторок,
Затерянный между Хопром и Доном.
И чтоб февраль туда дойти не смог.

И на мосту, до досочки знакомом,
Стоять — девчонкой юной... под дождём...
И жаворонок в небе голубом...

ЕВРОПЕ

Мне ни капли не стыдно, что я родилась в России!
Мне комфортно вполне с моим цветом волос и глаз.
Мне немного обидно, что мы столько лет просили
Вас о мире и дружбе... А вы презирали нас.

Мне теперь непонятно — зачем за свободу вашу
Полегли наши деды, в той — вами забытой войне.
Вы растите фашизм. Вы опять предаёте «Рашу».
Мне от этого больно. Мне просто обидно вдвойне.

Вам, наверное, в кайф — задыхаться от дикой злобы.
Смерть посеявший — мёртв. Что вы есть? — если души
пусты.
Вы за мир? Но зачем же вы шлёте ракеты и бомбы?
Лучше детям, убитым в Донбассе, — прислали б цветы.

ИЗ 90-х

Штормило так, что вспоминать боюсь.
Теряли шляпки и людей теряли.
Запутались — где минус, а где плюс...
Когда ж корабль сменил надежный курс —
Мы понимали, что почём, едва ли...

Поплыли к заповедным берегам.
Мечта о рае нам звездой мерцала...
Мы думали — земные блага «там»...
А то, что «там» совсем не рады нам,
Для нас сюрпризом неприятным стало.

И как не злиться. Мы от всей души
открыли трюмы и запас раздали.
По-нашему: отдай и не греши...
Но ежели в ответ одни «шиши», —
Какого черта шли в такие дали.

И в гавани, кишасшей от акул,
наш выбор был — смолчать иль стать героем.
И вроде бы корабль не затонул...
Да только под прицелом вражьих дул —
Вдруг крысы побежали плотным строем.

Чесались руки — их за шкуры взять,
чтобы напомнить им законы братства.
Потом решили — не попёрли б вспять...
А нам, простым матросам, что терять —
Нам с кораблём тонуть, иль выбираться...

* * *

В безотрадности мысли увязли.
Я сегодня с собой не в ладу.
Собирая себя, словно пазлы,
Я твоей, Боже, помощи жду.

Я прошу твоей милости, Боже,
Я для жизни готова вполне.
Как Отец, будь со мною построже.
Будь, как Мать, — всепрощающ ко мне...

* * *

Кушаком исхоженных дорог
Подпоясан, в зеркало заката,
Пригорюнясь, смотрит Хуторок,
Щуря окна хат подслеповато.

Подряхлевший, выцветший слегка.
Пыль на крышах куреней — попоной.
Но, как встарь, протянута рука
«Журавля» с ведром воды студёной.

Живописной стайкой у плетня —
Васильки, беспечны и игривы.
По крапиве, запахом дразня,
Раскатились яблоки и сливы.

Вековухи-ивы — вдоль реки...
Ковыли — солидно седовласы...
И, как встарь, подшиты чирики,
И нашиты на портки лампасы.

* * *

Снова забыв о покое,
Мыслями бьюсь о тетрадь.
Небо сегодня такое —
Хочется петь. И рыдать...

Мне бы, волчицею юной,
В полночи выть на луну.
Брамсельной, лёгкою шхуной
Прыгать с волны на волну.

Мне бы, ладошками мая,
Вымыть с косы белый снег.
Снова влюбиться, ломая
Будней размеренный бег.

Мне бы, себя забывая,
В клубе отплясывать рок.
Осень сегодня такая...
Хочется в наш хуторок...

* * *

Вновь рассвет прохладен и певуч.
Дом наш полон шорохов и скрипов...
Вновь, сквозь сон, крадётся солнца луч
По ресницам золото рассыпав.

Распахну навстречу солнцу взгляд,
Счастья дни из памяти достану —
И опять, как много лет назад,
Молодою хуторянкой стану.

Пробегу по росному двору,
Словно крылья, руки распростёрши...
Земляники в Крутеньком яру
Наберу две полные пригоршни.

И замру, увидев, как река
В бок моста волною бьёт упрямо.
Как по Голый балке, с Маяка,
Заползает в хутор хвост тумана.

Как бежит тропинка за бугор,
И ромашки взгляд по-детски светел.
Как листву черёмух на пробор,
Походя, причёсывает ветер.

МАМЕ

Снег скатился с бугров без остатка.
Пряным веет от тёплой земли.
Ах, как нежно сегодня, как сладко
Молодые шумят ковьяли.

И журчит по-весеннему речка,
И икру прячут рыбы в камыш...
Домик наш — три ступеньки крылечко.
Ты на нём, как и прежде, сидишь...

Что же руки твои, мама, зябки?
Что ж коса по-январски бела?
Я тюльпанов тебе две охапки,
Как ты любишь, — в степи нарвала.

Посмотри — заневестилась слива
В палисаднике нашем опять.
И опять начинает игриво
Твои годы кукушка считать.

Солнце поля касается краем.
Звёзды дружною вышли гурьбой.
А давай песнь казачью сыграем
На два голоса, мама, с тобой...

Мысли в хутор стремятся упрямо,
Мне о детстве поют на бегу...

Тридцать лет без тебя уже, мама.
А смириться никак не могу.

г. Наро-Фоминск Московской обл.

Матушка Фотиния САФРОНОВА

ОТ КУЛИКОВА ПОЛЯ ДО БАХМУТА

Русь, куда же несёшься ты?
Н.В. Гоголь

Там Русский дух, там Русью пахнет...

Куликовская битва. Одни историки уверяют, что она произошла 8 сентября, другие — 21-го. По-видимому, разногласия из-за искусственно созданной путаницы «старого» и «нового» стиля летоисчисления. Если учесть, что разница между стилями 13 дней, то 8 сентября — дата по старому стилю, а 21-го — по новому. Тем более что есть историческое указание на то, что победа в битве состоялась в Праздник Рождества Богородицы. А Рождество Богородицы, как известно, отмечается церковью 8 сентября по старому стилю, то есть 21-го — по новому. Сам ход битвы исследован едва ли не по часам. Состав того и другого войска хорошо известен. Но что мы, собственно, празднуем? То, что раз в 300 лет татар побили? И что же это была за генеральная победа, если уже на следующий год Тохтамыш дотла спалил Москву?

СИМВОЛ ВЕРЫ

Теперь коснемся роли Сергия Радонежского в Куликовской битве. Он, как всем известно, благословил князя Дмитрия Московского на битву. Но прежде чем давать благословение, преподобный Сергий благословлял князя Дмитрия на дипломатическое решение конфликта. Князь должен был согласиться на любую дань, которую бы не назначил Мамай. Но Мамай шел не за данью и не за политическими уступками. Целью Мамай было уничтожение Православия как такового. Впрочем, у него, как и у других татар, к Православию вопросов не было. Он за *деньги* выполнял заказ всё тех же генуэзцев, так называемых «наших западных партнёров». И только тогда, когда все дипломатические приемы были исчерпаны, преподобный благословил князя на битву за веру Православную.

Сергий Радонежский сам стал предводителем битвы. *Битвы Духовной*. Монахи Пересвет и Ослябя стали её духовными воеводами. В миру жизни Пересвет и Ослябя были воинами-Богатырями. Пресытившись мирской славой, пообломав множество вражеских сабель «хоралужных о щиты червленые», они поступили в монастырь под водительство преподобного Сергия возрастать в духе и истине, чтобы потом сражаться с «духами злобы поднебесной».

Монахи-воины были посвящены в Великую Схиму. «Принятие же великого образа схимы есть вступление в решительное сражение, когда войска достигнут места боя и приведут себя в полную боевую готовность» (преподобный Нил Мироточивый). На каждого Богатыря Сергий возложил «шлем спасения» (монашеский куколь), одел в «броню правды» (мантию), вложил в руки «меч духовный» (чётки). Вот в таком вооружении духовные Богатыри пришли на поле Куликово.

Сражения в те времена обычно начинались с поединка Богатырей. От войск Мамай выступил батыр Челубей, от русских схимонах Александр (Пересвет). Поединок Челубея и Пересвета — любимая тема художников. Кони, окровавленные копыя, поверженный на землю Батыр, и удаляющийся на коне в сторону русских полков схимник со смертельной раной в груди и громадным окровавленным копьем. Или — вздыбленные кони с яростными седоками, пронзающие друга страшными копиями. Но, как мы уже знаем, Пересвета преподобный Сергий вооружил не копьем, не «саблей харалужной», но чётками... С крестом и четками вышел на единоборство Пересвет против копыя и меча. Это была самая таинственная победа... *Победа духовная*. И она казалась настолько невероятной и баснословной для уже развращённых потомков предреволюционной эпохи, что для того, чтобы хоть

как-то её объяснить, приходилось выдумывать и мечи, и кольчуги, и копыя для Богатыря-схимника, совершенно для него непотребные.

К началу XX века уже и на ум не могло прийти, что залогом победы на поле Куликовом была чистота душевная, сердечная, то есть то, что зовётся **целомудрием**. У святителя Иоанна Златоустого есть замечательная работа «О девстве». Девство, по-златоустому, это состояние, которое достигается постом, молитвой, физической и душевной чистотой и возможно только в Православии. Казалось бы, победа с четками и крестом наперевес не должны удивлять, ведь подвиг Пересвета с той поры стал частью священнической харизмы. Например, первым, кто взобрался на стены неприступной крепости Измаил был священник без шпаги, без ружья, но с крестом в руках. Тысячи священников в годы Первой мировой войны (до революции эта война называлась «Второй Отечественной») с крестом в руках поднимали в атаку полки. **Родину даёт Бог**. Родина — это не территория, но особые чувства, особые стремления, особые духовные переживания.

В Библии рассказывается, как ветхому Израилю Богом была заповедована земля обетованная. Почему евреи бродили по пустыне 40 лет, прежде чем оказаться на Святой Земле, когда этот путь можно было бы преодолеть за считанные дни? Потому что Родина обретается не ногами, а душой. Душа должна возжаждать Живой Воды, Любви к Родине. И тогда только Бог утолит жажду этой любви.

Куликово поле явилось сакральным центром зарождающейся Российской империи, той Пустыней, в которой народ утолил наконец свою жажду Родины. «Бог дождит на праведных и неправедных». О подвиге князя Димитрия московского Карамзин сказал: «Сей герой не приобрёл почти ничего, кроме славы, но слава умножает силы...» Имя этой Славы, этой Живой Воды впервые произнёс совсем юный Пушкин: «Там Русский дух, там Русью пахнет». На Куликовом поле Бог одождил «Русским Духом» и на русских, и на тех, кого в русских летописях обозначили татарами. В результате Куликовской битвы татары, большей частью в то время язычники, стали переходить в Православие. Притом Православие принимала татарская элита, доблестная, отважная, образованная, чуждая мимотечным политическим выгодам... Карамзины, Годуновы, Давыдовы, Строгановы, Аксаковы — все прямые потомки Тамерлана. А Государь наш первый Помазанник Божий Иоанн Васильевич Грозный, потомок не только Византийской принцессы Софии Палеолог, но и по матери Елены Глинской — потомок Мамаю. И здесь же, на

поле Куликовом, обозначилась единая воля православных, язычников и мусульман для созидания единой великой Державы. Это совершенно уникальный религиозный симбиоз — веротерпимость, — казалось бы, непримиримых религий свершился на Куликовом поле. Здесь на Этом Поле равно «праведные и неправедные» обрели Отчизну, которая позднее назовётся Россией.

Единая на потребу

Религия — это то, что отличает человека от животного. Вера — это потребность человеческой души осознавать свою жизнь как преддверие вечности. Осознание вечности — это серьезно, а «подлец человек» («Преступление и наказание») — создание крайне легкомысленное. Имея в перспективе вечность, он умудряется верить во что угодно — от космического разума до такой ничтожности, как вирус. Но самое «оригинальное» и фанатичное верование — это когда провозглашается ни во что не верить. И прежде всего не верить в существование души: вот есть тело, а у тела телодвижения — это и есть жизнь; а религия — это «опиум для народа». С телодвижениями всё понятно: чтобы тело жило, нужно кого-то поймать, что-то сорвать, что-то откопать и сожрать. «Поели, теперь можно и поспать, поспали, теперь можно и поесть». Вот и весь постулат материализма. Но всё не так просто, если человек — не подлец и понимает, бывает, и неожиданно для себя, что у него есть душа, и о ней нужно как-то позаботиться... Любая религия начинается с объяснения, что такое в её системе координат «хорошо» и что такое «плохо». Разобравшись в этом, человек получает возможность приобщиться к источнику душевных сил.

Основная черта, вернее, искушение нашего времени — нетерпеливость. Хочется всего и сразу. И так, чтобы, не напрягаясь и не заморачиваясь. Думать, что такое «хорошо» и что такое «плохо», слишком обременительно для головы. И Православие с его обременительными постами и всяческими ограничениями явно проигрывает духу времени.

Серафим Саровский в беседе с Мотовиловым определил цель жизни христианской как стяжание Святого Духа. Эти благодатные энергии созидательны. Это энергии роста, энергии синтеза... На второй неделе Великого Поста празднуется память святителя Григория Паламы, выдающегося Афонского Богослова, составившего учения о Благодатных энергиях, то есть о стяжании Духа Святого.

В таинстве Крещения происходит следующее: священник, этот «целомудренный Иосиф», кладет в скотские ясли, которые есть наше сердце, Младенца Христа. И человек становится Образом (ликом) Христа, то есть *личностью*. Личность — это исключительно область христианской антропологии. Таким образом человек нехристианской веры личностью быть не может, но, однако, он имеет все предпосылки стать личностью, иначе Христос не посылал бы апостолов на проповедь в мир. И пастухи, пришедшие на проповедь к Рождественской пещере, не лицезрели бы Младенца. Предпосылки веры — это как 14 тысяч младенцев, которых убили по приказу царя Ирода и которые стали первыми мучениками за Христа. Так Младенец, этот, по слову апостола, «потайный сердца человек», начинает жить в глубине сердца. Как и всякого младенца, его нужно воспитать по-особому — напитать благодатью. Вот поэтому так почитается у нас Божия Матерь, «питательница Жизни наша». Человек, преисполняясь этой благодатной энергией, начинает возрастать во Христе. Христианину предстоит исполнить «возраст Христов» — 33 года. Но это мистическое летоисчисление. Эти 33 года христовых можно исполнить и в младенческом возрасте, и в столетнем, а можно вообще не исполнить... 33 года — «венец лета Господня», когда человек готов «почить в Бозе»: «Чесна пред Господем смерть преподобных его».

Впрочем, по особому Божьему смотрению, бывает, что человек, исполнив «возраст Христов», не представляется ко Господу, а служит для людей живым примером Божьего естества: «дивен Бог во святых своих». Это и Преподобный Серафим Саровский, и Святитель Николай Чудотворец, и сонм других святых. Однако можно дожить и до глубоких сединок и так и не возрасти во Христе. Когда человек не стремится духовно возрастать, Богородица забирает Младенца от этого Ирода и бежит во Египет... Но Святое Семейство может и вернуться «по смерти Иродова», ибо эти грехи и есть наш Ирод, мучитель младенцев, что будет вырван из нашего сердца. Для этого нужно только одно — исповедь и церковные таинства.

Приняв Крещение, человек может не осознавать те мистические процессы, которые происходят в его сердце, но, тем не менее, после Таинства Крещения отныне он будет руководствоваться различными оттенками двух чувств: благоговением и опустошенностью. Но эта опустошенность не есть безысходный тупик Иуды, но сопереживание Крестной Смерти Христа («Боже! Вскую оставил мя Еси?!») и Его Воскресения.

Вся русская культура вмещается в диапазон этих двух чувств — благоговения и опустошенности, — порождая та-

кое обилие идей и характеров, что способна заинтересовать и привлечь множество людей самых разнообразных умонастроений и национальных привязанностей. Надо ли говорить, что человек начинает относиться к своей душе под влиянием спасительной русской культуры более внимательно и осторожно, **целомудренней**, а по отношению к чужой душе — **совестливей**.

Русская культура как образ целомудрия усматривается сатанизмом, уже не скрывающимся под различными масками толерантности, своим злейшим врагом. И не стоит удивляться повсеместному уничтожению русской культуры, которое носит апокалиптический характер. Уничтожением русской культуры занимаются давно и всерьёз, даже в нашей с вами России во дни сегодняшней Войны!

Интересно, что у Иоанна Златоустого такого понятия, как «целомудрие», нет, в его работах есть «девство», в Евангелии так же нет этого слова, но там есть: «Будите убо мудри яко змия, и цели, яко голубие». Русское слово «целомудрие» — это то же «девство» у Златоустого, но более яркое по своему смыслу и более эмоциональное по чувству. А есть в русском языке ещё совершенно уникальное слово, не имеющее аналога в других языках — «малодушие», беспощадно обличающее и обозначающее чуть-чуть святых и слегка грешных. Вот эта девственная Богословность русского языка не может не вызывать с одной стороны звериной ненависти, а с другой — быть притягательной, как евангельская невеста.

«Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей Родины, — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!

Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!» (Иван Сергеевич Тургенев, 1882 г.).

Сверхчеловек — это звучит гордо

Мы все глядим в Наполеоны...
А.С. Пушкин, «Евгений Онегин»

Тоголь о злокозненном персонаже написал так: «Всё лезет в люди». Абсолютный источник энергии, а значит: жизни — это Бог. А вот это всё, что к людям «залезло», может существовать, вернее: паразитировать только за счёт воровства, растления, разрушения...

В Москве, в Питере, в Сибири и особенно на Украине в 80-е годы вдруг, откуда ни возьмись, появилось множество закордонных сектантских проповедников, в обход Православия как бы желающих научить народ «любить Бога» и от этой любви получать чувственное наслаждение здесь и сейчас... Что-то я ни одной православной молитвы не знаю, в которой бы молящийся клялся бы в своей любви к Богу; всё у нас не как у католиков и протестантов: то «помилуй», то «спаси», а то и вовсе «не достоин есмь человеколюбия Твоего»..... — тут не до любви. У нас от любви к Христу не изнывают — **у нас за Христа умирают**. Кстати, Святитель Игнатий Брянчанинов католических святых, изводящих себя любовной истомой как бы к Богу, считал сумасшедшими, и это суждение вполне каноническое.

Вот этот закордонный альтернатив Православию, лишённый мистики, но обладающий технологиями доводить адептов до экстаза, не только воспитывал свои кадры типа «кровавого пастора» Турчинова, но и подготовил националистический раскол внутри Украинской православной церкви. Думаєте, Православие в лице УПЦ Московского Патриархата на Украине уничтожают за её предательскую связь с Москвой? А ПЦУ в фаворе у властей от того, что это «национальная» церковь, и там по-украински служат? Вовсе нет. В УПЦ МП благодатные энергии, и там в обряде Крещения крещаемый произносит слова: «Отрецаюся от тебя, сатана». А в ПЦУ — ни благодатных энергий, ни от сатаны не отрекаются... Так откуда дровишки? Иными словами: где берут энергию? Из распада личности адептов. Вот так: людей обещали научить «любить Христа», а привели их совсем к другому: к нацизму, который и есть распад личности. Нацизм — это не идеология. Нацизм — это реанимированные древние человеконенавистнические практики, иными словами — сатанизм, арестом мученика митрополита Павла явивший миру подлинную правду о себе.

Чем привлекательны нацистские, то есть сатанинские практики? Тем, что сверхспособности можно получить быстро и особо не заморачиваясь: никакой аскетики, никаких ограничений, наоборот: будь разнузданным, грешным — и ты сверхчеловек; кайф тебе гарантирован.

Но что такое супермен или сверхчеловек? Гениальный инженер? Физик? Строитель? Художник? Математик? Нет. Супермен — это механический роботоподобный эгоцентрист, владеющий особыми оккультными приёмами, чтобы разрушать свою собственную личность. Как и при всяком взрыве, при распаде личности высвобождается энергия, энергия не-

истой гордыни, которая расходует на то, чтобы подчинить себе чужую волю. Если эгоцентристу это удастся, он получит звериное удовольствие от насилия.

Половую распущенность (популярную разновидность греха), очень обаятельно пропагандировал Зигмунд Фрейд, используя наукообразные термины. Кстати, именно фрейдизм, то есть грех блуда, стал духовным оправданием троцкизма. Троцкизм обычно объясняют с политической точки зрения как фанатичное устремление к мировой революции, однако почему же в современной России так много троцкистов?

Когда-то я не могла уяснить сути троцкизма, Помог просмотр фильма «Троцкий» с Похабенским в главной роли. Оказывается, дело не только в ненависти к России и ко всему русскому. Троцкий был фанатическим фрейдистом. Половой оккультизм, блудный грех разоблачают сатанинскую сущность. Авторы, быть может, сами того не желая, разоблачили сатанинскую сущность троцкизма. Троцкий показан здесь «суперменом», человеком, который нашёл оправдание своей разнузданности, своей одержимости блудным бесом в учении Фрейда. Фрейд проповедал, что жизнь — политическая, социальная, духовная — обусловлена половой, выражаясь мягко, активностью. Чем выше эта активность, тем выше должно быть положение индивидуума в обществе. Троцкий устами Похабенского объясняет революцию, сравнивая народ с изнасилованной женщиной: «сначала всем больно, а потом всем хорошо», то есть, насилуя народ, можно получать такое же удовольствие, как и при изнасиловании женщины. То есть изнасилованию придаётся некий сакральный смысл. Оч-ч-чень любопытный фильм — советую посмотреть для понимания троцкизма как разновидности сатанизма. Революция, по Троцкому, это такой всемирный бал сатаны. Видимо, неспроста мода на мефистофельские бородки и усики у революционных вождей: достигнув некоторого «совершенства» человек ощущает, что внутри него угнездилась некая сущность — и внешность человека изменяется сообразно её влиянию. Человек превращается в монстра со сверхспособностями, да такими, что и пули от него могут отскакивать. Так сказать, пуля — дура, а ледоруб — молодец.

Ненависть к России, к русским — это не плоды пропаганды и даже не плоды извращённого школьного образования. Это одержимость, беснование как результат насаждения сатанинских культов. Все эти практики требуют человеческих жертвоприношений. Может, для начала, петухам кровь пускают, но потом, рано или поздно, входят во вкус... Та крово-

жадная жестокость, которую с удивлением обнаружили наши бойцы у «азовцев» и сву-шников — не что иное, как способы жертвоприношений. Наверное, издевательские прикручивания людей скотчем к столбам — тоже из этой же оперы.

Обнаружила на видеозаписи, как мужики славянской внешности и, так сказать, украинского вероисповедания, перед британскими кураторами демонстрируют показательные игрища с ножами в духе новозеландских аборигенов-язычников. Или — некрофильные камлания неоязычников-нацистов на 22 декабря — так называемый «карачун». А на захваченных позициях азовцев находили капища бафомету.

Немного примеров интернационального сатанизма. Например — японские ниндзя. Это не просто ловкие ребята. Это тоже бесо-люди, одержимые нечистым духом, во власть которого они добровольно перешли. То же наблюдается и у древних германцев...

...Была у нас в Норильске знакомая художница. Русская, с Алтая, где обитают местами, так сказать, «тени забытых предков». Она была как бы со странностями... Например, рассказывала, что у неё в квартире домовый прижился... Ну да ладно. Домовой — скотина для некоторых привычная, как таракан. Но у неё был ещё и родственник. Родной брат. Этот братишка постоянно сидел в тюрьме. Время от времени ему эти посиделки надоедали, и он из тюрьмы просто-напросто уходил. Не убежал, не освобождался — а именно уходил. Надоело — вышел. Никакие запоры, никакая охрана ему были не преграда. Умея воздействовать на чужую волю, он умел пройти незамеченным... Не всегда это, конечно, сбавляло, но сбавляло довольно часто. Какой ценой дались ему эти «сверхспособности», вернее, какую жертву принёс он сатане, чтоб ими обладать, не знаю. Но была в этой семейке какая-то тёмная история со странной смертью отца... И вот после очередного «надоело» он оказался в Норильске, тогда «закрытом» городе, у родственницы-художницы. Прилетел на рейсовом самолёте. Как это стало возможным для человека, находящегося в розыске, без документов, без билетов, при чрезвычайно тщательной проверке пассажиров при покупке билетов, при пограничном контроле?! Но, тем не мене, он в одно прекрасное время оказался в квартире у родственницы.

Конечно же, спокойная жизнь была не для него, и вскоре он крепко поспорил с племянником. Драка была не на жизнь, а на смерть. Парень чудом остался жив. Ему ничего другого не оставалось, как заявить на крайне опасного родственничка в милицию. И вот дядюшку определили на вре-

менное проживание на Каларгон. Каларгон — это КПЗ: несколько барачков, обнесённых колючей проволокой, среди бескрайней тундры. Обустроенный ещё в тридцатые годы, он считался местом, откуда невозможно убежать. Так вот, побег был совершен и оттуда. Причём групповой побег, бессмысленный и беспощадный, как русский бунт. Арестанты под водительством «алтайского супермена» убили охранников и, овладев их оружием, пошли наугад по тундре. По пути им встретилась геологическая партия с вездеходом. Водитель, помнится, парень 25-27 лет, успел отправить сообщение по радиации прежде, чем был застрелен. Дело было летом, в «полярный день», солнце светило круглосуточно. На вертолётах прилетела группа захвата. Преступников не просто повязали по рукам и ногам, а, как охотничьи трофеи, несли к вертолётам на шестах. Следствие и судебные действия велись очень оперативно и длились недолго. И брата нашей художницы как зачинщика вскорости расстреляли...

В фашистской Германии идея сработать сверхчеловека была поставлена на поток. В результате получились эсэсовцы. Невольным свидетелем деформации человеческой личности стал отец моего супруга Александр Кириллович Сафронов. В годы Отечественной войны он был в Вятке начальником небольшого лагеря военнопленных. Военнопленные были смиренными: кругом тайга — бежать не было смысла. Впрочем, какие-то незначительные проступки они всё же совершали... На этот случай имелся карцер. За неимением подходящего помещения и, опять-таки, потому что военнопленные были смиренными, в качестве карцера использовался чулан сафроновской избы. В самой избе на стене висело на виду охотничье ружьё, которое через окно было хорошо всем видно. Никаких эмоций у пленных оно не вызывало. Висит да висит. И вот среди военнопленных оказался эсэсовец. Впрочем, буйным нравом он тоже не отличался, пока не оказался в карцере рядом с висящим без присмотра ружьишком... Он просил, умолял, чтобы его не сажали в этот дощатый закуток, но... его всё равно туда засунули. И вот эсэсовец от такой близости к берданке буквально обезумел, осатанел... Боясь этого своего состояния, он опять стал умолять, чтобы его убрали из чулана, но на его просьбы никто не обратил внимания. Это в наше время стало модным рассуждать о зомбировании, кодировании и прочих чакрах, а тогда кто о таких материях мыслил? Судя по всему, эсэсовцев действительно зомбировали: в каких-то ситуациях в них срабатывала как бы пружина — и они становились сами не свои, не в состоянии контролировать свои поступки. В Православии

такое состояние называется одержимостью или беснованием. В данном случае как раз «пружина»-то и сработала: близость и доступность ружья привели эсэсовца в неистовство. И тогда произошло совершенно бессмысленное, не поддающееся логике происшествие. Эсэсовец ногой выбил тонкую перегородку, отделяющую его от оружия, схватил ружьё и, до смерти перепугав находившегося в избе ребёнка, старшего брата о. Леонида, забрался на чердак и стал оттуда стрелять по всему, что шевелилось. Надо было что-то решать, что-то делать, но так, чтобы не погубить ребёнка. Один солдат-охранник, небольшого роста чёрненький кривоногий якут, вызвался на единоборство с громадным двухметровым «истинным арийцем». Эсэсовца отвлекли. Тем временем якут, как кошка, ловко забрался на чердак. И фашистское неоязычество столкнулось нос к носу с древним сибирским язычеством. Отечественные бесы не подкачали. Якут в припадке осатанелой ярости набросился на сверхчеловека, зубами перегрыз ему горло и, окончательно опьянев от крови, с необыкновенной лёгкостью скинул с чердака тело фашиста; спрыгнул на землю и сам стал выплясывать на трупе замысловатый победный танец...

«Ибо образом ходит человек...»

Вот мы и подошли к отечественным бесам... И сейчас самое время рассказать, как Великим Ермаком завоёвывалась Сибирь, когда у её правителя Сибири Кучума всё войско в большинстве своём состояло из язычников, подобных тому якуту, вступившему в схватку с эсэсовцем. Боевые языческие практики — штука серьёзная. Поход Ермака Тимофеевича описан Карамзиным в его «Истории Государства Российского». По сути, это готовое Житие святого князя Сибирского Еромолая (Германа).

В своей книге «Чудный старец» я цитировала главу из «Истории» Карамзина, посвящённой походу Ермака. Ниже приведу её краткое содержание. От себя добавлю: со времени написания «Истории государства Российского» прошло двести лет. За это время появилось множество фактов, неизвестных в своё время Карамзину; множество профессоров подвизалось на исторической ниве, и труд Карамзина как бы безнадежно устарел, но... Именно Карамзин показал исторический образ России. А **образ** — это не механическая совокупность фактов и доказательств, но явление мистическое, это народный эпос. Народ жив до тех пор, пока его эпос способен к саморазвитию. Эпос может выражаться не толь-

ко в слове, но и в музыке, в красках и в камне... Карамзин, однако, — не родоначальник образа, но он развил то, что воспринял душой от «Слова о полку Игореве», от былин, от исторических песен. Его подвиг продолжили Пушкин, Лермонтов, Толстой, Чайковский, Мусоргский, Левитан, Саврасов, Суриков, Есенин, Твардовский, Рубцов, Передреев...

Поход Ермака был организован Строгановыми в 1582 году, в царствование Великого Государя нашего Иоанна Васильевича Грозного. Под началом Ермака было 854 человека: 540 государственных казаков и 300 «штрафбатовцев», набранных по острогам: пленных татар, немцев и прочей сволочи... «Штрафбатовцам» были обещаны свобода, денежное вознаграждение и возвращение на родину, собственно говоря, им были предложены те же условия, что и для добровольцев ЧВК «Вагнер» из числа заключенных. Строгановы отправили в поход ватагу государевых казаков, разбираться с Кучумом (мотивы этого похода я подробно описала в своей книге «Чудный старец»). Но... в эти разборки вмешался преподобный Трифон Вятский. Он был духовником Строгановых, а кроме того, был устройтелем Вятской епархии. Потому и этот поход никак не мог состояться без его ведома и благословения. Понимая трудности и опасности, Преподобный, скорее, склонялся к мысли, что поход нужно отложить. Однако, переупрямить самовольных и самоуправных Строгановых было затруднительно даже для Преподобного. А может, он и не настаивал, предвидя особое смотрение Божие в этом деле?..

С Ермаком в поход отправились четверо священнослужителей. Преподобный Трифон и эти безвестные священники воодушевили лихую ватагу, то ли завоевателей, то ли карателей, на невиданное в военной истории дело: завоеватели отбыли на покорение далёких земель с «обетом доблести и целомудрия». Ермаковцы «вели жизнь целомудренную: сражались и молились». Какие-то единичные случаи непотребного поведения всё-таки случались, но с этими извергами разговор был короток: на шею мешок с камнями — и в воду. Вот так со святостью и крутой дисциплиной прошли сквозь Сибирь-матушку ермаковы казаки: Русские, немцы, татары, поляки... А смерть Ермака (Ермолая-Германа) засвидетельствовала его святость...

...Небольшой отряд утомлённых ермаковцев был застигнут врасплох — под покровом ночи был окружён ордой Кучума и вырезан почти поголовно. Но самому Ермаку удалось прорваться к Иртышу и броситься вплавь. Но на нём была броня — царский подарок. Плыть в таком облачении было невозможно — и Ермак утонул. Спустя несколько дней его

тело было обнаружено в воде татарами и вытаскано на берег. Ермак был опознан по золочённому доспеху с изображением двуглавого орла; это был царский подарок, ставший роковым для героя. Победители сняли с мёртвого Ермака дорогие доспехи и стали метать в него копья и стрелы. И вдруг из мёртвого тела хлынула живая кровь... Татары в страхе разбежались. Тело Ермака какое-то время оставалось лежать брошенным на съедение зверям, но ни звери, ни птицы его не тронули. Тогда Кучум, крайне удивлённый и вразумлённый поведением диких зверей, со своими подданными устроил богатую тризну в честь Ермака и похоронил доблестного героя со всеми воинскими почестями. Ночами над могилой Ермака возникал столп света до неба. Явленная святость Ермака так напугала татар, что они сокрыли место его погребения. Доспехи Ермака передавали из рода в род, как великую святыню. Так святостью Ермака и его крохотной дружины, в значительной степени состоящей из «штрафбатовцев», была присоединена Сибирь.

За много лет до экспедиции Ермака, в конце XV века ещё Иоанн III посылал несколько раз многотысячные войска завоёвывать Сибирь. Войска дошли даже до Оби. И хотя Иоанн III стал именоваться «Всея Сибирския земли повелитель», в реальности Сибирь не сильно-то ему повелевалась. Вот что интересно: пятитысячное войско Иоанна III покорить Сибирь не смогло, а 840 ермаковцев Иоанна Васильевича Грозного смогли! Более того, святость Ермака и его дружины преобразила потомков и подданных Кучума в патриотов России. **Любовь к Родине — это чудо Божье, потому что Родину даёт Бог.** Под личную, если верующий, или под персональную, если неверующий, ответственность. Если первая ответственность основана на глубокой осознанности чувстве долга, жертвенности, мужественности, любви, то персональная ответственность — на страхе и жесткой неумолимости закона.

В юности я работала с женщиной, урождённой донской казачкой. Во время Отечественной войны она, подросток тринадцати-пятнадцати лет, жила с матерью в оккупации. Рассказывает: в станицу зашли немцы. Первое, что они сделали, — установили в центре станицы, на майдане, столбы, метра полтора от земли; на столбах укрепили помост. По краям помоста наvertели отверстий такого диаметра, чтоб можно было, сняв штаны, в них удобно угнездиться. Получился оригинальный сортир во всю базарную площадь. Цивилизованные скоты, спустив штаны, усаживались в эти лузы и, не обращая внимание на мимо проходящих женщин и девушек,

наяривали на губных гармошках «Лили Марлен» и, болтая ногами и прочими причиндалами, справляли под музыкальное сопровождение нужду. Других домогательств до женского полу они почти что себе не позволяли: возможно, опасаясь мести казаков. Но, как говорится, «не долго музыка играла». Красная Армия перешла в наступление, и в станице показались передовые отряды освободителей. Одеты бойцы были в какую-то дрань без знаков отличия. Это были штрафники, большей частью, естественно, атеисты, обетов доблести и целомудрия они не придерживались. И вскоре во всех концах станицы заверещали поруганные девки: вы тут, мол, с немцами... а мы, освободители, имеем право. Тогда старухи-казачки сбились в ватагу и очень быстро отыскали воинское начальство освободителей. Нашли. Охрана к генералам не пускает. Смели охрану. Если говорить мягко, то генералов подвергли такому остракизму, что те бросили и стратегию, и тактику, и устремились укреплять дисциплину. Как правило, в таких случаях без расстрелов не обошлось... Да, конечно, штрафники были всякие... И герои, так сказать, «с обетом доблести и целомудрия» среди них тоже были...

Мы знали богомольную старушку, бывшую штрафбатовку, которая в молодости во время войны была санинструктором в штрафбате. Поскольку штрафбатовцы должны были «искупить свою вину кровью», то наградами их особо не баловали. Вот и наша санинструктор тоже «смыла вину кровью». Поэтому, будучи раненной, в госпитале она получила из рук самого Константина Константиновича Рокоссовского золотые часики и именной пистолет... О ней я написала очерк «Анисья».

«Из-за острова на стрежень...»

Пространные рассуждения о походе Ермака и штрафбатах понадобились для того, чтобы уяснить: что же такое за явление в нашей жизни — ЧВК «Вагнер». Это самое результативное военизированное подразделение нашей армии. С этим никто не спорит. Но есть ещё один аспект: «Вагнер» задаёт тон этой войны, формируя её духовно-нравственные принципы. Это: уважение к противнику на поле боя; достойное отношение не только к пленным, но и к убитым врагам. Однако в то же время мы видим и суровое отношение к целым подразделениям противника, которые в лице всего лишь некоторых своих представителей позволили не разделить гуманных взглядов «Вагнера» на пленных...

Деятельность «Вагнера» не ограничивается передовыми окопами на фронте. У «Вагнера» очень качественная пропаганда. Это детские клубы. Я была крайне удивлена, просмотрев пропагандистский (в самом хорошем смысле этого слова) ролик для американской аудитории: вполне в американском духе, но с симпатией к Русской армии, — это высший пилотаж. Пригожин, хозяин «Вагнера», формирует государственную систему координат, не для всех комфортную. Мы видим, что «Вагнер» уверенно реставрирует ту нишу, которую когда-то занимали при Иоанне Васильевиче Грозном опричники, а при Сталине — назовём её условно — СМЕРШ... Вот господин Караулов весь испереживался, что после ухода Кудрина с должности председателя Счётной палаты, её, обезглавленную, некому возглавить... Я бы так не переживала. С появлением опричнины все становятся автоматически настолько честными, что пересчитывать ни за кем не придётся. Опричники, конечно, тоже, бывает, не святые: Строгановы, например, как мы уже видели.

Легенды о всесильности «Вагнера» таковы, что никто не дерзает даже заикнуться с призывом организовать покушение на Пригожина: президента вот призывают убить — а Пригожина — нет, как, впрочем, и Кадырова. А всё потому, что никто толком не знает, что же представляет собой «Вагнер» как структура, каковы её масштабы. Государственная? Надгосударственная? Или даже... межгосударственная? Многие оцепенели от этой загадки, как те бандерлоги (не из сказки Киплинга, а из шутки нашего президента). Вот и сейчас Гаага (от гусиного «га-га-га») сварганила ордер на арест руководителя ядерной державы, которому по определению не должно реагировать на обзывалки.

ЧВК «Вагнер» после того, как по президентскому Указу туда стали вербовать заключённых, в общем-то на тех же условиях, что и когда-то набирали бойцов в отряд Ермака, можно было бы сравнить с тем же штрафбатом, где преступник получает возможность «искупить свою вину кровью».

Протоиерей Леонид Сафронов более 30 лет служит в тюрьмах. И на наших с ним глазах совершалось множество преобразований человеческих душ... Вот один из эпизодов. Это было на заре нашей тюремной практики, почти что тридцать лет назад. Мы были молоды и энергичны. Могли преодолеть 10-20 км, прежде чем добраться до тюремного храма, а там ещё пару часов дожидаться на КПП, пока пропустят на зону. И вот как-то пришлось крестить более 20 человек, а после крещения служить ещё и Литургию. На той зоне находились заключённые с большими сроками, более того, это были всё

рецидивисты. Вот эта толпа очень непростого народу набилась битком в церквушку. Большинство, что называется, были разрисованы «под хохлому» да так густо, что, производя помазание на руках и ногах крещаемых, батюшка иной раз сетовал: «Где ж мне тут крест-то ставить?!» Где-то к концу крещения замечаю, что у батюшки, как у пьяного, заплетаются ноги. Когда он проходил мимо меня, я шепнула: «Что с тобой?» «Не знаю. Ноги отказали». Потом батюшка произнёс обычную при крещении проповедь, что, мол, крещением смываются грехи... И вот эта толпа народа, народа с ожесточенными сердцами, народа, повинном в таких грехах, что волосы встают дыбом... так вот эти люди стали рыдать навзрыд... Потом неоднократно приходилось видеть, как «сидельцы» плачут на исповеди, стоя на коленях. Надо заметить, что «вольные» прихожане не так горячо воспринимают церковные таинства. Мне думается, что и нынешняя война для некоторых — это как покаяние: горькое, беспощадное к себе, потрясающее душу и воскрешающее. Поэтому нет ничего удивительного в том, что среди заключённых есть желающие огненного покаяния. Вот такие мужики, жаждущие покаяния, и идут в «Вагнер», чтобы насмерть стоять за Россию. Итак, крещение закончилось, началась Литургия. Уже после Богослужения батюшка рассказал, что когда он вышел с Чашей на солею, вдруг почувствовал как бы удар ножом в живот. Еле-еле устоял на ногах от необыкновенно сильной боли... Вот так. А то некоторые полагают, что священник — это что-то вроде фокусника из шапито, который только ловко кадилыцем помахивает...

Хозяин и вдохновитель «Вагнера», а по-старомодному: атаман, — Евгений Викторович Пригожин. Пригожин отрицает, что он путинский повар. А по-моему, он всё-таки повар, потому что умеет и кашу заварить, и по шам дать. Подлинно верующие на каждом углу не кричат: «Верую во единого Бога...» — и далее по тексту. У русского человека даже крой рубахи-косоворотки был таким, чтобы нательный крестик наружу на всеобщее обозрение не вываливался. Православие, по большому счёту, — не теория, а практика. А Пригожин — это практик...

Военно-административное управление «вагнеров», по сути, сознательно или подсознательно на основе глубинного национального опыта скопировано с казаков. У казаков это называлось «Казачий круг», образец народоправия, где отцы-атаманы выслушивали мнения подчинённых казаков и сообразно с этим принимали решения. Но по этому же принципу строились отношения и среди стрельцов, и среди оприч-

ников Иоанна Грозного. Очень хорошо эти отношения показаны у Н.В. Гоголя в повести «Тарас Бульба». Советую перечитать речь Тараса к казакам о товариществе или прослушать отрывок из одноимённого фильма. Но тут есть одно «но». Такая система управления хороша, когда боевое соединение состоит из воинов-профессионалов с многолетним, а то и потомственным военным опытом. Стоит ли говорить, что регулярной армии, состоящей из полуштатских призывников, такое панибратство может только навредить.

О «вагнерах» можно ещё долго судить-рядить, одно ясно: это общественное (не только военное!) явление — порождение Русского духа. Именно поэтому «Вагнер» пользуется безусловной народной поддержкой. Многие товарищи с большими звёздами болезненно ревниво относятся к «Вагнеру»: мол, слишком уж этот Пригожин много на себя берёт. Так ревниво, что даже поначалу отказались «Вагнера» снабжать снарядами...

Я — конечно же, баба-дура, но что-то по истории Великой Отечественной войны читала и с историей Сибирского похода Ермака Тимофеевича, как видите, знакома. Так вот, когда штурмовая часть проламывает оборону противника, то в прорыв вводятся основные силы, закрепляющие успех, — это классика жанра. Даже успех Ермака был закреплён царскими полками, спешно отправленными в Сибирь, хотя царь поначалу знать не знал и ведать не ведал о строгановской авантюре. А когда узнал, сделался чрезвычайно зол на Строгановых, но, тем не менее, это не помешало ему оперативно воспользоваться успехами казаков. А тут в начале года промелькнуло сообщение, что «вагнеры» аж на десять километров вгрызлись в оборону противника — и никакой поддержки со стороны армии... Нехорошо...

«Вагнер» — это современное социально-культурное и духовное явление нашей жизни. Народ выходит из того аморфного состояния, в которое его загнали эти последние тридцать лет. В «массах» стали выкристаллизоваться забытые национальные черты и характер. Так, на примере «Вагнера», мы наблюдаем возрождение казачества. Казачество — это не лампасы и не граждане с донской или кубанской пропиской, как бы ревниво они ни отстаивали свою уникальность. Казачество — это проявление Русского духа, это особое чувство достоинства русского человека, который твёрдо знает не только, ради чего ему жить, но и за что умирать. По вековой традиции, это: «За Веру, Царя и Отечество». Если кто-то считает, что эта формула устарела, — хорошо, пусть будет: «За Родину, за семью, за Достоинство». По большому счёту,

одна формула вытекает из другой, и если бы не было одной, то и другая бы не состоялась. А впрочем, рано или поздно «всё возвращается на круги своя»...

В то время, как народ всё более приобретает национальные черты, российские элиты не торопятся преобразоваться в национальные. Более того, нынешние элиты, как чёрт ладана, боятся народного преобразования. Появятся ли среди них третьяковы, минины, пожарские, суворовы?

Казачество, как, впрочем, и стрелецкое войско, — части иррегулярные. Иррегулярные войска — традиционны для Русской армии. Без них немыслима российская история. В иррегулярных частях особое требование предъявлялось к командованию. Атаман или полковник должен быть личностью, обладать, как это сейчас говорится, харизмой. Тут дешёвый карьеризм не пройдёт.

Стрелецкое войско принято считать отсталым пережитком Золотой Орды. И потому-де Петр Первый его упразднил. Ничего подобного. Боевой уровень стрельцов был очень высоким. Но для задач, которые стояли перед новоявленной империей, количество войск должно было быть увеличено. И где столько отцов-командиров набрать, которые чтобы и личности, и с харизмой? Ну и, кроме того, царь в юности стал свидетелем стрелецкого бунта... Эти страхи остались с ним на всю жизнь... Вот Петр Первый и сделал упор на регулярную армию с железной дисциплиной и на офицеров, пусть не всегда харизматичных, но исполнительных. Действительно, в младшем и среднем звене управления не обязательно, чтобы были «личности», — достаточно иметь «личности» среди полководцев. Казачьи части, однако, остались со своими традициями, хотя казачество — хозяйство беспокойное и порой даже опасное для государственной безмятежности. В жилах русских царей был изрядный процент «немецкой» крови, но это не мешало им быть русскими людьми, поэтому у них хватило ума и мудрости не ломать об колено психологию казачества, эту составляющую Русского духа, но, несмотря на казацкие бесчинства в Смутное время, несмотря на восстания Разина, Пугачёва, принять казачество так, как оно исторически сформировалось, и отечески направлять народную стихию в русло государственных интересов...

Добавлю: Ермак Тимофеевич в своё время, до Сибирского похода, знатно набедокурил, гуляя вдоль по Волге-матушке-реке: что-то там у него с персидским посольством неловко вышло, почему Ермак находился, одно время, так сказать, во «всероссийском розыске»... Я даже допускаю, что он, а не

Стенька Разин, мог иметь отношение к появлению легенды, а затем и песни «Из-за острова на стрежень», где рассказывается о персидской княжне, которую «в набежавшую волну» бросили. Но, тем не менее, «за заслуги перед Отечеством», за «огненное» покаяние указом царя Иоанна Грозного Ермаку Тимофеевичу было даровано княжеское достоинство и титул: «Князь всея Сибири».

Некоторым большезвёздным начальникам стоило бы поприлежней изучать историю России, чтобы мозги лишней раз не кипели от возникающих вопросов: как должны взаимодействовать регулярные войска с иррегулярными? Решили возрождать национальное самосознание — получите возрождение казачества в лице «Вагнера» как результат возрождения этого самого самосознания. Ни Потёмкину, ни Суворову, ни Кутузову казачество не мешало. Вот, например, фраза из «Войны и мира» Л.Н. Толстого: «Отряд Платова действовал независимо от армии». Надеюсь, не нужно пояснять, кто такой Платов и что представлял из себя его отряд. И не нужно пояснять, что никому из начальства в голову не пришло обвинять Платова в самоуправстве.

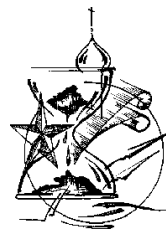
«Вагнер» — это наша гарантия, что никакого похабного мира не случится. «Но если всё же Суд настанет Страшный, // Спасётся тот, лишь чья душа чиста, // Кто принял бой смертельный рукопашный // И отстоял родимые места» (о. Леонид Сафронов).

Сергий КАРАМЫШЕВ, иерей

ПОЛЬША КАК ИСТОЧНИК РУСОФОБИИ

После раздела Речи Посполитой Россией, Австрией и Пруссией польское национальное самолюбие получило сокрушительный удар. Он повлёк за собой в сердцах наиболее непримиримых националистов не просто обиду, но всепоглощающую ненависть к России. В чём причины? Во-первых, папство уже почти тысячу лет видело в православии, исповедуемом русскими, только схизму, посягнувшую на «священную» власть понтифика. Во-вторых, прошло меньше двух столетий с тех пор, как поляки с литовцами чувствовали себя в Москве полновластными хозяевами. В-третьих, они привыкли смотреть на русских в лице белорусской и малорусской народностей как на людей второго сорта. И вдруг — такое неслыханное унижение от вчерашних «рабов»!

Во время наполеоновского нашествия поляки представляли третью по численности после французов и немцев национальную общность Великой Армии, насчитывавшей 680 000 человек. Французов в ней было около трёхсот тысяч, представителей немецких государств — около двухсот, а поляков (83 тыс.) вместе с литовцами — около ста. Именно они, в сравне-

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

нии с прочими, «прославились» вандализмом, особенно в московском Кремле, где выбросили из раки мощи замученного ими двести лет назад патриарха Гермогена.

По итогам Венского конгресса Польша вновь была поделена между Россией, Австрией и Пруссией. Притом вместо ранее созданного Наполеоном Герцогства Варшавского император Александр I учредил Царство Польское. Полякам была предоставлена широкая автономия: особая Конституция, своё законодательное собрание (сейм), своя администрация, национальные военные подразделения, своя финансовая система. Казалось бы: куда больше? Живите в мире, развивайте свою культуру, своё хозяйство, пользуясь русскою щедростью. Однако в действительности все эти широкие права были выхлопотаны прежними союзниками России в ходе Венского конгресса с целью скорейшего её ослабления путём отделения Польши: ладно бы только в границах Царства Польского — в пределах всей бывшей Речи Посполитой! Для осуществления этого плана уже имелись основные предпосылки.

Ещё в 1803 году был образован Виленский учебный округ, вобравший в себя 8 губерний: Виленскую, Витебскую, Гродненскую, Минскую, Могилёвскую, Киевскую, Подольскую, Волынскую. Этим округом управлял личный друг Александра I князь Адам Чарторыйский. До 1807 года он совмещал попечительство над учебным округом с должностью помощника государственного канцлера, а затем — министра иностранных дел. Ранее (в 1792 году) он принимал деятельное участие в восстании Тадеуша Костюшко. Ближайшими помощниками Чарторыйского в деле управления сферой образования стали Тадеуш Чацкий и Гугон Коллонтай (последний «прославился» во время восстания Костюшко наложением системы революционного террора, подражая в этом французским якобинцам). Стараниями этих лиц в 1805 году в городе Кременце была открыта классическая гимназия, переименованная в 1819 году в лицей. Сюда стремилась для получения образования польская молодёжь шляхетского сословия из Австрии с Пруссией. О духе преподавания в этом элитном учебном заведении говорит такой факт: когда в 1831 году был получен указ о закрытии лицея, здесь не оказалось ни одного ученика: все ушли в повстанцы. В соответствующем духе была выстроена система образования во всех перечисленных выше восьми губерниях.

Фанатизм никогда не дружит с логикой, а гордыня (особенно национальная) самоубийственна. Не довольствуясь огромными преимуществами, полученными от России, ко-

торые были даны не только в Царстве Польском, но и во всех губерниях, что входили некогда в состав Речи Посполитой, польская шляхта в ноябре 1830 года подняла восстание против России. Поначалу оно имело успех, и было поддержано западноевропейской общественностью. Когда же в 1831 году было подавлено, этот факт вызвал бурю негодования. Пушкин ответил на общеевропейскую ругань кратко, но ёмко в стихотворении «Клеветникам России»:

*Уже давно между собою
Враждуют эти племена:
Не раз клонилась под грозою
То их, то наша сторона.
Кто устоит в неравном споре:
Кичливый лях иль верный росс?
Славянские ль ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? Вот вопрос.*

Поэт поставил свой вопрос очень точно: русское море, вобравшее в себя не только славянские, но и другие ручьи-народы, сохраняет их самобытность. А вот из Речи Посполитой моря, в котором было бы привольно разным национальностям, не получилось в силу кичливости и нетерпимости государствообразующей нации. Поэтому Пушкин ни о каком польском море не говорит. Русский и польский народы — политические величины разных уровней: русские — одна из немногих наций, способных к имперскому строительству, а полякам подобный крест оказался не по силам. Поэтому все их мечты о великой Польше «от моря до моря» — только мыльные пузыри раздутого тщеславия.

Восстание имело два итога. Первый — утрата Польшей автономии. Второй — официальное упразднение униатства в пределах Российской империи Собором униатского духовенства 1839 года в Полоцке. После этого Греко-Католическая церковь осталась лишь в пределах Австрийской империи.

В отместку непримиримая часть польских и литовских националистов решила во что бы то ни стало иссушить русское море. Для этого русских следовало расчеловечить, демонизировать. Польско-литовские националисты объявили нас азиатами, дикарями, от поглощения которыми якобы столетиями спасают Европу самоотверженные Польша и Литва.

Всё более польские и литовские националисты приходили к выводу, что в случае прямого военного столкновения с русскими их шансы на победу ничтожны. Это заставляло при-

бегать к дипломатическим уловкам, используя в своих интересах европейские правительства. Как хотелось очередной общеевропейской войны против России! И как хотелось заразить своей глубинной русофобией прочие европейские государства! Для этого (по логике польских и литовских националистов) противостояние Европы и Российской империи должно стать постоянным, чтобы при удачном стечении обстоятельств Россия общеевропейскими усилиями была раз и навсегда уничтожена или же отброшена далеко на восток.

Но чтобы подобное стало возможным, следует всеми мерами ослаблять Россию изнутри, сеять в ней смуту и вносить непримиримый раздор в самый русский народ. Дабы этого достигнуть, необходимо наиболее нетвёрдую, наиболее неуравновешенную часть русского народа заразить неприязнью, а потом — и ненавистью к остальной его части. Это тем легче сделать в Малороссии, что здесь устойчивость русского народа к внешним воздействиям уже подточена религиозной унией и казацким сепаратизмом. Униат — продукт смешивания двух традиций, двух культур. Он может качнуться и в одну сторону, и в другую. Стало быть, задача польских «просветителей» заключалась в том, чтобы создаваемый и воспитываемый ими субэтнос страстно возненавидел тот народ, отщепенцем которого он стал.

Ровно через сто лет после того, как сеймом Речи Посполитой была принята в качестве руководства к действию программа геноцида русского народа, в 1817 году на Правобережье Днепра появился на свет в польско-малороссийской семье Франтишек Духинский, по праву стяжавший в исторической науке славу Герострата.

Начальное образование он получил в кармелитской школе городка Бердичева и продолжил его в базилианской школе Умани. На этом его систематическое образование закончилось. Напомню, что орден Базилиан был основан русским отступником, униатским митрополитом Иосифом Велямином Рутским. Остаётся лишь пожалеть о том, что русские власти позволяли даже после подавления польского восстания 1830—1831 годов папским орденам воспитывать детей.

По завершении образования Духинский перебрался в Киев, где стал домашним учителем в нескольких шляхетских семьях. Здесь он познакомился с польскими националистами Гордоном и Винницким, которые старались увлечь образованных представителей малороссийской народности на свою сторону.

В 1846 году Духинский эмигрировал из России. Во время Крымской войны работал в интендантстве при английском

экспедиционном корпусе. В 1857 году в Париже он выступил с лекцией «О необходимости дополнений и изменений в научном изложении польской истории», позднее опубликованной под заголовком «Об отношении Руси с Польшей и Москвой, именуемой ныне Россией».

С расчётом на помощь всего русофобского интернационала, сделавшегося особенно активным в годы Крымской войны, Духинский решил произвести революцию в исторической науке, начав называть русинами (русскими) только жителей областей прежней Киевской Руси, что в XIV веке были захвачены Литвой и Польшей (здесь ему в помощь была «История Русов»). А всё прочее население прежней Киевской Руси следует называть не русскими, а москалями, потому что-де эта слабо развитая в умственном отношении народность переняла язык династии Рюриковичей, имея своё происхождение от угро-финнов, монголо-татар и турок (все перечисленные национальности, по мнению «кичливого ляха», вне всякого сомнения, — представители низшей расы). Свою теорию Духинский развил в трёхтомном сочинении под названием «Основы истории Польши и других славянских стран, а также истории Москвы».

С началом нового польского восстания в 1863 году национализм Духинского поднялся на более радикальный уровень. Он издаёт в Париже «Дополнения к трём частям истории славян и москалей» с подзаголовком «Догматы о национальности польской». Вот до чего договорился этот воспитанник кармелитов и базилиан из местечка Бердичева! К чему доказательству истинности его революционной теории? Получайте сразу не подлежащие обсуждению догматы — ибо национализм теперь возводится в ранг религии.

В предисловии к «Догматам» Духинский взывает: «...борьбу нашу против Москвы считаем обязанностью не только поляка, но каждого христианина. Кто поляк, защищай польскость в давних её границах на Двине и на Днепре как поляк... Кто не поляк, а католик, протестант, спеши защищать Польшу на Двине и на Днепре, и не сложи меча борьбы, пока не заставишь Москву признать полную независимость этих краёв».

Не очевидно ли из воззвания, что протестантов Духинский признаёт христианами, а православных — нет? Для него «москали» — люди однозначно низшей породы. Просто потому, что ему так хочется, просто потому, что он их ненавидит.

В Париже тогда находилось польское «Национальное повстанческое правительство». Новоявленный мракобес требовал, чтобы оно приняло недавно изданные им «догматы» в

качестве руководства к действию: «Вмешательство высоко-го правительства облегчит трудности приказанием, чтобы не россиянами, не русскими, не русинами, а только москалями называть москалей в официальных актах...»

В 1868 году в швейцарском городке Рапперсвиле открылся польский Национальный музей. В 1872 году Духинский занял должность его хранителя. В Швейцарии он и умер в 1893 году, не совершив в исторической науке более никаких революций. Вершиной его личностного развития стали «догматы» новой религии польского национализма.

Разумеется, Духинский не мог не воспользоваться «катехизисом» казацких самостийников при всей своей ненависти к казачеству. В книге «Peuples Agyas et Tourans», вышедшей в Париже в 1867 г., он назвал «Историю Русов» «обвинительным документом против Москвы».

В своих псевдоисторических трудах Духинский утверждал, будто все славяне пошли от ляхов, поэтому русское население ранее подвластных Речи Посполитой областей лучше именовать «восточными поляками» — ради их удобнейшего ополечения. Что же касается Москвы, по мнению хулиганствующего историка, в VI—IX веках существовало «турецко-московское» государство, простиравшееся от границ Китая до побережья Белого моря и южной Финляндии. А доказывается революционная теория только тем, что в Финляндии есть город Турку, по мнению Духинского, непременно основанный турками; да ещё тем, что на Урале находится Верхотурье, соответственно, тоже имеющее турецкое происхождение. Жалко, как говорится, «до кучи» он белорусский Туров с итальянским Турином не произвёл от турок!

Что касается «восточных поляков», Духинскому возражали соплеменники: какие же это поляки, если постоянно поднимали против Польши восстания? Он им так отвечал:

«По сути дела, губерния Киевская, или Украина, в точном значении этого названия, препятствует пониманию польскости Руси. Потому что как только заходит речь о польскости Руси, в тот же момент чужеземцы и даже свои братья шляхтичи говорят: «Что вы с этой Русью! Это казаччина, гайдамаччина, схизма, колиивщина уманьская!» В то же время все эти эпитеты не относятся ни к населению подольскому, ни к волынскому, ни галицкому, ни к литовской Руси, а только исключительно к Украине, губернии Киевской. Поэтому если изыдем на время, для лучшего выяснения вопроса, губернию Киевскую, то устраним из Руси все упоминания о войнах казацких, о сопротивлении католицизму, отстаивании схизмы, резнях уманьских и о всех гайдамаччинах, всех

казаччинах. Русь без Украины по обеим сторонам Днепра составляет подлинную Русь, большую часть Руси, и она без Украины оказывается польской, то есть имеющей все черты польскости, начиная от католицизма».

Как же «порча» прокралась на Русь, превратив часть её в какую-то межеумочную (по Духинскому) Украину? Горе-историк и здесь за словом в карман не лезет: «...по происхождению, по характеру цивилизации, по организации, казаки были чужды славянам, потому что были киргизами-кайсаками, каракалпаками и других названий кочевыми народами происхождения туранского, которые из глубины Средней Азии распространились до устья Днепра».

Не было бы смысла приводить глубокомысленные рассуждения этого психически нездорового человека, если бы в XX—XXI веках его бредовые идеи не получили столь широкого распространения. Многочисленные примеры торжества учения Духинского в современной украинской публицистике приводятся в сборнике историка из Львова Леонида Соколова «Осторожно: «украинство!»», по которому я цитирую высказывания польского фантаста и его оппонентов.

Если в качестве историка Духинский — ноль без палочки, то как идеолог польского национализма и технолог нациестроительства — значимая фигура. Можно много смеяться над его «историческими» открытиями. Однако в выработанных им «основах» ничего смешного нет. Здесь все великороссы объявляются недочеловеками, а те представители русского народа, что два века испытывали геноцид, названы «восточными поляками», и это означает запуск в действие программы их постепенного ополячения приблизительно теми же методами, как ранее производилось их обращение в унию.

Теория очень даже рабочая: в 2022 году премьер-министр Польши Дуда и президент Украины Зеленский объявили на весь мир, что поляки с украинцами — практически один народ. Поэтому полякам на Украине предоставляется целый ряд преференций: они могут свободно приобретать недвижимость, становиться госслужащими, даже не принимая украинского гражданства.

Не напрасно Духинский лелеял надежду, что в будущем Малороссия отделится от Москвы, дабы соединиться с Польшей, но это нужно ещё заслужить: «...если малорусины захотят вернуться к давнему единству, то должны жертвой крови своей в борьбе против врагов Польши искупить ошибку своего отрыва».

Теперь они эту «ошибку» действительно искупают, особенно рьяно с 2014 года, поставив под запрет русский язык и

русскую культуру, наконец, развязав против нежелающих становиться украинцами подлинный террор.

Теория Духинского пришлась по сердцу многим европейским политикам и политиканам, в их числе основоположникам марксизма. Поскольку Россия выставлялась последними в качестве главной реакционной силы Европы, всякое подтачивание её могущества оказывалось полезным. И не важно, соответствует теория истине или нет. Важна её утилитарность в деле подрыва России. Ещё до публичных выступлений Духинского Маркс, почитавший Российскую империю варварской страной, наследницей Чингисхана, мог именовать граждан России «русско-монголами», «московитами» и прочими «милыми» словами.

Этот «ниспровергатель» европейских основ умел бывать (вслед за польскими повстанцами) общеевропейским патриотом. Так, в статье «Восточная война» (написанной в начале Крымской кампании) Маркс давал рекомендации:

«Без сомнения, турецко-европейский флот сможет разрушить Севастополь и уничтожить русский черноморский флот; союзники в состоянии захватить и удержать Крым, оккупировать Одессу, заблокировать Азовское море и развязать руки кавказским горцам. То, что должно быть предпринято в Балтийском море, так же самоочевидно, как и то, что должно быть предпринято в Чёрном море: необходимо любой ценой добиться союза со Швецией; если понадобится, припугнуть Данию, развязать восстание в Финляндии путём высадки достаточного количества войск и обещания, что мир будет заключён только при условии присоединения этой провинции к Швеции. Высаженные в Финляндии войска угрожали бы Петербургу, в то время как флоты бомбардировали бы Кронштадт».

Поставленных Марксом военных целей удалось достигнуть только Гитлеру в 1941—1942 годах, а вот в Крымскую войну, к досаде классиков марксизма, ни одна из них не была осуществлена.

Поскольку русофобия после Крымской войны была в Европе в большой моде, начитавшийся Духинского некий французский журналист Сан-Винсент опубликовал статью, в которой утверждал, будто русские до правления Екатерины II столетиями называли себя исключительно московитами или москалями, и только её волевым решением они начали именоваться русскими. Этот бред провозглашался и принимался с самым серьёзным видом!

Жёсткой критике подвергли теорию Духинского уже упоминавшийся историк малороссийского происхождения

Николай Костомаров и учёный-языковед, в то время профессор Дерптского университета Иван Александрович Бодуэн де Куртене. Если первый отмечал, главным образом, дикие исторические несообразности, второй копнул глубже, разглядев политический заговор коллективного Запада против России:

«...говоря без обиняков, речь идёт попросту о коалиции целой «Европы» вместе с арийской Польшей с целью оттолкнуть на восток туранскую «Москву». Не говоря уже о том, что подобная мораль очень напоминает мораль еврейскую, делящую мир на ближних-евреев и гоев, или также мораль Корана, строго различающую верных и гяуров, — должны, кроме того, заметить, что исторические факты и жизненные наблюдения никоим образом не подтверждают такого соединения всех ариев в одну взаимно себя любящую овчарню».

Приведя примеры взаимных истребительных войн арийских народов, дерптский профессор поставил людям в пример умеренности хищных животных:

«Волк съест овцу, но он не будет её принуждать к изменению взглядов, не будет ей навязывать свою веру, свой язык... А человек, то ли «ариец», то ли «туранец», истребляет своего «ближнего» ради идеала, ради несбыточных мечтаний. Только среди людей встречаются каннибалы моральные и политические, добывающиеся, чтобы в одном государстве была только одна национальность, одна религия, один язык».

Бодуэн де Куртене приводит здесь, взглядываясь в суть теории Духинского, модель того геноцида, что нашёл себе выражение в государстве Украина в первой четверти XXI века. Духинский посеял семена (позаимствовав их из коробочки «Истории Русов»), а в XXI веке созрели плоды. Вот почему он и поддержавшие его польские националисты внесли весомый вклад в общеевропейскую копилку русофобии.

п. Каменники Рыбинской епархии

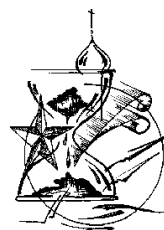
Валерий ГАБРУСЕНКО

ЛУЧШАЯ ВОЕННАЯ КОНТРАЗВЕДКА В МИРЕ

Автор настоящих заметок в юные годы успел поговорить с немногими вернувшимися домой участниками Войны — фронтовиками-окопниками. Большинство из них недолго прожили, так и не дождавшись льгот и привилегий, установленных после 1965 года. (Льготами довелось пользоваться, по большей части, тем участникам войны, которые были на отдалении от передовой.)

Из рассказов фронтовиков, среди прочего, запомнилось их неприязненное отношение к военной контрразведке — сотрудникам особых отделов (с 1943 г. «Смерш») или особистам, как их тогда называли. Наверное, основания для неприязни были. У каждого из нас есть знакомый, а, может, и не один, который, получив власть вершить судьбами людей, перерождается до безобразия. Ему доставляет удовольствие унижать людей, держать их в страхе. Наверняка такие были и среди особистов. И всё же не они составляли большинство и не они «делали погоду».

Негативное отношение к «Смерш» сохранялось в общественном сознании ещё много лет после войны, сохранялось по неведению. Считалось, что смершевцы — это люди, ко-

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

торые в Действующей армии за всеми следят, пишут доносы, создают заградотряды и расстреливают за любые мелочи. Следят — это верно, ибо одна из их задач — пресекать в войсках пораженческие настроения, попытки предательства и шпионажа. Пишут доносы — тоже верно. Они, например, своевременно писали доносы на легкомысленное командование Волховским фронтом генерала М.Хозина, из-за которого в 1942 году погибла 2-я ударная армия (к сожалению, Москва на эти доносы не сразу отреагировала). Создают заградотряды — выдумка. Этим занимался НКВД. Расстреливают — тоже выдумка. Они передавали дела военным прокурорам и командованию, а те решали — передавать конкретное дело в военный трибунал или ограничиться дисциплинарным наказанием.

Но было ещё и другое. Контрразведчики воевали вместе с Армией, вступали в бой с противником и часто замещали собой погибших командиров. На освобождённых территориях они выявляли полицаяв, карателей и прочих предателей, активно сотрудничавших с гитлеровцами. На их плечи легла основная тяжесть борьбы с бандеровцами на Украине, с «лесными братьями» в Прибалтике и с террористами Армии Крайовой в Западной Белоруссии и Польше. Кто-то подсчитал, что средний срок службы контрразведчика на фронте — 3 месяца, затем гибель или тяжёлое ранение. Четверо особистов за совершённые подвиги стали Героями Советского Союза.

Было и третье, самое главное — борьба с вражескими шпионами и диверсантами и дезинформация противника. Только в 1941 году на Западном фронте было обезврежено более 1000, на Ленинградском и Южном — около 650, на Северо-Западном более 350 агентов и разведывательно-диверсионных групп противника. Ловили их не только особисты, но и рядовые солдаты. Ловили, например, на нержавеющей скрепках, которыми немцы сшивали фальшивые солдатские книжки, или на ордене, прикреплённом не на той стороне груди. Здесь тоже заслуга контрразведчиков, которые воспитывали у армии и населения бдительность.

Лишь когда в 1974 году был опубликован потрясающий роман Владимира Богомолова «Момент истины» (позднее экранизирован под названием «В августе 44-го»), в котором впервые была показана героическая работа военных контрразведчиков по поиску и обезвреживанию вражеских агентов, отношение к «Смерш» круто изменилось. Но в романе показана только одна сторона работы — оперативно-розыскная. А ведь и там агентов искали не как случайные грибы в лесу, а уже имея данные об их десантировании. Эти сведения

получали либо от простых советских граждан, увидевших подозрительных людей или спускающихся парашютистов, либо от зафронтной контрразведки (в том числе от контрразведчиков, внедрённых в немецкие разведшколы), либо в результате «высшего пилотажа» — радиоигр.

Суть последних заключалась в том, чтобы перевербовать захваченного агента-радиста, знавшего шифр и позывные, а потом через него передавать противнику дезинформацию и получать важные сведения. Перевербовка составляла самую простую часть радиоигр — среди захваченных радистов (а это были в основном обученные в немецких разведшколах наши военнопленные) было немало тех, кто заброску в советский тыл рассматривал как единственную возможность живым вернуться на родину, добровольно сдавшись своим.

За этим следовала сложнейшая операция по дезинформации противника. Нужно было не просто «врать», а «врать» так правдоподобно, чтобы у врага не возникло ни тени сомнений — ведь любую информацию тот старался перепроверить с помощью своей воздушной и фронтальной разведки или ещё не пойманных своих агентов. «Дезу», естественно, готовил Генштаб Красной Армии или (в зависимости от масштаба операции) штаб фронта, умело перемежая ложную информацию с действительной, а всё остальное — работа контрразведки. Всего за годы войны было успешно проведено 186 радиоигр. Вот несколько примеров.

В феврале 1943 г. под Клином высадились три вражеских агента (два лейтенанта и один рядовой, попавшие в немецкий плен в 1942 г. при выходе из окружения) с заданием сообщать о воинских перевозках в направлении Москва—Ржев, наблюдать за воинскими гарнизонами, за передвижениями воинских частей и т.д. Все трое сразу же сдались в плен и безоговорочно согласились участвовать в радиоигре. Так началась операция «Находка», продолжавшаяся до конца декабря 1944 г. Противник регулярно получал ложную информацию, которая помогла скрыть готовившееся направление главного удара Красной Армии летом 1943 г. Агент-радист «Гайдаров» был даже награждён орденом Красной Звезды и по окончании операции продолжил службу в армии.

С 27 июня 1943 г. по 7 апреля 1945 г. проводилась операция «Загадка», а началась она с того, что под Егорьевском Московской области высадились на парашютах два немецких агента и сразу же сдались в плен. Один из них был нашим разведчиком, ещё в 1941 г. внедрившимся в немецкую разведку, а другой — профессиональным немецким разведчиком, прибалтийским немцем, которого первый завербовал.

Перед ними стояла задача — завербовать кого-либо из ответственных работников Наркомата путей сообщения (НКПС), владеющего информацией о военных перевозках. Задачу они успешно выполнили — «завербовали» несуществующего Колесникова, который и снабжал немцев «дезой». Кроме того, через них была получена ценнейшая информация о немецких разведшколах, их составе, методах обучения и о забрасываемых в наш тыл агентах.

К операциям по дезинформации противника о военных перевозках можно добавить радиоигры «Борисов», «Контролёры», «Лесники» и ряд других. Но это только одно направление.

Радиоигры «Двина», «Знакомые», «Развод», «Танкисты» и др. давали ложную информацию о сосредоточении наших войск и планах советского командования и внесли большой вклад в успех Курской битвы, Белорусской, Яско-Кишинёвской и др. стратегических операций Красной Армии. Так, с помощью радиоигры «Опыт», проводившейся контрразведкой «Смерш» Центрального фронта с мая 1943 г. по август 1944 г., враг был введён в заблуждение относительно готовящегося наступления на Курской дуге. Тексты, содержащие дезинформацию, готовились в Главном разведывательном управлении и лично визировались замначальника Генштаба генералом А.И. Антоновым и начальником оперативного управления Генштаба генералом С.М. Штеменко. За успешную работу добровольно сдавшийся радист «Шадрин» был освобождён из-под стражи и награждён орденом Отечественной войны II степени.

Радиоигры «Бандура», «Горцы», «Зубры», «Знакомые» и др. предотвратили попытки покушений на высших руководителей СССР, а также на руководителей союзных держав — участников Тегеранской и Ялтинской конференций. При задержании агентов, заброшенных в наш тыл 5 сентября 1944 г. с целью убийства Сталина, было захвачено уникальное оружие («ноухау») — гранатомёт калибра 30 мм и длиной всего 17 см, свободно размещаемый в рукаве пальто и способный бронебойно-зажигательными снарядами с расстояния 300 м пробить броню толщиной 40 мм. После допроса диверсантов и получения от них подробных сведений о разведывательно-диверсионной организации Службы безопасности Германии (СД) «Цеппелин» и о русских эмигрантских организациях, сотрудничавших с Гитлером (РОВС, КОНР, БСРН и др.), немцев до марта 1945 г. «водили за нос» (радиоигра «Туман»), а заодно и усилили охрану высших государственных и военных деятелей страны.

Ряд радиоигр был направлен на срыв создания в нашем тылу «пятой колонны» — объединений разного рода антисо-

ветских элементов, в основном, национал-сепаратистских: «Костры» — в Белоруссии, «Пески» — в Гурьевской области, «Абхазия», «Подполье», «Разгром», «Туманов» — на Кавказе, «Легион», «Тростники» — в Казахстане и т.д. Большое внимание противник уделил, в частности, организации восстания калмыков, которые во время оккупации испытывали весьма лояльные чувства к захватчикам. Враг даже намеревался перебросить 36 калмыцких эскадронов общей численностью 5 тыс. человек, подготовленных в Германии из военнопленных. Однако затея лопнула (радиоигра «Арийцы», лето 1944 г.) — ничего, кроме потери двух новейших транспортно-разведывательных самолётов Ю-290 (ёмкость 100 десантников, дальность полёта 6000 км!) с экипажами, нескольких десятков агентов, нескольких тонн грузов и утечки подробных сведений о деятельности Абвера и его филиалов, противник не получил. Да ещё в наши руки попали два новейших авиадвигателя. А о том, что немцы готовят восстание, стало известно раньше, в октябре 1943 г., поэтому в конце того же года калмыков депортировали — от греха подальше.

Радиоигры «Дуэт», «Патриоты», «Тайник» и др. помогли ликвидировать диверсионно-разведывательную деятельность Абвера (немецкой военной разведки) в центрах военной промышленности Поволжья, Урала и Сибири. Об одной из них — чуть подробнее.

1 октября 1942 г. в глухом лесу Пензенской области десантировалась группа вражеских агентов с целью проникнуть в Новосибирск и собирать сведения о заводе № 153 (крупнейший авиазавод, выпускавший истребители марки «Як») — об объёме продукции, моральном состоянии работников завода и жителей города. Десантников уже ждали наши контрразведчики и вскоре вынудили захваченного радиста группы, бывшего советского офицера-топографа, работать на нас. Так началась полная приключений радиоигра «Физгармония», которая продолжалась до последнего дня войны. Приключения же заключались в том, что двойной агент (ему была сохранена свобода), возомнивший себя важной персоной, стал злоупотреблять спиртным, увлекаться женщинами и болтать много лишнего. Радиоигру решили было прекратить, но тут в прифронтовой зоне сотрудникам «Смерш» добровольно сдался немецкий агент, который должен был связаться с агентом в Новосибирске, передать тому деньги, новые шифры для радиостанции и наручные часы — подарок от немецкого командования за «безупречную» работу. Он и стал продолжать радиоигру, а первого агента пришлось посадить — можно считать, за «расхлябанность».

Немцы же получили полную порцию «дезы», благо что пере-
проверить её они не могли.

Военная контрразведка «Смерш» — Смерть шпионам (на-
звание было предложено И.В. Сталиным) — была создана 80
лет назад, 19 апреля 1943 г. По сути, она состояла из двух
организаций. Один «Смерш» — «сухопутный», во главе с за-
местителем наркома обороны, незаурядным организатором и
аналитиком, комиссаром госбезопасности 2-го ранга В.С.
Абакумовым, назывался Главным управлением контрразвед-
ки (ГУКР) и подчинялся лично наркому обороны И.В. Ста-
лину. Второй — военно-морской, во главе с генерал-майором
П.А. Гладковым, назывался просто Управлением (УКР) и
подчинялся наркому ВМФ Н.Г. Кузнецову. Чуть позднее был
создан третий «Смерш» — отдел контрразведки (ОКР) НКВД
во главе с комиссаром госбезопасности С.П. Юхимовичем,
подчинявшимся наркому Л.П. Берии (сферой деятельности
этого отдела были милиция, пограничные и внутренние вой-
ска). Координировало действия трёх подразделений ГУКР.

До организации «Смерш» фронтовой контрразведкой за-
нималось Управление особых отделов НКВД. Сражения 1942
года, особенно под Сталинградом, выявили неповоротливость
этой системы: особисты действовали сами по себе, инфор-
мировали только своё руководство и отчитывались перед ним,
а, например, командующий армией получал важные для него
засекреченные данные контрразведки после того, как они
дойдут до руководства НКВД, затем поступят в Генштаб, а
оттуда через командование фронта спустятся к нему.

Создан был «Смерш» исключительно своевременно. Пос-
ле Сталинградского котла и Абвер, и СД, и разведки немец-
ких союзников резко усилили шпионскую и диверсионно-
подрывную деятельность против СССР, однако терпели про-
вал за провалом. И как бы ни относиться к «Смерш», обще-
признанным является факт: разведки Германии, Японии,
Финляндии и Румынии потерпели полное поражение, а
«Смерш» была признана лучшей контрразведкой Второй ми-
ровой войны, признана и врагами, и союзниками.

Коротко и точно оценил работу «Смерш» в 1945 г. попав-
ший в плен бывший руководитель Абвер-III генерал-лейте-
нант Ф. фон Бентивеньи: «Почти ни один заброшенный в
тыл Красной Армии агент не избежал контроля со стороны
советских органов, и в основной массе немецкая агентура
была русскими арестована, а если возвращалась обратно, то
зачастую снабжённая дезинформационными материалами».

Сергей МИХЕЕНКОВ

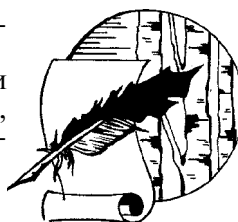
«Я БЫЛ ПЕХОТОЙ В ПОЛЕ ЧИСТОМ...»

Многие поэты приобрели на Великой Отечественной войне тот бесценный и страшный опыт ненависти и любви, который предстояло ещё переплавить в душе, пережить, осмыслить. Семён Гудзенко записывал свои шедевры, казалось, ещё дрожащей рукой, сразу после боя — так составляют командиры пехотных взводов записку о безвозвратных и санитарных потерях для ротного писаря. Его стихи пахнут пороховой гарью, солдатским потом, кровью и ужасом. Ужасом только что закончившейся атаки. Либо — ожиданием ещё не начавшейся.

Семён Гудзенко начал мощно и глубоко писать ещё на фронте. И первые публикации в периодике свидетельствовали о том, что в советскую литературу пришёл большой поэт.

Родился в Киеве 5 марта 1922 года. Отец Пётр Константинович — инженер. Мать Ольга Исаевна (Исааковна) — учительница. При рождении он получил имя Сарио, то ли итальянское, то ли испанское.

Уже на фронте, в 1943 году, когда стали публиковать его стихи, Гудзенко решил, что для мужчины, а тем более поэта, нуж-

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

но имя мужское и под стать эпохе. Поменять имя ему подсказал Илья Эренбург, когда прочитал его стихи, сразу увидев в нём поэта.

В 1929 году он поступил в киевскую школу № 45. Одновременно посещал литературную студию в городском Дворце пионеров. Литературу в те годы ставили высоко, она, и в первую очередь русская классика от Пушкина до Горького, воспитывала души нового поколения советских людей. Какими она их воспитала, покажет война.

В марте 1937 года Сарик Гудзенко написал стихотворение, посвящённое столетию со дня трагической смерти А.С. Пушкина. Стихотворение было признано лучшим. Его опубликовали в журнале «Молодая гвардия». Автор получил свой первый гонорар — путёвку в детский лагерь «Артек». Добрый, общительный, в «Артеке» он нашёл много друзей. Был капитаном волейбольной команды лагеря.

В 1939 году окончил школу, получил аттестат о среднем образовании и поехал в Москву поступать в Московский институт философии, литературы и истории. Институт открылся недавно, но о нём по стране уже ходила добрая слава. В МИФЛИ учились Константин Симонов, Александр Твардовский, Евгений Долматовский, Сергей Наровчатов. Одновременно с Литературным институтом им. М. Горького вуз стал кузницей литературных кадров. Какой простор сразу открылся для молодых поэтов, прозаиков, драматургов!

Учился с тем же прилежанием, что и в киевской школе. Много читал. У него была хорошая память, и многие стихи любимых поэтов он знал наизусть, так что в студенческих беседах и дискуссиях мог прочитать не только стихи, но и куски поэм Киплинга, а также Иннокентия Анненского, Вийона, Саши Чёрного. С ревнивой жадностью следил за творчеством восходящих поэтов — Бориса Пастернака, Константина Симонова, Александра Твардовского. Пытался подражать то Маяковскому, то Багрицкому, но вскоре стал обретать свой голос.

Двадцать второго июня 1941 года резко повернуло судьбы миллионов.

В самом начале июля Гудзенко и несколько его однокурсников по МИФЛИ пошли в военкомат. Они узнали, что формируется Отдельная мотострелковая бригада особого назначения (ОМСБОН). Сводки Совинформбюро извещали уже о том, что бои идут под Киевом. Судя по направлениям основных ударов врага, немцы, не ослабляя натиска на южном направлении, рвались к Ленинграду и Москве.

В бригаду набирали спортсменов, специалистов радиодела, парашютистов. Из самотёка — крепких парней, владею-

ших немецким языком, водителей, ворошиловских стрелков, охотников. Ни в одну из этих категорий Гудзенко не попал. У него было слабое зрение, носил очки. Очкарик в отряде особого назначения не боец, а обуза.

И всё же, уступая настойчивости студента-филолога, его зачислили на курсы разведчиков и подрывников. Физически он ничем не уступал другим кандидатам в Отдельную бригаду — натренированный, выносливый. К тому же хорошо стрелял, быстро освоил ручной пулемёт Дегтярёва. Сохранилась тетрадь Гудзенко, которую он завёл летом 41-го. В ней вперемешку с недописанными стихами и черновиками будущих стихов конспекты лекций и практических занятий по подрывному делу, различные схемы и формулы.

Курсы были ускоренные. Через два-три месяца из выпускников формировали очередной отряд — от шестидесяти до ста двадцати человек (рота!) — и забрасывали в немецкий тыл. Бои уже шли на Смоленщине, под Ярцевом и Рославлем. Группу, в которую был зачислен Гудзенко, неожиданно оставили в Москве — начали готовить к уличным боям в большом городе. В конце сентября 1941 года немецкая Группа армий «Центр» приступила к операции «Тайфун». Это было второе после вынужденной паузы под Вязьмой и Брянском наступление на Москву, которое по планам немецких штабов должно было решить исход всей кампании на востоке. Это обстоятельство мгновенно изменило задачу Отдельной бригады.

Шестого ноября во дворе Литинститута курсанты спецшколы принимали присягу. А утром следующего дня они уже стояли на Красной площади, выстроенные для торжественного парада. В том строю стоял и автор будущего стихотворения «Перед атакой». Он напишет его уже скоро. Но надо было ещё пробежать на лыжах многокилометровые марши, помёрзнуть в окопе, увидеть гибель товарищей, пройти — и не раз! — на волосок от смерти, получить осколок мины в живот... И только потом, в 1942 году, этот шедевр военной лирики его поколения родится как бы сам собой.

В те дни всё происходило не просто быстро — стремительно. Стремительно продвигались к Москве немецкие танки. Стремительно бросали под их гусеницы сводные полки подольских и кремлёвских курсантов. Стремительно формировались стрелковые и танковые бригады и тут же вступали в бой, потому что для формирования дивизий времени уже не оставалось. Уже 8 ноября отряд особого назначения сосредоточился на западной окраине Москвы. Группами разной численности — в зависимости от поставленной задачи — их забрасывали в леса Калужской, Смоленской, Тульской, Брян-

ской областей, к тому часу частично или полностью оккупированных немецкими войсками.

Отдельная мотострелковая бригада особого назначения принадлежала Особой группе войск НКВД СССР. ОМСБОН напрямую подчинялся 2-му отделу НКВД, который в начале 1942 года был преобразован в 4-е диверсионное управление, руководил им старший майор госбезопасности П.А. Судоплатов. Зимой 1941—1942 годов на основе рот из состава ОМСБОН формировали мобильные лыжные отряды особого назначения «для тактических, разведывательных и диверсионных операций в ближнем тылу противника».

Лыжный отряд старшего лейтенанта Кирилла Захаровича Лазнюка совершил несколько рейдов в немецкий тыл. Гудзенко входил в этот отряд в качестве пулемётчика.

Странички из дневника:

«Ноябрь 1941.

Это было первое крещение. Первые убитые, первые раненые, первые брошенные каски, кони без седоков, патроны в канавах у шоссе. Бойцы, вышедшие из окружения, пикирующие гады, автоматная стрельба.

Погиб Игношин. На шоссе у Ямуги. Погиб конник, осколки разбили рот. Выпал синий язык.

10 декабря 1941.

Пришло письмо от Нины. Пишет Юре, а мне только привет. И сейчас такая же, чтоб я не зазнавался, а сама плакала, когда я уходил. Гордая до смешного. Письмо носилось в кармане, адрес стёрся, и тогда захотелось написать.

Была ранена в руку. Опять на фронте. Избалованная истеричка. Красивая девушка. Молодчина.

Декабрь 1941.

Снег, леса и бездорожье. Горят деревни.

Одоево. Зашли с Паперником в дом. Жена арестованного. Ему немцы «повязку» надели, и он работал в управе. Это чтоб с голода не помереть... Сволочь. Городской голова — адвокат, сбежал с немцами.

Был бой под Кишеевкой. Лазарь бил из снайперской. Здорово! Метко. Ворвались в деревню. Потом отошли. Когда подползали — деревня кашляла. Гансам не по лёгким наши морозы. Простужаются, гады.

Подпускают идущих по пояс в снегу на 50-60 м. Зажигают крайние дома. Видно, как днём. И бьют из пулемётов, миномётов и автоматов. Так они бьют везде.

Бой под Хлуднево.

Пошли опять первый и второй взводы. Бой был сильный. Ворвались в село. Сапёр Кругляков противотанковой грана-

той уложил около 12 немцев в одном доме. Крепко дрался сам Лазнюк в деревне. Лазарь говорит, что он крикнул: «Я умер честным человеком». Какой парень. Воля, воля! Егорцев ему кричал: «Не смей!» Утром вернулось 6 человек, это из 33-х.

Испуганная хозяйка. Немцы прошли. Заходим. Обогрелись, поели супец. Немцы здесь всё отобрали. В скатертях прорезали дыры для голов. Маскируются. Найдём!

Идём в Рядлово. Я выбиваюсь из сил. Лыжи доконали. Отдыхаю.

2-го утром в Поляне. Иду в школу. Лежат трупы Красобаева и Смирнова. Не узнать. Пули свистят, мины рвутся. Гады простреливают пять километров пути к школе. Пробежали... Пули рвутся в школе.

Бьёт наш «максим». Стреляю по большаку. Немцы уходят на Маклаки. Пули свистят рядом.

*...Однополчан узнал я в чёрных трупах.
Глаза родные выжгет едкий дым.
И на губах, обветренных и грубых,
Кровь запеклась покровом ледяным.
Мы на краю разбитого селенья
Товарищей погибших погребли.
Последний заступ каменной земли —
И весь отряд рванулся в наступленье...*

2 января 1942.

Ранен в живот. На минуту теряю сознание. Упал. Больше всего боялся раны в живот. Пусть бы в руку, ногу, плечо. Ходить не могу. Бабарыка перевязал. Рана — аж нутро видно. Везут на санях. Потом довели до Козельска. Там валялся в соломе и вшах.

Живу на квартире нач. госпиталя. Врачи типичные. Культурные, в ремнях и смешные, когда говорят уставным языком.

Когда лежишь на больничной койке, с удовольствием читаешь весёлую мудрость О. Генри, Зошенко, «Кондуит и Швамбранию», бравого солдата Швейка.

А в какой же стадии хочется читать Пастернака? Нет таковой.

Где же люди, искренне молившиеся на него, у которых кровь была пастерначья? Уехали в тыл. Война сделала их ещё слабее.

Мы не любили Лебедева-Кумача, его ходульные «О великой стране». Мы были и остались правыми.

Мы стояли на перекрёстке дорог. Со всех сторон хлестали ветра. Москва была очень далеко.

Железнодорожные рельсы засыпаны снегом. Поезда не ходят с лета. Люди отвыкли уже от гула. Тишина здесь, кажется, усилена этими рельсами.

*Был мороз. Не измеришь по Цельсию.
Плюнь — замёрзнет. Такой мороз.
Было поле с безмолвными рельсами,
позабывшими стук колёс.*

*Были стрелки совсем незрячие —
ни зелёных, ни красных огней.
Были щипы ледяные. Горячие
были схватки за пять этих дней.*

*Пусть кому-нибудь кажется мелочью,
но товарищ мой до сих пор
помнит только узоры беличьи
и в берёзе забытый топор.*

*Вот и мне: не деревни сгоревшие,
не поход по чужим следам,
а запомнились онемевшие
рельсы.
Кажется, навсегда...*

4 марта 1942.

Вчера вышел из дома. Пахнет весной. Не заметил её начала.
Завтра мне 20 лет. А что?

*Прожили двадцать лет.
Но за годы войны
мы видели кровь
и видели смерть —
просто,
как видят сны.
Я всё это в памяти сберегу:
и первую смерть на войне,
и первую ночь,
когда на снегу
мы спали спина к спине...»*

Как быстро Гудзенко переплавлял в стихи пережитое, увиденное, прочувствованное! Фронтовики говорили, что война жизнь уплотняет. За одно мгновение человек порой проживает с десятков лет. Однажды в большом селе Озерна на гра-

нице Калужской и Брянской областей я увидел фотографию капитана, командира разведроты. Фотография была прикреплена к памятнику, который установили на свежей могиле внуки и внучатые племянники погибшего офицера. Поисковики отыскиали его останки где-то в поле, в запаханной траншее, нашли медальон, документы, разыскали родных. Фотография была качественная, сделанная, по всей видимости, фронтовым корреспондентом. Все чёрточки лица переданы до мельчайших деталей и морщин. Морщины, и ещё впалые щёки придавали лицу вид суровости и скрытой печали. Это было лицо сорокалетнего мужчины. Красивое, светлое, одухотворённое. Русые волосы, светлые славянские глаза. Скульптурная посадка головы. От него так и веяло: «Мы были высоки, русоволосы...» (Николай Майоров.) Когда же я прочитал дату рождения и гибели, был изумлён: капитану в 43-м году, на момент гибели, было всего двадцать шесть лет! Снимок был сделан наверняка в том же 43-м, быть может, в период подготовки к битве на Орловско-Курской дуге. Потому что капитан в гимнастёрке нового покроя и с погонами, введёнными совсем недавно.

У поэта душа распахнута миру. И миру, и войне тоже. Вечная, незаживающая рана, через которую «нутро видно». И тут уж никакой Бабарыка не перевяжет и козельский госпиталь не спасёт...

Странички из дневника:

«3 апреля 1942.

Были в МГУ. Здесь уже нет ничего студенческого. Большинство этих людей не хотят работать, не хотят воевать, не хотят учиться. Они хотят выжить. Это единственное, что их волнует. Они не знают войны.

Правда, есть много честных девушек.

Они учатся, работают в госпиталях, грустят о ребятах, ушедших на фронт. Но их здесь не очень много.

До войны мне нравились люди из «Хулио Хуренито», «Кола Брюньона», «Гаргантюа и Пантагрюэля», «Похождений Швейка» — это здоровые, весёлые, честные люди. Тогда мне нравились люди из книг, а за девять месяцев я увидел живых собратьев — этих классических, честных, здоровых весельчаков. Они, конечно, созвучны эпохе.

Студент-искусствовед. Два дня метель. В воскресенье необходимо было чистить аэродром. Искусствовед заявил: «Работать не буду, у меня воспаление почечной лоханки».

С этого аэродрома поднимались ястребки, защищавшие его тёплую комнату с репродукциями Левитана.

Это уже подлец.

Война — это пробный камень всех свойств и качеств человека. Война — это камень преткновения, о который спотыкаются слабые. Война — это камень, на котором можно править привычки и волю людей. Много переродившихся людей, становящихся героями».

После ранения осколком (кто-то из друзей заметил: «пушкинское ранение...»), довольно длительного лечения, а затем приговора врачей: не годен для дальнейшего прохождения воинской службы — с июня 1942-го служил в редакции газеты ОМСБОНа «Победа за нами!» Был необычайно счастлив, что всё-таки оставлен в строю.

А ведь мог бы восстановиться в институте и продолжить учёбу. Из двух судеб — студент или солдат — поэт выбрал солдата.

Странички из дневника:

«28 апреля 1942.

Были в ИФЛИ и в ГИТИСе. Серьёзные книжники-ифлийцы дрыгают ногами на сцене и поют неаполитанские песенки. Лиц нельзя разобрать. Вся эта масса копошилась в зале, но прямо в глаза не смотрят, лица прячут. Войны не понимают.

Это, конечно, не о всех, но таких много.

12 мая 1942.

Они все боялись фронта. И поэтому просыпались и ложились со страстными спорами:

— Ты отсиживаешься. Я бы...

— Брось, сам трус.

— Мы здесь нужней.

Кулачки, кусочки.

Девушка учила Овидия и латинские глаголы. Потом села за руль трёхтонки. Возила всё. Молодчина».

Потом, когда солдаты добудут Победу и восстановят мир, и, кому повезёт выжить, придут и приковыляют на костылях домой, вчерашние студенты, наскоро залечив свою почечную недостаточность, встретят солдат с их фронтовыми блокнотами, заполненными стихами и прозой, в редакциях журналов, издательств и научных учреждений. Они, вчерашние книжники и фокстротчики, будут решать судьбы рукописей, написанных кровью. И лица свои прятать они уже не будут. Потому что в стране уже будет царить новая генеральная линия: довольно писать о войне, советскому читателю нужны произведения, зовущие народ к мирному, созидательному труду. Вот почему из редакционного самотёка довольно легко эти книжники и фокстротчики футболили рукописи Константина Воробьёва, Виктора Курочкина, не подпуская к журнальным страницам Юрия Белаша.

Странички из дневника:

«5 мая 1942.

Вышел из метро. После этого провал. После этого я был сбит авто на площади Дзержинского, и снесли меня в приёмный покой метро.

Пришёл в себя. Забыл всё: откуда, зачем, какой месяц, война ли, где брат живёт. Болит голова, тошнит.

20 мая.

Вчера был у нас Илья Эренбург. Он, как всякий поэт, очень далёк от глубоких социальных корней. Выводы делает из встреч и писем. Обобщает, не заглянув в корень. Он типичный и яркий антифашист. Умён и очень интересно рассказывал. «Мы победим, — сказал он. — И после войны вернёмся к своей прежней жизни. Я съезжу в Париж, в Испанию. Буду писать стихи и романы». Он очень далёк от России, хотя любит и умрёт за неё, как антифашист».

Илья Эренбург потом напишет: «Это был один из первых весенних дней. Утром в дверь моей комнаты постучали. Я увидел высокого грустноглазого юношу в гимнастёрке. Ко мне приходило много фронтовиков — просили написать о погибших товарищах, о подвигах роты, принесли отобранные у пленных тетрадки, спрашивали, почему затишье, и кто начнёт наступать — мы или немцы. Я сказал юноше: «Садитесь!» Он сел и тотчас встал: «Я вам читаю стихи».

Я приготовился к очередному испытанию — кто тогда не сочинял стихов о танках, о фашистских зверствах, о Гастелло или о партизанах. Молодой человек читал очень громко, как будто он не в маленьком номере гостиницы, а на переднем крае, где режут орудия. Я повторял: «Ещё... ещё...»

Потом мне говорили: «Вы открыли поэта». Нет, в это утро Семён Гудзенко мне открыл многое из того, что я смутно чувствовал. А ему было всего 20 лет; он не знал, куда деть длинные руки, и сконфуженно улыбался. Одно из первых стихотворений, которое он мне прочитал, теперь хорошо известно... <...> Гудзенко не нужно было ничего доказывать, никого убеждать. На войну он пошёл солдатом-добровольцем; сражался во вражеском тылу, был ранен. Сухиничи—Думиничи—Людиново были для него не строкой в блокноте сотрудника московской или армейской газеты, а буднями. При первом знакомстве он мне сказал: «Я читал, что вы ездили к Рокоссовскому и были в Маклаках. Вот там меня ранили. Конечно, до вашего приезда...»

Об одном бое под Думиничами надо рассказать особо. Этот бой, гибель товарищей поэт не забывал всю войну и после.

В середине января 1942 года четыре отряда ОМСБОНа общей численностью 315 человек был переброшен в район Сухиничей. Здесь держала фронт 328-я стрелковая дивизия 10-й армии Западного фронта. Армия наступала из-под Михайлова. Дивизии были обескровлены. Полки 328-й имели до полуроты активных штыков каждый. Немцы вначале легко бросали позиции и обжитые опорные пункты, но потом остановились и начали жёстко контратаковать. Иногда во время этих внезапных контратак им удавалось отрезать, окружить слишком вырвавшиеся вперёд советские подразделения и целые полки. В какой-то момент наступление 10-й армии да и всего Западного фронта стало выдыхаться. Началось противостояние на достигнутых рубежах.

Две наших армии, 10-я и 16-я, по приказу комфронта Г.К. Жукова должны были захватить городок Сухиничи. Тот, кто владел Сухиничами, контролировал важнейшие коммуникации на брянско-жиздринском направлении. Это был калужский Ржев!

Сводный батальон ОМСБОНа был гораздо сильнее и боеспособней истощённой, израсходованной за месяц непрерывных боёв и изнурительных маршей 328-й стрелковой дивизии.

Для дальнейших действий батальон разделился на четыре отряда. Пулемётчик Гудзенко до своего ранения входил в боевую группу старшего лейтенанта К.З. Лазнюка. Лазнюк — кадровый пограничник, имел боевой опыт. В этот раз на боевое задание омсбоновцы старшего лейтенанта Лазнюка ушли без пулемётчика Гудзенко. Гудзенко лежал в тыловом госпитале 16-й армии в Козельске. Осколок немецкой мины, который распорол ему живот под Маклаками, в итоге воспрепятствовал участию в рейде и, по большому счёту, подарил ему жизнь. Но именно это потом и мучило поэта.

Первоначально задачей всех четырёх отрядов было перейти линию фронта на участке села Маклаки Думиничского района, а затем развернуть разведывательно-диверсионную работу в ближнем тылу немецких войск в Жиздринском и Людиновском районах. После чего планировалось выйти в брянские леса в партизанскую зону, чтобы не рисковать попасть под огонь на двойной линии фронта.

Но планы вскоре пришлось менять. Во время авианалёта на станцию Брынь погиб почти весь штаб сводного батальона. После чего одна из боевых групп перешла линию фронта в районе Думиничей. Остальные поступили во временное подчинение штабу 10-й армии.

Отряды старшего лейтенанта Лазнюка — 81 человек — и капитана Горбачёва были переданы 328-й стрелковой дивизии «для использования при нанесении ударов по противнику, прорывающемуся на помощь окружённой в Сухиничах группировке немецких войск.

«В ночь с 21 на 22 января, — свидетельствуют местные хроники, — оба отряда ОМСБОН, приданные 328-й дивизии, совместно с одним из её стрелковых батальонов (вернее, того, что от него к тому времени осталось — всего около 30 человек!) приняли участие в неудачном для них бою за деревню Кишевку Думиничского района. Отряд Лазнюка понёс ощутимые потери: пять человек убитыми и пропавшими без вести, не считая раненых и обмороженных, в результате чего в строю осталось 36 бойцов отряда. Понёс потери и отряд Горбачёва — в его составе осталось не более 50 активных бойцов».

Буквально на следующий день только что вышедшему из боя отряду Лазнюка командир 328-й стрелковой дивизии ставит задачу: сосредоточиться в деревне Гульцево и скрытным марш-броском, пользуясь разрывом в линии фронта, достигнуть деревни Хлуднево, внезапным ударом с юга совместно с подразделениями 328-й стрелковой дивизии выбить из этого опорного пункта противника. По данным разведки, немецкий гарнизон здесь был немногочисленным — до взвода пехоты и миномёты. Через Хлуднево лежал большак на Сухиничи, и эта дорога имела важнейшее значение — по ней запитывался грузами полуокружённый сухиничский гарнизон немцев.

Перед маршем Лазнюк принял решение: так как гарнизон в Хлудневе небольшой, сформировать ударную группу из 27 человек, остальным занять оборону в Гульцеве и ждать их возвращения. Лазнюк оставил тех, кто был простужен и сильно кашлял, кто был ранен и не ушёл в санчасть.

Командир повёл ударную группу к Хлудневу. На промежуточном рубеже у деревни Которь сделали короткий привал. Лазнюк выслал вперёд разведку. Разведчики вскоре вернулись и доложили: в Хлудневе до батальона пехоты, миномёты и четыре танка. Но атаку отменять было нельзя: роты 328-й стрелковой дивизии, согласно разработанной операции, уже должны были занимать исходные позиции для наступления на опорный пункт с фронта. Согласовать с ними отмену атаки не было никакой возможности.

В полночь на 23 января бесшумно подошли к Хлудневу. Бесшумно сняли часовых. Бесшумно рассредоточились по заранее намеченным позициям. По сигналу одновременно в разных концах села забросали гранатами дома, в которых

ночевали немцы. Большие и внезапные потери вначале ошеломили противника. Пулемётным огнём омсбоновцы отсекали танкистов, бросившихся к своим боевым машинам. Танки вскоре запылали — их забросали гранатами и бутылками с горючей смесью.

Всё началось удачно. Но вскоре в село начала входить моторизованная колонна, которая на момент начала боя уже была на марше. Немцы блокировали село и начали сжимать кольцо. Окружённые омсбоновцы какое-то время надеялись на помощь 328-й стрелковой дивизии. Но её подразделения так и не вышли на рубеж атаки...

В неравном бою омсбоновцы уничтожили до ста солдат и офицеров противника. Последним, кто продолжал вести огонь, был боевой товарищ Семёна Гудзенко Лазарь Паперник. Когда немцы подошли вплотную, он вытащил чеку из последней гранаты и разжал скобу...

В живых из группы Лазнюка остались только пятеро. Сам Лазнюк, тяжело раненный в ходе боя. Его вытащили оврагом двое товарищей. Ещё двое, принятые немцами за убитых, ночью уползли из Хлуднева той же спасительной ложкой.

За проявленное мужество и героизм двадцать два погибших бойца ОМСБОНа посмертно награждены орденами Ленина. Вынесшие из боя раненого командира А.П. Кругляков и Е.А. Ануфриев — орденами Красного Знамени. Командир отряда Кирилл Захарович Лазнюк — орденом Ленина. Замполитрука Лазарю Папернику присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно).

Сохранилось письмо Лазаря Паперника родным: «Привет с фронта. Здравствуйте, мои дорогие! Как я соскучился по вас. Наступила передышка, решил написать несколько строк о себе. Жив, здоров, всем доволен. Вчера дали фрицам так, что памятно им будет надолго. Тем, кто уцелел. А многие так и остались бесславно на снежном поле. На этот раз я бил из снайперской винтовки. Командир похвалил, говорит, хорошо получилось, больше сотни фашистов нашли себе могилу только от нашего взвода. Будем истреблять их беспощадно. Слушайте сообщения Совинформбюро, читайте газеты о наших делах. Мы научились бить врагов! Каждый воин НКВД — это мастер своего дела... В нашей бригаде были журналисты и писатели, писали о нашем подвиге. Читайте газеты... До свидания, крепко целую всех вас. Лазарь».

Весть о гибели товарищей Семён Гудзенко узнал в Козельске.

В конце января 1942 года войска 16-й армии генерала К.К. Рокоссовского вошли в Сухиничи.

Наступил 1943 год. Обстановка на фронтах стала заметно меняться в нашу пользу.

Семён Гудзенко работал военным корреспондентом газеты Степного фронта «Суворовский натиск». Публиковал в газете не только статьи и корреспонденции, но и стихи.

Газета «Суворовский натиск» начала выходить в конце мая 1943 года. Вскоре войска Степного фронта под командованием И.С. Конева в ходе Курской битвы от обороны перешли в наступление, освободили Белгород и Харьков, устремились к Днепру. Степной фронт был преобразован во 2-й Украинский.

Начался заграничный поход Красной армии.

Странички из дневника:

«Венгрия. 28 декабря 1944.

Ракоци — район фашистский. Старый мадьяр с шестого этажа бросил гранату, убил 10 офицеров.

Наш конвоир один ведёт 1000 румын. Он пьян. Один румын берёт его автомат, двое ведут его за руки. (Ну чем ни Швейк с конвоирами?)

19 февраля 1945.

Привыкаешь ко всему: в Будапеште уже не волнует, о чём только в книгах читал в России. Вся экзотика узких переулков, неожиданных встреч с итальянскими и шведскими подданными, монастыри, кино и церкви надоели солдатам, которые как-то этим интересовались. Нам хочется домой. Пусть даже там нет такого комфорта. И на это уже плюют. Хотя раньше с завистью смотрели на белизну ванн комнат, на блеск полов, на массивность или лёгкость мебели. Хочется всем домой, пусть в нетопленную комнату, пусть без всяких ванн комнат, но в Москву, Киев, Ленинград. Это тоска по родине.

21 февраля 1945.

В Кишпеште смотрел американский ковбойский фильм. Стрельба. Убийство. Страшная скука. А зал в бешеном восторге. Я не досидел. Видно, мы воспитаны на более умном и мудром искусстве.

Мадьяр — молодой, здоровый, в шляпе, с дешёвым перстнем. Говорит на ломаном русском. Как-то шутя я спросил: «Есть ли в Будапеште ресторан?» Он ответил: «Нет. А в Москве есть». — «Откуда знаешь?» — «Я из Москвы только четвёртый день». Я совсем ослобенел.

Дальше рассказал он, что был взят под Старым Осколом в 1943-м, сидел в лагере в 40 км от Москвы, был в Горьком и Шапове. Жалуется, что в Венгрии плохо, что в лагере он получал 750 граммов хлеба, а тут четвёртый день ничего не ест. Приехал он в армию, хочет драться с немцами. Вот уже и история.

В Европе солдат привыкает к чистоте, к хорошему белью, к духам. Это, конечно, о тех днях, когда идут бои в больших городах. Но на пути каждого солдата был или будет один город, где он ещё познает прелести и гнусности Европы. Для меня таким городом стал Будапешт. С неизвестностью, монахами, всепоглощающей торговлей, проститутками, быстрой восстановлению и пр. и т.п.».

«29 марта 1945.

Собачонки всех мастей, но все карликовые. Шофёры давят их безбожно. «Та разве то собака, то ж мышка», — сплюнув, говорит водитель.

Во всех квартирах канарейки. Основная работа престарелых дам: подыскивание самцам самок у соседей. Этим, птичьей любовью, они копируют свою, ушедшую и не такую красивую.

Мой хозяин — бывший кельнер. У него медали за прошлую войну. Мне он говорит, что бил в 1914 году итальянцев, а немцам, наверное, хвастал, что бил русских.

В Буда немцы. Артбатарея. Из окон видны солдаты на том берегу. Лёд. Полыньи. Красные парашюты. Немцы сбрасывают своим жратву и гранаты. Внизу открытые настезь магазины. Бери что хочешь. Подхожу к артиллеристу. Смотрю, что он взял: один кусок мыла, флакон одеколона, сигареты. Взял, что нужно, а больше не берёт».

*Никогда я не забуду,
сколько буду на войне,
взбудораженную Буду,
потонувшую в огне.*

*И обломки переправы,
и февральский ледоход,
и Дуная берег правый,
развороченный, как дзот.*

*И багровое на сером —
пламя в дымных этажах.
И того, кто самым первым
был в немецких блиндажах.*

И снова из фронтовой записной книжки поэта и военного корреспондента Семёна Гудзенко:

«Брно. 26—28 апреля 1945.

Лежат убитые немцы. Никто их хоронить не хочет, они прикрыты забором.

Трупы наших солдат. Один по пояс виднеется из окопа. Рядом связка гранат. На груди знак «Гвардия». В кармане фото и документы. Мозговой, 1924 г.р., кандидат ВКП/б/ с 1944, награждён двумя медалями «За отвагу» и орденом Красной Звезды. Был почти всюду. На войне с 1942-го.

Немцев было много. Они бежали. Лангер остался. Он пораждён, что его не трогают. На второй день уже недоволен тем, что солдат взял у него пустой чемодан. Жалуются.

2 мая 1945.

Есть извещение, что умер Гитлер. Это никого не устраивает. Каждый хотел бы его повесить.

Ночь на 9 мая 1945.

С трудом добираемся до Елгавы. Здесь утром были немцы. По пути встречаем много немцев — колоннами и группами. Нет конвоя. Они кланяются, на них не обращают внимания.

Говорят, что Прагу защищают власовцы. Говорят, наоборот, что они восстали против немцев. Одно известно, что есть очаги сопротивления.

Очень не хочется погибнуть в День Победы.

А навстречу везут раненых.

Киев 29 мая 1945.

Когда мы узнали о конце войны, каждый больше всего боялся умереть. Жизнь после войны солдаты берегут ещё сильнее. Сейчас очень многие хотят демобилизоваться — находят какие-то старые болезни, ездят на рентген, стонут и кричат. А ещё две недели назад они были бодрыми и подтянутыми офицерами. Всё это не страшно. Пусть хитрят — они победили.

Опять снилась Москва».

И вот они, не погибшие, не сгинувшие на войне поэты, писатели, драматурги и сценаристы стали возвращаться домой.

Послевоенная жизнь Семёна Гудзенко была наполнена творчеством. Он признан. Почти каждый год выходят его книги.

Личная жизнь тоже устроилась. Женился на дочери генерала А.С. Жадова Ларисе. По образованию Лариса Алексеевна была искусствоведом. В 1951 году у них родилась дочь Катя. Жили они в элитном доме, так называемом Доме Моссельпрома.

Историк литературы Илья Фаликов в одном из своих исследований пишет: «Рассказывают, в Доме Моссельпрома, населённом важными людьми, в основном военачальниками, после войны обитал поэт Семён Гудзенко, который был женат на чьей-то высокородовитой дочке из этого дома, и

когда поэт за полночь приходил в подпитии, его туда не пускал милиционер, постоянно стерегущий драгоценный подъезд. Образ поэта в чистом виде. Его положение в мире, под звёздным ночным небом».

Тот же Фаликов: «Любопытный факт. Признание догнало фронтовиков через десятилетия после их поэтического начала. Симонов и Твардовский — звёзды войны во время войны. На тот небосклон, как исключение, сразу после войны был допущен из молодых только Семён Гудзенко, пожалуй. Его сверстники созревали долго и своё лучшее создали годы и годы спустя».

После войны Семён Гудзенко какое-то время работал в военных газетах. Ездил по стране. Много выступал с чтением стихов в дальних гарнизонах. В те годы большинство офицеров были фронтовики, и поэта военного поколения везде встречали с особой теплотой. Выступал и в Москве.

Литературовед Виктор Афанасьев вспоминал, как они, московские мальчишки, увлечённые литературой и рассказами о подвигах героев Великой Отечественной войны, стремились попасть на выступления поэтов-фронтовиков в 1945 году: «Пришли с фронта поэты: Семён Гудзенко, Марк Максимов, Виктор Урин, Александр Межиров, Вероника Тушнова, Николай Старшинов, Юлия Друнина и другие. Все в военной форме, молодые. В Москве начались незабываемые вечера поэзии, на которые народ просто ломился. И вот мы собираемся стайкой в Колонном зале Дома союзов или в Политехническом. Денег у нас нет. Сидим у входа и ждём, когда появятся поэты. Мы знаем, что всех добрее — Семён. И вот он идёт. Мы к нему: «Семён, проведи нас! Попроси контролёршу». — «А что, вы не стихотворцы ли? Вот ты, стихи пишешь?» — спрашивает он меня. — «Да». — «Садись, сочини четверостишие». В страшном волнении сажусь, сочиняю. Он прочитал и говорит: «Всё ясно, поэт... Пошли!» Он ведёт всех нас и с улыбкой басом говорит контролёрше: «Пропустите! Поэты!»

В сентябре 1951 года стала донимать старая контузия. Вернулись головные боли. Врачи поставили диагноз: опухоль головного мозга. Две операции не принесли ни избавления от болей, ни, тем более, исцеления.

Семён Гудзенко умер зимой 1953 года на 31-м году жизни в институте нейрохирургии им. Н.Н. Бурденко. Последние стихи продиктовал лёжа в постели уже не силах держать карандаш.

Молодая вдова Лариса Алексеевна вторым браком вышла за Константина Симонова. Симонов удочерил дочь Семёна Гудзенко Катю и всю жизнь бережно заботился о ней. Екатерина Семёновна Симонова-Гудзенко стала известным учёным, специалистом по истории и культуре Японии.

Семён ГУДЗЕНКО

ПЕРЕД АТАКОЙ

Когда на смерть идут — поют,
а перед этим можно плакать.
Ведь самый страшный час в бою —
час ожидания атаки.

Снег минами изрыт вокруг
и почернел от пыли минной.
Разрыв — и умирает друг.
И значит — смерть проходит мимо.

Сейчас настанет мой черёд,
за мной одним идёт охота.
Будь проклят сорок первый год —
ты, вмёрзшая в снега пехота.

Мне кажется, что я магнит,
что я притягиваю мины.
Разрыв — и лейтенант хрипит.
И смерть опять проходит мимо.

Но мы уже не в силах ждать.
И нас ведёт через траншеи
окоченевшая вражда,
штыком дырявящая шеи.

Бой был короткий.
А потом
глушили водку ледяную,
и выковыривал ножом
из-под ногтей я кровь чужую.

1942

* * *

Я был пехотой в поле чистом,
в грязи окопной и в огне.
Я стал армейским журналистом
в последний год на той войне.

Но если снова воевать...
Таков уже закон:
пускай меня пошлют опять
в стрелковый батальон.

Быть под началом у старшин
хотя бы треть пути,
потом могу я с тех вершин
в поэзию сойти.

1943—1944

МОЁ ПОКОЛЕНИЕ

Нас не нужно жалеть, ведь и мы никого б не жалели.
Мы пред нашим комбатом, как пред господом богом, чисты.
На живых порыжели от крови и глины шинели,
на могилах у мертвых расцвели голубые цветы.

Расцвели и опали... Проходит четвертая осень.
Наши матери плачут, и ровесницы молча грустят.
Мы не знали любви, не изведали счастья ремесел,
нам досталась на долю нелегкая участь солдат.

У погодков моих ни стихов, ни любви, ни покоя —
только сила и зависть. А когда мы вернемся с войны,
все долюбим сполна и напишем, ровесник, такое,
что отцами-солдатами будут гордиться сыны.

Ну а кто не вернется? Кому долюбить не придется?
Ну а кто в сорок первом первую пулей сражен?
Зарыдает ровесница, мать на пороге забьется, —
у погодков моих ни стихов, ни покоя, ни жен.

Кто вернется — долюбит? Нет! Сердца на это не хватает,
и не надо погибшим, чтоб живые любили за них.

Нет мужчины в семье — нет детей, нет хозяина в хате.
Разве горю такому помогут рыданья живых?

Нас не нужно жалеть, ведь и мы никого б не жалели.
Кто в атаку ходил, кто делился последним куском,
Тот поймет эту правду, — она к нам в окопы и щели
приходила поспорить ворчливым, охрипшим баском.

Пусть живые запомнят, и пусть поколения знают
эту взятую с боем суровую правду солдат.
И твои костыли, и смертельная рана сквозная,
и могилы над Волгой, где тысячи юных лежат, —

это наша судьба, это с ней мы ругались и пели,
подымались в атаку и рвали над Бугом мосты.
...Нас не нужно жалеть, ведь и мы никого б не жалели,
Мы пред нашей Россией и в трудное время чисты.

А когда мы вернемся, — а мы возвратимся с победой,
все, как черти, упрямы, как люди, живучи и злы, —
пусть нам пива наварят и мяса нажарят к обеду,
чтоб на ножках дубовых повсюду ломились столы.

Мы поклонимся в ноги родным исстрадавшимся людям,
матерей расцелуем и подруг, что дождались, любя.
Вот когда мы вернемся и победу штыками добудем —
всё долюбим, ровесник, и работу найдем для себя.

1945

* * *

Мы не от старости умрем, —
от старых ран умрем.
Так разливай по кружкам ром,
трофейный рыжий ром!

В нем горечь, хмель и аромат
заморской стороны.
Его принес сюда солдат,
вернувшийся с войны.

Он видел столько городов!
Старинных городов!

Он рассказать о них готов.
И даже спеть готов.

Так почему же он молчит?..
Четвертый час молчит.
То пальцем по столу стучит,
то сапогом стучит.

А у него желанье есть.
Оно понятно вам?
Он хочет знать, что было здесь,
когда мы были там...

1946

* * *

Я в гарнизонном клубе за Карпатами
читал об отступлении, читал
о том, как над убитыми солдатами
не ангел смерти, а комбат рыдал.

И слушали меня, как только слушают
друг друга люди взвода одного.
И я почувствовал, как между душами
сверкнула искра слова моего.

У каждого поэта есть провинция.
Она ему ошибки и грехи,
все мелкие обиды и провинности
прощает за хорошие стихи.

И у меня есть тоже неизменная,
на карту не внесённая, одна,
суровая моя и откровенная,
далёкая провинция — Война...

1947

БИБЛИОГРАФИЯ

Стихи и баллады. — М.: Молодая гвардия, 1945.
Дальний гарнизон. — М.: Гослитиздат, 1953.
Стихи и поэты. — М.: Воениздат, 1956.

Избранное. Стихи и поэма. — М.: Советский писатель, 1957.

Стихотворения. — М.: Художественная литература, 1961.
Армейские записные книжки. — М.: Советский писатель, 1962.

Завещание мужества. — М.: Молодая гвардия, 1971.

Стихи слагались на ходу... — М.: Молодая гвардия, 1990.

НАГРАДЫ

Орден Отечественной войны 2-й степени.

Орден Красной Звезды.

Медаль «За оборону Москвы».

Медаль «Партизану Великой Отечественной войны».

Медаль «За взятие Вены».

Медаль «За взятие Будапешта».

Медаль «За освобождение Праги».

Медаль «За трудовую доблесть».

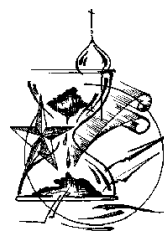
Евгений ЕВТУШЕНКО

О НЕСОВМЕСТИМОСТИ СУПЕРЭТНОСОВ

Сначала об этнической структуре. Этническая принадлежность, отмечал Лев Гумилёв, может быть относительной. Например, карел, прибыв из своей деревни в Петербург, назовёт себя русским. Казанский татарин в Петербурге назовёт себя татарин. Но, приехав в Западную Европу или Китай, он уже объявит себя русским, хотя может прибавить, что он, собственно говоря, татарин.

Этническая структура представляет собой следующую иерархию: субэтнос, этнос, суперэтнос. Субэтнос — это подразделение этноса. Например, в России в XVI—XVII вв. формируются следующие субэтноты: на юге — казаки, на севере — поморы, в Сибири — сибиряки (челдоны). После церковного раскола появляется особая субэтническая группа — старообрядцы. Все они отличаются друг от друга и по стереотипу поведения, и по языку, и по условиям быта. Но все они русские.

Следующий после этноса уровень — суперэтнический. Суперэтнос — это группа близких этносов. Крупнейшая после всего человечества единица, которая возникает в одном регионе и проявляет себя как «мозаичная це-

РУССКИЙ ВОПРОС

лостность». На сегодняшний день мы можем выделить несколько крупных суперэтносов: европейский, китайский, индийский, российский. На наших глазах складываются латиноамериканский и мусульманский суперэтносы. Хотя, строго говоря, Гумилёв давал более дробное деление: японцев он относил к особому суперэтносу, в Индии насчитывал три суперэтноса и т.д.

Суперэтносы, так же как и этносы, не вечны. Срок жизни суперэтноса (этноса) приблизительно 1200—1500 лет. Исключением является небольшой еврейский суперэтнос — ашкеназы, сефарды, фалаши и др. Например, европейский суперэтнос — самый старый из крупных, ему больше 1200 лет. Российский — среднего возраста, он моложе европейского на 450—500 лет. Мусульманский, индийский и китайский — молодые (пассионарные). Поэтому на подъеме.

Следует пояснить, что современные китайцы — это четвертые по счёту китайцы за известный исторический период. Они примерно так же относятся к древним китайцам, как итальянцы к римлянам, или древние египтяне к современным египтянам, с той разницей, что оригинальная китайская культура передавалась от одних китайцев к другим почти без потерь.

Из истории известно, что жестокие войны часто ведутся между близкими родственниками, то есть внутри суперэтноса. Однако они имеют коренное отличие от войн между отдельными суперэтнoсами. В этом случае противник рассматривается как нечто инородное и подлежащее уничтожению. «Чем дальше отстоят суперэтнические системы друг от друга, тем хладнокровнее ведётся взаимоистребление. И наоборот, борьба внутри суперэтноса имеет целью не уничтожение и порабощение противника, а победу над ним», — писал Гумилёв.

Европейцы могли воевать между собой сколько угодно. Например, за какое-нибудь «королевское наследство». Но против всего остального мира, то есть против других суперэтносов, будь то византийцы, арабы или русские, они всегда выступали единым фронтом. (В XX в. — уже с поправкой на глобалистский фактор «Фининтерна») Это — к вопросу о перспективах СВО на Украине...

Например, во время Второй мировой войны Гитлер не ставил своей целью истребление европейских народов. В России же немцы вели себя совершенно по-другому. Здесь война шла на уничтожение. И дело здесь не только в нацистской идеологии — те же крестоносцы в XIII веке вели себя в Константинополе и на Руси так же. Римский папа тогда провозгласил: «Православные хуже еретиков. Бейте их!» А кто в

средневековой Европе был хуже еретиков, которых сжигали на кострах? Только — нелюди.

Почему немцы во время Второй мировой войны проявляли такую жестокость к сербам? И почему войска НАТО безжалостно разбомбили сербские города в 1999 г.? Да потому, что сербы в Европе — чужие. В европейский суперэтнос они не входили и не входят, хотя и живут на территории Европы. А, например, хорваты входят, правда, на правах провинциалов. Так же как поляки, чехи, словаки и др. восточные европейцы. Поэтому недавнее вступление этих стран в НАТО закономерно — они вернулись к *своим*, хотя и с заднего двора. (Для тех, кто не в теме: «обшеславянское единство» закончилось в XI—XII вв.; славянский этногенез протекал с I по XIII (XV) вв.)

То же самое касается и прибалтов: эстонцев латышей, литовцев, которые, формально входя в состав Российской империи и СССР, в Российский суперэтнос вовсе не входили, а всегда тяготели к Европе. А вот белорусы — входили и входят до сих пор, так же, как и украинцы, кроме «химерных» и западных, составляющих отдельный этнос галичан.

Как же формировался Российский суперэтнос? Он начал складываться с XVI века. Его ядром стали русские или, по старому, великороссы. Первыми входят в состав Российского суперэтноса финно-угорские народы — карелы, мордва, удмурты и др. (часть финских племен участвует еще в предыдущем, славянском этногенезе).

С присоединением в середине XVI в. Поволжья в состав Московского государства входят тюркские этносы — осколки Золотой орды. Сегодня это татары, башкиры, чувашаи. Первоначально они относились к Степному суперэтносу, но затем постепенно вливались в Российский.

С XVII века в Российский суперэтнос входят сибирские народы: ханты, манси, буряты, эвенки, якуты и др., в том числе множество малочисленных этнических групп. И со всеми ними русские относительно мирно уживаются. За исключением енисейских кыргызов, чукчей и западносибирских татар, с которыми пришлось повоевать. Но эти военные конфликты не идут ни в какое сравнение с поголовным истреблением североамериканских индейцев «цивилизованными» европейцами.

Сегодня все эти этносы, прожившие бок о бок с русскими несколько столетий, считаются коренными народами России.

С вхождением в состав Российской империи в XVII—XVIII вв. малороссов и белорусов Российский суперэтнос складывается окончательно.

В итоге к началу XIX в. на данной суперэтнической основе формируется Российская евразийская цивилизация, которую сегодня называют Русским миром. (Для тех, кто не в теме: суть евразийства заключается не в «саморастворении в Азии», а в простом тезисе: «Россия — это не Европа и не Азия, а самостоятельная цивилизация — Евразия, со своим имперским путем развития» (Л. Гумилёв). Поэтому Россия может существовать или как военная империя, или никак).

В XIX веке в состав России входят Кавказ и Средняя Азия. Но вот вопрос, вошли ли народы этих окраин в Российский суперэтнос? Гумилёв отвечает: нет. Грузины и армяне представляли собой осколки православного византийского суперэтноса. Испытывая серьезную угрозу со стороны Турции и Персии в XVIII в., они вошли в состав России добровольно (чем и продлили себе жизнь под охраной русских гарнизонов).

Узбеки, туркмены, таджики и крымские татары входили в мусульманский суперэтнос. Там присоединение происходило военным путем. Как и в Азербайджане. Эти войны были скоротечными, серьёзного сопротивления русские войска не встретили. Отношение к русским в этих регионах вначале было не очень дружественным, особенно со стороны национальных элит, но со временем напряжённость несколько спала.

Казахи, подвергавшиеся жестоким нападениям джунгар и давлению со стороны Средней Азии, вошли в состав России преимущественно на добровольной основе. Вначале — Младший и Средний жуз (в XVIII в), затем Старший (на востоке и юге). Они, как и калмыки с киргизами, входили в Степной суперэтнос (с оговорками).

Народы Северного Кавказа близки к мусульманскому суперэтносу, хотя и сохраняют свою особость (Кавказ — суперэтнический перекресток). Большинство северокавказских народов были присоединены к России в XIX в. путем длительной, кровопролитной войны, которая продолжалась почти 50 лет (!). В отношениях с русскими там долго сохранялась определенная напряжённость (хотя и не повсеместно).

В целом опыт СССР показал — с большинством этих народов вполне можно уживаться и быть добрыми соседями. Но именно соседями! То есть когда каждый этнос живёт преимущественно на своей территории (в своей экологической нише) и не вмешивается в дела других этносов (суперэтносов). Как говорил Лев Гумилёв, «в мире, но порознь».

Этническая история учит, что когда этот закон «в мире, но порознь» нарушался, дело всегда заканчивалось межнациональными конфликтами, часто кровавыми. Первый опыт таких конфликтов мы наблюдали в период распада СССР

(что явилось результатом серьезных ошибок в советской национальной политике.

И здесь надо подчеркнуть, что та миграционная политика «открытых дверей», которая проводится в РФ последние годы, направлена как раз против этого железного закона. Отрицательные результаты такой политики мы уже наблюдаем — это резко подскочивший улично-бытовой национализм, особенно в столицах.

Мы знаем, что «гибридные» бомбы бывают разные, в том числе социальные. Но самая опасная из них — этническая! Хотя бы потому, что из одного социального слоя в другой перейти можно, а из этноса в этнос нельзя — это фундаментальнее.

Возникает вопрос: кому это выгодно? Особенно в условиях СВО.

Очевидно, что за последние годы положение приблизилось к критическому. Зная теорию этногенеза, можно прогнозировать: если миграция в Россию не будет ограничена, то хрупкий межнациональный мир может взорваться в самое ближайшее время. Надо только поднести спичку. Как говорил Гумилёв: «Межнациональные конфликты происходят так же естественно, как переливание воды в сообщающихся сосудах или возникновение при вольтовой дуге искры...» И происходит это не потому, что кто-то хороший, а кто-то плохой, но потому, что нарушаются природные законы этногенеза.

Гумилёв писал: «Мир, Земля, Ойкумена — это коммунальная квартира. И очень большая, разнообразно населённая. С одними соседями вам лучше не встречаться, с другими вы всё равно будете ругаться, с третьими вы станете играть в шахматы и пить чай. То есть со всеми соседями отношения у вас всегда будут разные. И в каждом отдельном случае вам нужно будет искать общий язык».

Говоря о совместимости этносов, ученый выделял два типа положительных этнических контактов и один отрицательный: 1) симбиоз — добрососедские, взаимопользные отношения (у русских — с татарами, башкирами, удмуртами, бурятами, мордвой и многими др. коренными народами); 2) ксения (гостья) — нейтральное сосуществование этносов в одном регионе без слияний (с немцами Поволжья). 3) химера — соединение несоединимого (с зап. украинцами, прибалтами и немногими др.).

В долгосрочной перспективе главную опасность, по Гумилёву, несут в себе «неорганичные» контакты между представителями разных суперэтносов (см. у Гумилёва об этнической химере и антисистемах). И чем дальше отстоят суперэтносы

друг от друга, тем сложнее отношения. Например, русским с китайцами лучше не смешиваться, слишком разные цивилизационные коды и этнические поля (термин Гумилёва). Единичные связи допустимы, но при массовом смешении получается «сумбур вместо музыки». В первую очередь — проблемы с идентичностью на психологическом уровне. Гумилёв описывает такой отрицательный контакт кочевого этноса хуннов с китайцами, который закончился для их «химерных» потомков весьма драматично — китайцы всех убили.

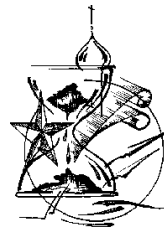
У читателя может возникнуть вопрос: так что же, если смешиваться с другими этносами нежелательно, то следует заключать браки только со своими? Отвечаем — нет, не всегда. Как раз одним из преимуществ пассионарного суперэтноса является умеренная внутренняя метисация, при положительной комплиментарности (совместимости) сторон. Замечено, что у метисов в первом-втором поколении пассионарность (энергичность), а часто и способности — выше среднего. Это и есть наш секретный «этнический реактор», который в течение веков дает положительный пассионарный эффект. Но!.. Но при условии, что он работает в основном в рамках «своего» суперэтноса. В противном случае велик риск появления этнических химер и формирования на их основе антисистем. Что мы и наблюдаем на примере Украины (многовековой контакт этноса малороссов с европейским и другими некомплементарными суперэтносами).

В то же время надо заметить, что этногенез — процесс сложный и многообразный, идущий непрерывно. Тут единых формул нет, есть общая закономерность, которую открыл нам Гумилёв. Очевидно, что в вопросе этнических контактов есть свои исключения и промежуточные варианты, которые со временем видоизменяются — кто-то притирается, кто-то ассимилируется, кто-то отторгается (как это происходит сегодня с «испуганными патриотами»). Например, по Гумилёву (умер в 1992 г.), у русских с чеченцами — комплиментарность отрицательная. Так оно и было со времен Кавказской войны (XIX в.), но сейчас мы видим, что намечилось некоторое сближение на суперэтническом уровне. Тут отдельное спасибо глобалистам — помогли объединиться здоровым силам России перед врагами рода человеческого, среди которых, заметим, попадают и этнические малороссы и русские, ставшие нацистами. Так что в вопросах этногенеза следует соблюдать осторожность.

ТЕЗИСЫ РУССКОЙ ЛИКВИДАЦИИ

1. Коллективным Западом много веков управляет глубинное государство. Оно основано кланами дальновидных, хитрых и коварных мудрецов, ставших на путь уже неприкрытого сатанизма. Эти кланы хорошо известны. Долгосрочные стратегии упомянутых мудрецов-душегубов последовательно выполняются, пусть даже с некоторыми непредвиденными отклонениями (социум – слишком сложная штука, тут никогда не идёт строго по плану). Конечной целью является установление единого мирового правительства через специально организованные кризисы (включая революции и войны), в подготовке и осуществлении которых они изрядно поднаторели.

2. Так, кризис на Украине создан и развивается в точности по стратегии мудрецов-душегубов, в частности, по знаменитой формуле Бжезинского: «...против России, на руинах России и за счёт России». Их главная забота – ослабление России и ликвидация русских во всех ипостасях (этнической, культурной и политической). Попутно решается ряд других задач: сплочение против России и милитаризация Запада, отработка тактики и военных технологий, экономическое уничтожение Германии, обогащение и индустриальное возрождение США и др. Украинским «жидобанде-

РУССКИЙ ВОПРОС

ровцам» (термин И. Коломойского) уготована роль ликвидатора русских по типу той, что была отведена троцкистам в 1918—1922 гг. Роль удалась: русских сравнили с русскими. Как следствие, на украинском плацдарме третьей мировой войны русские с двух сторон героически самоликвидируются, как это было в гражданскую войну вековой давности. Заметим, что при идеологически грамотной политике братоубийственной войны можно было бы избежать, мудро и мирно интегрируя украинцев в российское культурное и политическое пространство.

3. Ликвидировать русских можно не только физически. Ещё можно средствами этноцида (уничтожение национальной идентичности) на всём постсоветском пространстве через культуру, гуманитарную науку, образование и СМИ. Можно создать условия для постепенной депопуляции русского народа в самой РФ через введение его в апатично-депрессивное состояние, через эмиграционную политику, через сдерживание экономического развития России и вывод колоссальных финансовых ресурсов в юрисдикцию врага, через рабоподобное подчинение международным институтам (МВФ, ВТО и др.), через выдавливание русских из ведущей роли в культурной и информационной среде, через несправедливое отношение к русским органов правосудия в конфликтах с меньшинствами и через многое другое. Русский победный дух угасает через отсутствие победоносной идеологии и неясные (или противоречивые) идеологемы, через показательное конституциональное игнорирование русского народа (мол, «вас здесь не стояло»), через необъяснимые (и никем от власти не объясняемые) странности ведения СВО, главная из которых в том, почему «мы-то по большому счёту всерьёз пока ещё ничего и не начинали» (В. Путин).

4. Российским политологам не стоит себя успокаивать надеждами на то, что Коллективный Запад вконец погибает, что доллар, а стало быть, США на глазах теряют былое могущество, что из-за внутренних противоречий ЕС и НАТО вот-вот распадутся, что до комичности низок уровень западных политиков, что на Западе набирает обороты экономический и политический кризис и т.д. В 1929 г. в США уже был масштабный кризис, из которого западные мудрецы мастерски вышли через мировую войну. И не просто вышли, а к концу XX века даже обеспечили империи англосаксов мировое господство, включающее диктатуру доллара. Эти потомственные мудрецы-душегубы и сейчас могут придумать, как выпутаться из проблем и победить. Под их контролем успешно работает мощнейшая иерархическая сеть интеллектуальных центров стратегического планирования и управления.

5. Патриотическая общественность России поддерживает власть, когда последняя действует в интересах державы, в частности, при проведении СВО. По вопросу критики российской власти в условиях войны такая вот диалектика получается. Тезис: критиковать власть нельзя, ибо это будет на руку врагу. Антитезис: критиковать власть можно и нужно, если она делает серьёзные просчёты или, тем более, допускает вредительство. Синтез: критиковать власть нежелательно, но можно только в исключительных случаях ошибочных действий, опасных для государства (или, наоборот, непозволительного бездействия). Причём критика должна содержать, согласно В. Путину, конкретные предложения по решению проблемы.

6. Российская власть не извлекла уроки из своей истории. Она всякий раз попадает в капканы, умело расставленные для неё Коллективным Западом. Кремль обманули с продвижением НАТО на восток, с соглашением 2014 г. в Киеве, затем с минскими соглашениями, стамбульскими переговорами, зерновой сделкой и т.п. Причина явления «Ах, обмануть меня не трудно» в том, что в Кремле по-прежнему велико влияние номенклатуры ельцинского разлива, имеющей специфическое либеральное слабостатусное мышление. Эта номенклатура безнаказанно саботирует патриотически направленные указы и призывы президента. По этой же причине процветает внутренняя русофобия (один только Ельцин-центр с его влиятельными опекунами чего стоит!). Все внешние провалы и все внутренние неурядицы (в идеологии, экономике, культуре, образовании и в проведении СВО) — закономерные следствия существующей системы власти и её кадровой политики. Ситуация может быть исправлена новой кадровой политикой.

7. Русская ликвидация вмонтирована в самую конструкцию федеративного устройства с проблемными национальными границами. Национальные руководящие кадры субъектов федерации, подталкиваемые Коллективным Западом, легко скатываются в местечковый национализм с дискриминацией и вытеснением этнически русских как конкурентов. С национальным сознанием нацменьшинств российская власть не работает. Решение национальных проблем России видится в проверенной веками цивилизационно-имперской форме государственности.

8. Ликвидация русских по всей логике должна привести к ликвидации России. Но не обязательно. Мудрецы-душегубы могут и сохранить Россию, но уже в ином национальном составе и в совершенно иной геополитической роли. Это может быть роль не колонии империи англосаксов (как в 90-е), ибо эта колония с приходом В. Путина взбунтовалась, а может быть ролью полноценной и процветающей имперской провин-

ции (или даже новой метрополии). Тем более что российский олигархат одноприроден американскому. Но на пути и к этой возможной затее стоят всё те же русские, поэтому они в любом случае подлежат тотальной ликвидации. Заметим: остальные народы России угрозы для империи англосаксов не представляют от слова «совсем». Наоборот, их местечковые национализмы могут быть весьма полезны в деле ликвидации русских.

9. Интеллект российской элиты (правлящего класса) заточен на самосохранение и бизнес-интересы. В какие бы органы (комиссии, советы, комитеты и т.п.) российская элита ни собиралась, мудрое стратегирование у них никак не получается («А вы, друзья, как ни садитесь, всё в музыканты не годитесь»). Поэтому «переумнить» заморских мудрецов-душегубов смогут только люди с принципиально иным масштабом мышления — отечественные мудрецы-праведники. Для этого при президенте РФ необходимо сформировать новый «участок мозга» — Идеологический Генштаб как внесистемный совет, состоящий из мудрецов-праведников, признанных таковыми православно-патриотическим экспертным сообществом.

10. Какое из событий наступит раньше: ликвидация русских или появление принципиально нового «мозгового центра» (типа Идеологический Генштаб), способного «переумнить» всех внешних и внутренних врагов-русофобов? Вот нынче главный вопрос.

11. Хорошая новость: наметилась благоприятная тенденция в формулировании победоносных идеологем, закреплённых в новой концепции внешней политики (утверждённой В. Путиным 31.03.23). В России победил цивилизационный суверенитет. Россия официально отказывается от встраивания в Запад. Наконец-то в программном документе прописали «русский народ» как субъект исторических процессов, а идеологема «Русский мир» высветила логику СВО. Хочется верить, что эта патриотическая тенденция продолжится новой концепцией внутренней политики и полной ликвидацией феномена внутренней русофобии.

12. Третья мировая война развязана против русских, их государства и веры. Только русские могут защитить Россию и земную ипостась Православной Церкви от запланированного мудрецами-душегубами вселенского погрома. Поэтому вновь пришло время поднять знамя Христово, чтобы призвать Бога на помощь в удержании мирового зла. «Я бы сошел с ума от несправедливости этого мира, если бы не знал, что последнее слово останется за господом Богом» (прп. Паисий Святогорец). Последнее Слово в русском вопросе пока не сказано. Следовательно, вера в Русское чудо и нашу победу остаётся с нами.

Эмма МЕНЬШИКОВА

«СУДЬБЫ ТРАГИЧНЕЙ И ПАРАДОКСАЛЬНЕЙ НЕ НАЙТИ»

Так сказал о себе русский писатель Леонид Завадовский незадолго до своей гибели в 1938 году. Полтора месяца не дожидаясь до золотого юбилея — 9 апреля ему должно было исполниться 50...

Судьба и впрямь парадоксальная. Его приговорили к расстрелу «за клевету на советскую власть» и распространение «клеветнических измышлений о положении крестьян в СССР». Обвинение основывалось на свидетельских показаниях троих жителей Усмани, его земляков, и никак не касалось творчества, его суровой честной прозы, где, конечно же, можно было найти более «веские» доказательства враждебности писателя по отношению к коммунистам, против которых Завадовский, по формулировке обвинения, высказывал «террористические намерения».

Однако дело свершилось так быстро, что вряд ли у его вершителей было время и нужда читать его книги, да ещё и формулировать какие-то выводы. Поэтому в обвинительном заключении и появилась запись: «До ареста без определённых занятий».

СУДЬБЫ

Хотя в паспорте Завадовского в четвёртом пункте «Социальное положение» значилось «писатель». А при аресте были изъяты его членский билет №1867 Союза советских писателей СССР, подписанный Максимом Горьким, и удостоверение о том, что Л.Н. Завадовский работает членом правления Воронежского отделения Союза советских писателей СССР.

И защитников у писателя в том жутком феврале не могло найтись уже только потому, что главные его друзья-собратья по перу жили в Москве и даже при желании не успели бы вступить за него.

2 февраля его увели из дома в тихой провинциальной Усмани, где он жил с женой и сыном, а 21-го февраля приговор был приведён в исполнение. Правда, об этом долго никто не знал: следы Завадовского теряются сразу же после ареста. Даже до сих пор неизвестно, в какой тюрьме — воронежской или усманской — он содержался и где нашёл своё последнее земное пристанище.

Воронежские писатели, с которыми вместе состоял он на учёте в региональной организации Союза советских писателей, были, конечно, ближе к Усмани. Но, во-первых, отношения у них с Завадовским не складывались с самого начала его литературной деятельности, и на это имелось много причин. Во-вторых, их самих никто не информировал о «планах» по Завадовскому.

И из областного центра от Максима Подобедова, руководителя тамошних писателей и редактора альманаха «Литературный Воронеж», ещё 18 января 1938 года приходило в Усмань письмо, в котором он предлагал писателю выслать рукопись нового романа, чтобы включить его по частям в сборники альманаха на весь год вперёд.

12 февраля тот же Подобедов пишет ещё одно письмо в Усмань, где сообщает: «Для очередной книжки сборника рукопись нужна мне не позднее 8-10 марта. Очень прошу ответить, сможете ли Вы прислать её к этому сроку...» Но письмо уже не застало адресата на месте, а переправить его туда, где он находился, по тем временам было немислимо. Да и бессмысленно: к намеченному сроку и автор, и его рукопись уже канули в вечность.

По мнению историка-исследователя, доктора филологических наук Кирилла Николаева, автора книги о Завадовском «Гений русского рассказа», вышедшей в Центрально-Чернозёмном книжном издательстве в Воронеже в 2013 году, речь в письмах Подобедова шла о романе «Гнездо», рукопись которого частично всё же сохранилась в Усманском краеведческом музее, где оформлен целый зал, посвящённый пи-

сателю, и бережно сберегается его архив. Более того, это отпечатанный на машинке текст, правда, без первых страниц и некоторых фрагментов центральной части произведения, — с датой завершения рабочего варианта 26 января 1929 года. Судя по правкам, в том числе и написанным от руки, Завадовский могажды возвращался к этому роману (или повести?). И дату уже, конечно, не корректировал.

Другого такого, почти законченного произведения, которое в 1938 году можно было бы публиковать, или даже заметок о существовании такового ни в архивах, ни где-либо ещё найдено не было. Поэтому предположение Кирилла Николаева о том, что именно над этим романом работал Завадовский в последние дни своей жизни, вызывает большое доверие.

Кирилл Николаев самолично читал рукопись, видел пачку пронумерованных страниц, обёрнутых в чистый лист с крупной карандашной надписью «Гнездо».

И вообще вся книга «Гений русского рассказа», из которой для написания этого материала я почерпнула немало нового для себя, хотя о Завадовском пишу и думаю давно, — настолько профессиональна и ответственна, что представленная в ней информация не вызывает сомнений, ибо подкреплена архивными источниками и документами, откуда взяты те или иные сведения.

В частности, он доказывает, что версия о захоронении останков Завадовского под Дубовкой Воронежской области, «запущенная» краеведами в 1992 году после раскопок и ставшая общепризнанной, на деле весьма спорная.

Это целая история, как по зубной щётке с плохо сохранившейся выцарапанной на ней надписью удалось разобрать, а вернее догадаться о фамилии погребённого в яме №19, которую с помощью Воронежского УКГБ обнаружили в одном из расстрельных списков, где была и фамилия Завадовского. С тех пор это место считается его могилой, туда приезжают почтить его память, возложить цветы.

Однако в этой версии много нестыковок: останков в яме меньше, чем в обнаруженном списке, а вещей и предметов куда больше, чем предположительно могло иметься у такого числа заключённых. Тем более открытым остаётся вопрос, в какой вообще тюрьме содержался Завадовский. Ведь постановление воронежской «тройки» не означает, что его переправили именно туда. А где предали земле — и вовсе тайна за семью печатями.

Могу навлечь на себя гнев сторонников ставшей уже официальной версии о Дубовке как месте памяти Завадовского.

Поэтому подчеркну, что излагаю сомнения в её убедительности, высказанные автором книги «Гений русского рассказа», которые мне, однако, тоже кажутся разумными. Во всяком случае, его рассуждения логичны и осмысленны, а в архивах хранится так много тайн и секретов, что когда-нибудь, если ещё кому-то будет интересен Завадовский, данные о его последнем земном пристанище станут известны нашим потомкам.

Далеко не во всём разделяя позицию Кирилла Николаева по поводу исторической оценки того времени и политики советской власти, можно согласиться и с его претензией к защитникам Завадовского, которые после реабилитации писателя в 1958 году напропалую принялись доказывать его политическую лояльность и благонадёжность. Договорились, дописались до того, что Завадовский уже «стоял на пролетарских классовых позициях», возлюбил соцреализм и вот-вот готов был к изображению в своих произведениях активистов колхозного движения.

Понятно, что другого способа в шестидесятые и последующие годы вернуть писателю его литературное имя, не настаивая на праве художника на свободу мнения, практически не было. Это сегодня мы можем признать, что Завадовский честно болел за измождённого русского землепашца, многострадального крестьянина, для которого всё никак не настанут хорошие времена. И честно писал о нём. 20-е, 30-е годы прошлого века действительно выкашивали, вычищали деревню от её фундаментального крестьянского сословия, хотя на какое-то время, причём достаточно длительное, колхозы во многом обеспечивали стране продовольственную безопасность.

Но потом и их «выкосили», так за что, спрашивается, боролись и гибли? И в чём не прав Завадовский, глубоко проникая в сущность происходящих на селе процессов и гениально предвидя обнищание и слабость духа народа, оторвавшегося от своей исконной земли? *«Дух не тот в городе, от этого корешки короткие!»* — высказывает позицию автора герой одного из первых его рассказов, простой деревенский мужик, которого по дороге домой с купленным для домашнего хозяйства рабочим конём и душили, и чуть не зарезали, и бросили в поле умирать, а он выжил (рассказ «Корень»).

«Вот это организм. Вот в ком жизнь глубоко засела!» — восхищается лечивший его доктор. — *«Не меня благодари, отца с матерью. Сшили тебя очень крепко. Корни в тебе глубоко сидят...»*

Так сразу Завадовский заявил о себе как писатель, как мастер слова, сопоставимый по уровню мастерства и жёст-

кости повествования о положении нищенствующего, но не сломленного русского крестьянства разве что с Некрасовым.

Сопоставимый, но никому не подражавший. Самобытный, знавший жизнь не по учебникам и книгам, Завадовский восхотел (да он и не мог иначе) быть честным в своих произведениях. Вряд ли он не понимал, чем это может обернуться в постреволюционное время, в только-только становящейся на новые рельсы стране. Но не случайно он почти что накануне ареста сказал жене: *«Совесть моя чиста...»*

Внутренней крепости добавляла и сильная поддержка известных литераторов того времени, дававшая ему уверенность, что он на правильном пути.

К тому же Завадовский слишком хорошо — не в пример многим пишущим тогда о деревне по разнарядке и идеологически выверенно, исключая, конечно, Шолохова и некоторых других по-настоящему народных писателей, — владел темой. Ибо сам был из крестьян и всю жизнь жил по-крестьянски трудно, поэтому ему не приходилось ничего «сочинять». Как сообщалось в редакционной врезке к одной из первых его публикаций, Завадовский, изображая «родную ему деревенскую жизнь, не мужиковствовал и не фальшивил».

Ну и, как художник, он хоть и писал с натуры, в том числе и с себя, но мыслил образами и владел крепким, резким и точным словом, что придавало его произведениям мощную энергетическую силу.

Кстати, он всегда мучительно размышлял над завершением своих произведений, подолгу не мог придумать концовку — как того же романа «Гнездо» или повести «Соломенная учительница», которую за него дописали другие люди (!). Видимо, трагическому концу противилась вся его сильная крепкая духом натура, а сусальный хэппи энд был противен его совести.

В итоге трагедия настигла его самого, но скорее всего — что, может, и обиднее всего, — не за творческую позицию, не за правдивое честное слово, а за тот политический выбор, который он совершил в ранней молодости и от которого, казалось бы, давно открестился.

На самом деле его судьба была уже роковым — и да, парадоксальным — образом предрешена с тех самых пор, как он в юности вступил на тропу революционной борьбы за справедливое будущее. Попал, что называется, в поток, и река бытия уже несла его к крутому низвергающему порогу, миновать который помогло бы только чудо. Но чудеса, увы, не случилось.

И то, что после реабилитации Завадовского его защитники напирали именно на его политическую сознательность, а вину за репрессию налагали исключительно на клеветников и недоброжелателей, о многом говорит. Ибо власть, как они понимали, действовала в соответствии с существующими на то время обстоятельствами и законами, а в злоупотреблении свободой творчества, в создании вредных или опасных для государства произведений, в игнорировании принципов соцреализма, например, официальное следствие, если можно так выразиться, его не обвиняло.

Да, в последние годы перед арестом — да и не только — среди пишущей братии было достаточно желающих критиковать его, знатока своих тем, глубокого философа и блестящего стилиста, болеющего душой за судьбу российского крестьянства в переломные послереволюционные годы XX века. Но это уже, видимо, следование данной свыше команде, а не первопричина репрессии.

К тому же и человек он был, как сказали бы сейчас, с трудным характером, в любых обстоятельствах сохранял невозмутимый — внешне — вид, не льстил, не гнул, оставался самодостаточным и гордым, что, несомненно, вызывало раздражение и даже злость более зависимых и менее талантливых, менее признанных, но цепких к жизни авторов.

Сложное было время. Кому-то удавалось в него вписаться, принять и стать своим, а у таких, как Бунин, Замятин, Есенин, да и Блок, Цветаева и тот же Завадовский — не получилось. А может, они просто не успели, судьба не дала им шанса. Замятин умер на чужбине в 1937-м. Бунин, отряхнувший прах с ног своих, покидая Россию, страшно тосковал по родине и писал практически только о ней. Кого-то убили «дома», а кого-то — посадили. Не попади они в водоворот времени, в стремнину — выплыли бы на широкий простор эпохи, дожили бы до старости и написали бы достоверно о том, что выпало на их долю...

Как, к примеру, писатель и организатор литературного движения в Черноземье, первый редактор литературного журнала «Подъём» в Воронеже, уже упоминавшийся Максим Подобедов, славший письма Завадовскому с надеждой на получение от него новых произведений. Всего лишь на десяток лет моложе он Завадовского, но путь перед ним лежал уже открытый, прямолинейный. Не пришлось ему метаться меж правыми и левыми, большевиками и меньшевиками, совершать оплошные, а то и роковые шаги, имеющие непоправимые, определяющие будущее последствия.

Тоже из беднейших крестьян, но повзрослевший как раз к революции, Подобедов в числе первых вступил в комсомол, в 1920-м — в Российскую коммунистическую партию (большевиков), бывшую к тому времени единственной законной партией в стране, что собственно, сильно упрощало выбор для тогдашней молодёжи, планирующей активно участвовать в строительстве новой жизни. Не то, что в самом начале века, когда самоопределяться пришлось Завадовскому.

С молодых ногтей Подобедов начал писать. Многажды публиковался, выпустил массу книг, став самым неистовым, как представляет его один из интернет-сайтов, поборником социалистического реализма, орденоносцем и заслуженным литературным деятелем. И дожил, между прочим, почти до ста лет!

Что же произошло в судьбе Завадовского, что шлейфом тянулось за ним многие годы и в конце концов настигло его на самом творческом взлёте, на пике всесоюзной славы, которую принесли его широко издававшиеся книги? Что дало ему основание назвать свою судьбу трагической и парадоксальной? Частично мы уже имеем об этом представление. Но взглянем пристальнее в истоки его жизненных перипетий, в корень, так сказать, зла, последствия которого он, семнадцатилетний тогда юноша, конечно, и не мог себе представить.

Завадовский был четвёртым ребёнком в семье безземельного крестьянина (дед писателя был крепостным лекарем, отпущенным барином на свободу). Родился в 1888 году в селе Преображенское Спасского уезда Тамбовской губернии. Детство же его прошло в Тамбове, где отец получил место конторщика. Окончив в 1898 году приходскую школу, мальчик поступает в Тамбовскую мужскую гимназию. Читает Льва Толстого, Тургенева, Чехова. Мечтает поступить в художественное училище, потому что прекрасно рисует.

Но в 1903 году умирает отец, и в 15 лет паренёк оказывается под влиянием старшего брата Дмитрия и сестры Вари, которые и стали «проводниками» Леонида Завадовского в подпольную социал-демократическую организацию в Тамбове. В 1905-м он был арестован в первый раз, но в связи с царским манифестом от 21 октября того года, даровавшим гражданские свободы, вскоре освобождён. Однако тут же примкнул к левым эсерам. А после второго ареста, отданный уже под особый надзор полиции, вступил ещё и в «боевую дружину» эсеров и получил оружие для участия в подготовке покушений на высших сановников царской России, ступил, по сути, на тропу терроризма.

Вот что пишет сам Завадовский о дальнейшей своей судьбе: *«В 1906 году опять арестован и после двухлетнего следствия осуждён на пять лет и четыре месяца на каторжные работы. Отбывал частью в Тамбове, частью в Бутырском центральном. В 1913 г. вывезен этапом в Восточную Сибирь».*

Отбывал ссылку будущий писатель в Иркутской губернии, в Киренском уезде, куда в своё время сослали Радищева, затем декабристов, а потом и эсеров с социал-демократами. В начале XX века более двух лет в глухом селе Усть-Кут прожил и ссылный Лев Троцкий, будущий нарком по иностранным делам в первом советском правительстве, а затем — по военным и морским делам. Там Троцкий занимался самообразованием, изучал теорию социальных революций, оттачивал перо публициста и литературного критика. Его статьи об уездном просвещении, а также работы о творчестве Герцена, Гоголя, Горького печатались в иркутской газете «Восточное обозрение» (!).

В годы же перед самой Первой мировой войной в Иркутской губернии пребывало более тысячи ссылных. Чтобы прожить, они брались за любую работу. Завадовский, в частности, батрачил на мельнице, был косцом у крестьян, кузнецом, грузчиком в артели, плотником, огородником, охотником, рисовал портреты, красил дуги для лошадей, делал кошёвки.

Интересно, что для малоимущих и временно не имевших заработка ссылных там существовала общественная столовая, ставшая своего рода центром политических и философских дебатов, а при ней пекарня и продуктовый магазин с невысокими ценами.

Ещё в тюрьме у Завадовского — под влиянием разоблачения Азефа как провокатора, который был одним из основателей эсеровской партии и руководителем её боевой дружины, — открылись глаза на деятельность социал-революционеров, и он официально заявил о выходе из партии. Но в ссылке ещё продолжал интересоваться политикой. Однако к концу пребывания в Сибири принял твёрдое решение не участвовать в деятельности любых политических партий. Но от бывших связей не так-то легко уйти...

С приходом к власти Временного правительства политзаключённые были амнистированы. А когда Завадовский осенью 1917-го добрался до родного уезда, его встретили... старые друзья по революционному подполью. С их поддержкой он устроился на работу в Тамбовскую губернскую милицию. И по-прежнему воспринимался там как эсер, которые в уезде поддерживали Временное правительство и выступали с

лозунгами свергнуть «узурпаторов-большевиков». Сама служба в данном учреждении и принадлежность к вышеназванной партии впоследствии стали «отягчающими» обстоятельствами в судьбе Завадовского.

В конце 1917-го он вроде бы окончательно порвал с прошлым и уехал в Тамбов, где начал работать в губернском продкоме. Оттуда на следующий год его направили в Усмань, в организованную там местную заготовительную контору «Центрзакуп».

И тридцатилетний Завадовский обретает наконец семью и кров. Его женой стала усманская учительница русского языка и литературы Варвара Савенко, окончившая в своё время Высшие женские курсы, дававшие право преподавательской работы. Дом в Усмани, вернее половину его, на улице Радищева молодой семье отдал тесть Завадовского, губернский секретарь, гласный городской Думы Сергей Никитович Савенко.

Тогда Завадовский и задумался о приобретении профессии, которой у него, по сути, не было. С учёбой уже припозднился, поэтому он подготовился и сдал экстерном экзамен в воронежском Институте народного образования (бывшем Учительском институте) на звание школьного учителя по изобразительному искусству. И с осени 1919-го стал преподавать ИЗО в городской школе I ступени, проработав учителем рисования четыре года.

Одновременно много писал и сам: пейзажи Черноземья, натюрморты, портреты и... сюжеты из тюремной жизни. В его художественном наследии насчитывается около 200 акварелей и рисунков. Более половины из них хранятся в Усманском краеведческом музее, который щедро представляет их на разного рода выставках и в галереях Липецкой области, образованной в 1954 году, в состав которой вошла тогда и Усмань.

А за перо взяться его уговорил земляк и соратник по подпольной работе на Тамбовщине (ну куда нам не деться от прошлого!) Александр Воронский, знакомство с которым, с одной стороны, открыло ему путь в большую литературу, с другой, привело к драматическим последствиям в его судьбе.

Революционер-большевик с основания РСДРП, писатель, журналист, литературный критик, Воронский был знаком с Лениным и пользовался его поддержкой с 1912 года. В начале 20-х был назначен заведующим редакционно-издательским подотделом Наркомата народного просвещения под руководством Луначарского.

Накануне перехода на новое место службы Воронский посетил родных на Тамбовщине, а по старой памяти завернул в Усмань к Завадовскому. Товарищами по партии они не были, но общая молодость и работа в подполье сближали их. Послушав же рассказы Завадовского о приключениях во время ссылки в Восточной Сибири, Воронский почувствовал перед собой писателя. И убедил его записать свои впечатления, пообещав способствовать их публикации.

И Завадовский загорелся. А поскольку был человеком основательным, воспользовался приглашением Воронского приехать в Москву, где к тому времени литературная жизнь была ключом. Его главной задачей поначалу было освоить писательское ремесло, присоединиться к какой-нибудь группе начинающих литераторов, повариться в их среде, а потом уже и самому попытаться создать что-то стоящее. И ничего лучшего для этого, чем литературная группа «Перевал», созданная Воронским, нельзя было и придумать.

К тому же Воронский открыл и руководил новым журналом «Красная новь», в первом номере которого в мае 1921-го была опубликована статья самого Ленина. Кстати, Воронскому до поры до времени удивительным образом удавалось ладить со всеми тремя политическими вождями страны. И всем троим он многим обязан в своей судьбе, за что и поплатился впоследствии по полной программе...

Ленин побуждал и поддерживал стремление Воронского создавать новую пролетарскую литературу. Троцкий немало сделал тогда для создания и становления литературных журналов, сам неоднократно в них печатался, очень плотно занимался литературой. А Сталин многие годы лично контролировал литературный процесс в стране, принимал Воронского в своём кабинете и отлично разбирался в борьбе литературных течений и направлений, оказывая Воронскому поддержку в сложных ситуациях. Воронский и начал свою работу в журнале с прямолинейных деклараций поставить литературу на рельсы борьбы за достижения Октябрьской революции. Но постепенно пришёл к необходимости продолжать традиции большой русской литературы, показывать не только основные социальные конфликты эпохи, но и внутренние, психологические конфликты героев произведений.

Не буду углубляться в борьбу литературных групп и журналов того времени, тем более я не профессионал в этой области, да и тема сегодня у нас другая. Важно, что Завадовский под кураторством Воронского прошёл в Москве серьёзную и основательную литературную школу. Он часто наезжал в столицу, где останавливался ещё у одного своего земляка по Там-

бовщине — Алексея Силыча Новикова. Бывал на собраниях молодых поэтов в общежитии журнала «Молодая гвардия», откуда часть авторов и активистов позднее перешла в «Красную новь»; ходил на читку произведений в группу «Перевал», куда приглашались уже известные к тому времени литераторы — Борис Пильняк, Сергей Есенин, Всеволод Иванов. Много читал. И, конечно, писал.

В четвёртом номере журнала «Красная новь» за 1925 год появилась его первая публикация — рассказ «Корень». Первая, но не ученическая, а сразу заявившая о появлении в русской литературе крепкого прозаика. Авторами того же номера были Алексей Толстой, Исаак Бабель, Сергей Есенин, Владимир Маяковский — почётное соседство для начинающего писателя Завадовского, который, однако, по многочисленным признаниям, вошёл в литературу стремительно и сразу зрелым мастером.

Вскоре в Москве издаются уже две книги его рассказов — «Вражда» и «В тайге», где отражаются и сибирский период его жизни, и острые деревенские проблемы тогдашнего Черноземья. Работает он, можно сказать, с упоением, словно навёрстывая потраченные без пользы для литературы годы, но тщательно и выверенно, обходясь скупым и выразительным словом.

Надо полагать, одиннадцать лет каторги и ссылки, богатый жизненный опыт, наблюдательность и природное чувство слова предуготовили ему обширный материал для творческого воплощения. Только сиди и пиши. Однако семье, где уже подрастал сын, его литературная работа приносила не слишком весомый и нестабильный доход. Поэтому жизненного опыта продолжало прибывать. Приходилось писателю и извозом заниматься, и собственными руками обеспечивать скудный быт семьи — колоть дрова, топить печи, возводить пристройки, работать в огороде и в саду. Но это не обременяло его, ибо он любил и умел трудиться, ценил своё обретенное в зрелом возрасте и после многих испытаний семейное гнездо.

Особое удовольствие доставляла ему охота. На этой почве он сдружился с такими московскими писателями, как Павел Низовой, Пётр Ширяев, Пётр Парфёнов — автор песни «По долинам и по взгорьям», а также упоминавшийся уже Алексей Силыч — теперь уже Новиков-Прибой, известный к тому времени автор морских рассказов, но ещё не написавший свою главную книгу — «Цусима».

С 1926 года они наезжали в Усмань, ходили с Завадовским на охоту, а вечерами в снятой на всех квартире отдыхали от

столичной суеты. Об этих писательских посиделках в Усмани сохранилось много воспоминаний, ни один материал о Завадовском не обходится без их упоминания. Это были импровизированные литературные вечера, на которых они читали друг другу новые страницы своих произведений, зачастую написанных в ненастные усманские дни, когда охота отменялась. Вели горячие разговоры, обсуждали творческие проблемы, пели...

Но едва находилась возможность, Завадовский садится за письменный стол. Одна за одной выходят в Москве сборники его повестей и рассказов: в 1927-м — «Песнь седого волка», в 1928-м — «Железный круг». Появилась и литературная критика с такими оценками: *«Прекрасная книжка. Полная конкретности, реальности в изображении людей, обстановки и действия»*; *«писатель... выработал сочный язык, с успехом прошёл курс мастерства композиции. Избрал Завадовский и любимого героя — человека, близкого к жизни природы, жестокого и бесстрашного, как волк»*.

Его публикации в журнале «Красная новь» — рядом с рассказами Андрея Платонова, «Кавказскими впечатлениями» Андрея Белого, «Парижским дневником» Ильи Эренбурга и других видных писателей — не оставались незамеченными, их с интересом читали, о них говорили. Печатали его и другие литературные издания, в том числе «Новый мир».

Это было признание. О чём свидетельствует и фотомонтаж «Советские писатели», опубликованный в журналах в 1928 году, где портрет Завадовского во втором ряду размещён буквально за спиной Горького. Да это же настоящая сенсация: в конце 1925-го выступить в печати с первым рассказом, а через два года войти в первый эшелон писателей страны!

Но тут начались упрёки и уколы в его сторону: что он не видит и никак не вводит в свои произведения новых героев, строителей социалистического общества. И в 1929 году Завадовский отправился в Якутию с обязательством написать книгу очерков о современной действительности этого сурового края, неподалёку от которого он провёл несколько лет своей сибирской ссылки. Побывал на золотодобывающих приисках, прошёл и проехал по Алдану несколько сот километров, изучил устройство десятков старательских и иных машин, механизмов, приспособлений, вник в организацию труда рабочих и их бытовые проблемы. А очерки не получились.

Хотя Завадовский старательно набрал 258 страниц машинописного текста под названием «Золотой край». И сдал их в издательство «Недра», с которым сотрудничал до этого. Но книга в печать не пошла.

Судя по всему, это не были художественные очерки о людях, строящих новую жизнь. Это были не его герои, а чужие для него люди, старатели, по отношению к которым он так и остался сторонним наблюдателем. Да и поехал он в Якутию, скорее, чтобы написать востребованную в то время книгу на производственную тему. «Излишний» психологизм, натурализм его произведений уже становился камнем преткновения для их издания. К тому же Завадовский остался без поддержки Воронского и теперь в литературе мог рассчитывать только на себя, на своё ставшее уже признанным имя.

Когда умер Ленин, а Троцкий со своими идеями мировой революции и организацией «левой оппозиции» был изгнан из руководящего состава страны, из ЦК партии, а потом и из её рядов, а затем выслан за её пределы, Воронский ещё продолжал пользоваться расположением и доверием Сталина. Летом 1925-го он даже получил от него поддержку в виде официального постановления ЦК РКП(б) в противостоянии с РАППовцами. Хотя к тому времени уже подписал так называемое «Заявление 46», организованное группой старых членов партии и бывших политкаторжан, выступивших против Сталина по инициативе Троцкого, с которым Воронский был накоротке.

В 1928-м его исключили из партии, арестовали и отправили на три года в ссылку. Есть сведения, что жил он тогда в Липецке, и с Завадовским они поддерживали связь. Но Завадовский уже не мог не писать, он страстно болел литературой и решил на поездку в Якутию в надежде обнаружить там то светлое и хорошее, что никак не удавалось ему сделать в Усмани. А может, и ненадолго скрыться из виду, пока ситуация не прояснится.

В 1930-м обыск произошёл дома и у Завадовского. Наверняка это было связано не только с его политическим прошлым, хотя тогда начиналась усиленная коллективизация и потенциальные её противники, сочувствующие крестьянам, брались на особый учёт. Тем более в Усманском округе в это время происходили массовые крестьянские выступления.

Но и дружба с Воронским, репрессированным в качестве троцкиста, не могла пройти бесследно для Завадовского. Он даже был задержан органами, но через день вышел на свободу. И углубился в работу. А в ответ на критические высказывания по поводу того, что он не замечает *«широких перспектив и неохватных возможностей, которые раскрыла революция»* и не понимает, *«что между стихийным в человеке и социалистическим устройством общества нет никакого противоречия»*, Завадовский замахнулся на роман!

Поскольку очерки по следам поездки в Якутию так и не вышли в свет, а не воплощённого в творчестве материала было предостаточно, он решил использовать его для написания большого произведения о жизни и деятельности золотодобытчиков. Роман под названием «Великая драга» (вспомним «Цемент» Гладкова, «Гидроцентраль» Шагинян...) печатался в 1933 году в воронежском журнале «Подъём». В 1935 году был издан отдельной книгой, но уже под названием «Золото» и в какой-то мере реабилитировал Завадовского.

«Роман этот... свидетельствует о больших и плодотворных идейно-политических сдвигах в творчестве этого крупного художника, некогда находившегося под несомненным влиянием «перевальских» установок». «Завадовский впервые повернулся лицом к глубокой, социально-насыщенной теме». Критика также заговорила о «значительном росте писателя», хвалила за «идейные достоинства большого и актуального произведения».

А вот художественные достоинства романа на деле оказались не так велики. Зато он дал писателю время и силы на передышку, его ввели в состав редколлегии «Подъёма», привлекали к творческим встречам, привечали и приглашали в поездки по региону, публиковали и даже включили в состав воронежской делегации для участия в первом съезде Союза советских писателей.

Он строил планы, начал работать над новыми произведениями. Однако «Сказка», опубликованная в шестом номере «Подъёма», написанная, можно сказать, эзоповым языком, сегодня даёт ясное представление, что писатель в душе не изменился, не стал ни более идейным, ни более преданным, а просто затаил глубоко свою боль в ожидании исхода своей судьбы.

Гром грянул в конце 1936-го, когда его пригласили на пленум правления Воронежского отделения Союза писателей СССР для обсуждения его творчества. Успех романа и принципиальная позиция Завадовского по отношению к бездарным авторам только увеличили число его недоброжелателей.

«Я даже не ожидал, как это будет неприятно — быть травимым целой группой людей только за то, что нарушил их неписанный закон и по наивности попытался во имя чисто литературных интересов поднять голос в редколлегии против их рассказиков, — писал он другу в Москву. На деле всё это, видимо, так и обстояло, но уже не имело большого значения. Судьба Завадовского уже была предрешена. И он чувствовал, понимал это.

Незадолго перед арестом сказал жене: «Жизнь моя, в сущности, вмещается в три строки:

17 лет детства и юности;

12 лет каторги и ссылки;

и 20 лет Усмани, любви — к жизни, друзьям, родной русской литературе.

А впереди? Тревога. Грустно. Грустно и смешно. Парадокс.

Царь меня колотил и теперь колотят. За что? На царя я не в обиде — за дело колотил. А как вынести ложь? Совесть моя чиста перед моим народом и многострадальной Родиной. Меня, старого политкаторжанина, трудно сломить, но судьбы трагичней и парадоксальней не найти...»

Она запомнила эти его слова. Потому что после 2 февраля 1938 года, когда его увели из дома навсегда, ей только и оставалось, что помнить и ждать. Ещё более её память и ожидание обострились после потери сына: Дмитрий Завадовский был призван в армию в октябре 1939 года, когда для студентов (он учился в Московском педагогическом институте имени Ленина) отменили отсрочку от срочной службы. Погиб 25 февраля 1943-го в ходе Ржевско-Сычёвской операции у деревни Ярыгино Смоленской области. Потери по дивизии в тот день были: убитых — один, раненых — семеро. Этот один — рядовой Дмитрий Завадовский. Похоронен в братской могиле г. Сычёвка.

Утешение Варвара Завадовская находила в новых книгах писателя, которые выходили после реабилитации. Она прожила 82 года, сохранив обстановку в доме такой, какой она была при жизни мужа и сына. Берегла снимки, рисунки, записи (сын писал стихи), помогала биографам и издателям сборников Леонида Завадовского восстанавливать информацию о нём, уточнять даты и подробности его биографии.

В 1973-м на доме Завадовского в Усмани появилась памятная доска. Спустя время её обновили, она и сегодня там. В 1987-м в рамках подготовки к столетию писателя воронежцы издали большой том произведений писателя, куда была включена и недописанная «Соломенская учительница». Хотя по мне, автор вполне уже её дописал, просто не успел осознать это. Но нашлись люди, дописавшие повесть по-своему.

Какая это огромная ответственность, я испытала при подготовке двух сборников Леонида Завадовского в усманской серии «Зов малой родины», инициированной в 90-е годы прошлого века тогдашним главным редактором Усманской районной газеты «Новая жизнь» Николаем Страховым, к сожалению, уже завершившим свой земной путь.

Так вот во второй книге — «Повести» — было указано, что в ней впервые публикуется «Соломенская учительница». Это не совсем так. Просто и эта повесть, и вторая — «Зелёные кварталы» — были предоставлены для нашей книги Усманским краеведческим музеем. Эти тексты я и редактировала. И в таком виде они действительно были опубликованы впервые.

Править было даже страшно: вот автор писал, думал над каждым словом, фразой, сидя над печатной машинкой, исправлял что-то и переделывал, а тут через семь десятков лет находится кто-то, считающий себя вправе вносить какие-то исправления в его работу. Я очень переживала, стараясь как можно более корректно относиться к тексту. Оправдывала себя тем, что писатель не должен быть забыт, а он возвращается к живым только с новыми книгами. В этом вижу я смысл и всех посмертных изданий Завадовского, и вечеров, посвящённых его памяти, и этой сегодняшней моей работы в год его 135-летия.

г. Липецк

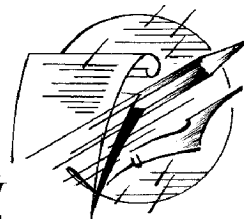
Сергей ОВЧИННИКОВ

СЦЕНАРИЙ ЖРЕЦОВ ГЛУБИННОГО ГОСУДАРСТВА

После победы над коммунизмом нам нужен раскол православия и распад России. И поможет нам в этом Украина, где предательство является нормой общественной морали...

Збигнев Бжезинский

На мой взгляд, конфликт между Россией и Украиной решили перевести в активную фазу в 2022 году по нескольким причинам (окончательное решение было принято в ноябре—декабре 2021 года). Во-первых, к этому времени заметно углубился мировой кризис индустриального общества, западная финансовая система пришла в состояние, предшествующее обрушению. Ее грозили разрушить неразрешимые противоречия раздутых финансовых пузырей и пирамид, хозяевам нефтедолларов нужно было что-то делать. Между тем долларовая система — главное оружие США и Атлантической коалиции. Для ее сохранения Атлантическая коалиция (коллективный Запад) и «хозяева денег» пойдут на что угодно. Война в Евразии веками была главным способом решения проблем США и Великобритании, которые возглавляют Атлантическую коалицию. Входят туда еще Канада, Ав-

СУММА ТЕХНОЛОГИЙ

стралия, Новая Зеландия в качестве второстепенных членов и страны Западной Европы в качестве союзников.

Но почему в горячую фазу давно идущей войны втянулась Россия? «На этот раз они не оставили нам выбора», — сказал в первые дни СВО главнокомандующий нашей армии. России, видимо, сделали предложение, «от которого невозможно отказаться». Что-то пообещали как бонус (возможность захватить часть Украины), но военные действия связали с определенными условиями: для России сохраняют торговлю газом, нефтью, металлами, аммиаком, зерном; Атлантическая коалиция и ее сателлиты до конца 2022 года не будут поставлять Украине тяжелое вооружение и дальнобойные ракеты. Россия, со своей стороны, не станет уничтожать Зеленского и крупные центры принятия решений на Украине; не будет наносить массированные удары по мостам и железным дорогам (про электрические подстанции речи не было); не применит тактическое ядерное оружие. В случае, если Россия откажется от предложенного плана — закупки российских нефти и газа странами Запада будут прекращены, а финансовая система России разрушится. В Кремле решили, что на таких условиях придется начать войну. Кому-то из наших стратегов виделись хорошие шансы на победу по примеру Крымской кампании.

Дальнейшее развитие событий показало ошибочность этого мнения. Глобальные планировщики, западные кураторы, мировые бухгалтеры в очередной раз обманули наших стратегов. А кто-то из российских руководителей, из наиболее посвященных, думается, и не предполагал победы... Эти люди просто выполняют навязанную им повестку мирового правительства, которому они преданно служат. Нынешняя Россия встроена в глобальный мир и новый мировой порядок в качестве сырьевого придатка. Излишки получаемых доходов она обязана сдавать глобальным бухгалтерам из ФРС, эти деньги считались нашим золотовалютным резервом. На самом деле этими деньгами распоряжаются глобальные банкиры, из этих средств нам давали кредиты, отчасти на эти же деньги с нами сейчас воюют. И часть нашего руководства упорно поддерживает это положение вещей.

Во-вторых, жрецам глубинного государства требовалось массовое жертвоприношение. Происходящее на русско-украинском фронте сейчас — подобие убийства 14 тысяч младенцев Иудеи по приказу царя Ирода. Молодые русские и украинские солдаты — что-то вроде избиваемых младенцев, только погубило их уже гораздо больше 14 тысяч. Возможно, кто-то из глобальных планировщиков думает о Битве Конца. Желает выстроить новое государство в Северном При-

черноморье для переселения туда части избранного народа (могут быть перемещены и другие народы, вспомним о вулкане Йеллоустоуне). Быть может, начато изгнание местного населения из южных и восточных территорий Украины? Многие аналитики предупреждают: планируется создание эрзац-государства в Причерноморье и буферной зоны Центральной Украины, которая отделит антисемитские Западную Украину и Польшу от Крыма и Причерноморья. Может быть, это слухи, но к марту 2023 года Украину покинуло около десяти миллионов человек, на фронте погибло более 110 тысяч молодых украинцев. Помимо убитых и увечных, в список потерь славянского мира надо включить огромное число не рожденных в 2020—2023 годах. Сотни тысяч не рожденных младенцев!

Сокращение населения планеты и особенно разделение, ослабление славян, исповедующих Православие, — об этих мечтах не говорили только ленивые спикеры нового мирового порядка. Попытки сокращать население планеты проводятся давно. Высокопоставленные поклонники Осириса, Изиду, Гора (и других подобных сущностей) давно занимаются этим. На «скрижалях Джорджии» написано, в том числе по-русски, что желаемое для «посвященных» число людей на земле — 500 миллионов. В других источниках, постановлениях, рекомендациях глубинного государства есть и другие цифры — один-два миллиарда человек. На Россию и Украину — особые планы, ведь наши страны потерпели поражение в холодной войне и должны подчиняться, ведь после распада СССР Россия послушно выплачивала победителям, прежде всего США, контрибуцию и ежегодные репарации. В 1990-х годах из России на Запад почти задаром ушли ценности на триллионы долларов, затем около 200 миллиардов долларов российских денег, вырученных от продажи нефти, газа, металлов, золота, ежегодно оставались в банках Запада. В таком же положении находились и другие побежденные страны — Германия, Япония, Ирак, Ливия. Всё это обеспечивало высокий уровень жизни в странах Атлантической коалиции. Но и этого узаконенного грабежа западному миру сейчас не хватает. Клаус Шваб, один из спикеров нового мирового порядка, открыто заявил в книге «Великая перезагрузка», что надо менять положение вещей, чтобы эксплуатация зависимых стран вышла на новый уровень. Война на Украине — один из таких шагов.

Некоторые читатели скажут: не надо сгущать краски, где вы видите сокращение населения? Какие жертвоприношения и массовые убийства в XXI веке?! Увы, подобные вещи на Земле — обычное дело, просто об этом не принято говорить. Число жертв Первой мировой — примерно 16 милли-

онов человек. Вторая мировая унесла жизни 70 миллионов человек. Но и без войны мы напоминаем людоедов, хотя говорить об этом не принято. В одних только США с 1960-го по 2008 год, по официальной статистике, убито 50 миллионов человеческих зародышей (в России — около 20 миллионов). От убитых детей (на поздних сроках беременности младенец уже полностью человек) из зародышей получены сотни тонн стволовых клеток, экстрактов плаценты, годных для пересадки человеческих органов.

Существует 14 видов вакцин, которые изготавливают с использованием человеческих зародышей, полученных в результате абортов. Издается медицинский журнал «Зародыш как донор для трансплантации», созданный Питером Маккалоу, иммунологом из Университета Западной Австралии, выходит он в Нью-Йорке. В журнале описываются технологии массового убийства и потрошения младенцев. В Швеции, например, есть такая методика — прокалывают плаценту беременной женщины на сроке от 14 до 16 недель, головку ребенка вытягивают зажимом в шейку матки, сверлят отверстие в мягкой головке плода, высасывают клетки мозга. Ребенок при этом чувствует, что его убивают, он кричит в утробе матери — беззвучно открывает рот, сжимает кулачки от ужаса. Печень и почки зародышей на сроках до 21-й недели широко используют после «простагландинового» аборта. В матку женщины впрыскивают специальное вещество, чтобы ребенок появился на свет живым. Этих еще живых младенцев вспарывают для получения органов, причем режут без анестезии.

В США компании «Пепсико» и «Синомикс» годами использовали абортивные клетки младенцев для разработки пищевых усилителей вкуса. Ткани убитых младенцев и сейчас широко применяют в косметологии, в производстве лекарств, некоторых видов вакцин. Современная человеческая цивилизация убивает детей и в ритуальных целях. Раньше их приносили в жертву во время поклонения, например, Баалу — за 400, за 300 лет до Рождества Христова, все это описано греческими историками. Во времена Римской империи младенцев приносили в жертву в Карфагене, в Иудее и много еще где... Современные убийства детей и зародышей тоже не считают преступлением, за это гинекологам деньги платят — зарплату и дополнительные гонорары от матерей, которые хотят избавиться от ребенка на позднем сроке. Такого ребенка можно передать бездетным парам, но процесс усыновления предельно забюрократчен, в некоторых случаях проще восьми-девятимесячного ребенка убить. И розовощекого здорового младенца топят в ведре или живым помещают в морозильную камеру.

В закрытых клубах постоянно практикуются ритуальные убийства взрослых и детей, кроме того, молодых людей по всему миру тысячами каждый год похищают в интересах черной трансплантологии и для сексуальной эксплуатации.

Но есть еще один законный метод убийства — война. Ничего нового — просто война... Вслед за пандемией, которая оказалась не столь смертоносной, как планировали. Вначале предполагали 4-процентную смертность, особенно среди китайцев, но в Китае приняли драконовские методы изоляции — обрушения мировой экономики, тесно связанной с китайской, не произошло. В России уровень смертности оказался менее 1%. То ли генотип, не подходящий для этого вируса, то ли алкоголь и холодный климат оказались хорошими дезинфекторами. В Африке и во многих малоразвитых странах смертность была и того меньше. Китай отступил от драконовских мер изоляции после того, как медики разработали эффективные методы лечения и профилактики модной болезни. За год к тому же вирус потерял большую часть своей силы. Но главное — он почти не зацепил китайцев, и люди мира не выполнили пандемическую повестку: продолжали цепляться за свою свободу, наличные деньги, участки земли, за свою национальность, религию, культурную идентичность.

Назревало международное разбирательство странной пандемии. Поэтому от вирусной повестки глобальные стратеги перешли к проектам «Голод» и «Война». Голод только планируется (сельскохозяйственные земли массово выводятся из оборота, вводятся запреты на частное сельхозпроизводство, в случае применения климатического оружия эта карта, рано или поздно, сыграет), а война уже идет — в Афганистане, Ираке, Сирии, Ливии, теперь на Украине. Война с оглядкой на газовую трубу и «зерновую сделку».

К началу 2023 года Россия, благодаря частичной мобилизации, стабилизировала новую границу между собой и западным миром, в который Украина мечтает войти. Какая-то часть Украины туда, действительно, войдет и, спустя несколько лет, окажется переваренной. Украинцы будут отправлены в могилы, разведутся по миру в качестве беженцев или останутся жить в разделенной Украине на правах вымирающих аборигенов. Украинцы позволили сделать себя пушечным мясом нового мирового порядка, превратили свою страну в должника перед всем западным миром, бывшую Украину ждут нелегкие времена.

А что впереди у России? Во многом это будет зависеть от нас. От нашей способности сражаться и терпеть военные тяготы, не разрушая собственного государства. Желающих сдать на милость нового мирового порядка в России сей-

час много как никогда. Процесс капитуляции замаскировали бы красивыми фразами, подсластили бы деньгами Запада и возвращенной свободой передвижения по миру. Но что выберут россияне?

Выбор отчасти зависит от уровня понимания происходящего. Если полагаться только на телевизор, мы продвигаемся в Донбассе так медленно потому, что противник упорно сопротивляется и ему помогает весь Запад. Но, если думать самостоятельно, в нынешней войне так много странного, что над маскировочным камуфляжем торчат уши глобальных стратегов. Почему российская власть, присоединив в 2014 году Крым, превратив этим Украину в своего противника, не прекратила субсидировать своего брата-врага деньгами за транспортировку газа и нефти? Почему в 2014 году не признали российской освобожденную часть Донбасса, позволили уничтожить пророссийское движение в Харькове, Одессе, Николаеве, Мариуполе? Почему в ходе СВО российские войска в 2022 году не один раз делали шаг вперед и два шага назад? Почему Россия, одержав такую грандиозную и бескровную победу в Крыму в 2014 году, не смогла повторить то же самое в Донбассе?

Чтобы понять это с беспристрастной точностью, надо знать происходящее в центрах принятия решений. У нас нет этой информации, поэтому мы можем лишь строить предположения. Одна из популярных версий случившегося — войну спланировали англосаксы, им очень выгоден конфликт между Россией и Украиной:

- сокращается численность непокорных и воинственных славян (русских и украинцев), причем сокращается самая «пассионарная» их часть, здоровые молодые мужчины, умеющие воевать;

- ослабляется экономика России, которая в случае объединения с Белоруссией могла бы вновь стать опорой славян;

- утилизируются огромные запасы советского вооружения — теперь это оружие никогда не будет использовано против Запада;

- в результате нынешнего конфликта Европа неизбежно ссорится с Россией. Этот тандем был весьма опасен для англосаксов, к тому же в результате ссоры дешевый газ из России перестает быть конкурентом более дорогого американского сланцевого газа в Европе;

- создаются экономические трудности Китаю, его товары теперь не смогут быстро попадать по суше в Европу;

- Восточная Европа утилизирует свои запасы советского оружия, передавая его Украине. Теперь Словакия, Болгария, Румыния, Польша будут вынуждены покупать «Хаймерсы», а не «Грады» и «Смерчи»;

— в условиях войны легко сократить уровень жизни российского, украинского и европейского среднего класса, чего давно требуют жрецы и стратеги нового мирового порядка;

— ссылаясь на войну, будет легче организовать грядущий голод;

— в условиях военного времени можно, не опасаясь протестов, наконец-то провести реформу мировой финансовой системы, введя цифровые доллары, евро, рубли, блокируя возмущения верующих и антиглобалистов, недовольных введением жесткого цифрового контроля;

Почему ключевую роль в нынешней гибридной «третьей мировой войне» сыграл Крым? Потому что Крым — сакральная земля для многих народов. Это не только курортная жемчужина и стратегический плацдарм среди Черного моря — это еще Херсонес, место крещения Руси; Чуфут-Кале — сакральное место для караимов; Мангуп-Кале, Бахчисарай... Хазарский каганат контролировал не только Поволжье и Северный Кавказ, но и Приазовье, восточную часть заветного полуострова. Крым тысячелетиями был целью победы или «вишенкой на торте» многих конфликтов. Его старались захватить скифы, готы, греки, аланы, гунны, татары, генуэзцы, монголы, хазары, турки, англичане, французы, Российская империя, Третий рейх. В XX веке Белая гвардия пыталась создать здесь бастион Белой Руси. Большевики решили было сделать Крым второй «Крымской Калифорнией». Немцы намеревались включить Крым и южную часть Украины в состав Германии. Украина 60 лет считала Крым своим, Россия вновь закрепила тут девять лет назад...

Адыги-зихи, греки, евреи, немцы, итальянцы, татары, турки, славяне причастны к тысячелетней истории Крыма. Судя по раскопкам Херсонеса Таврического, евреи здесь жили как минимум с I века от Рождества Христова. А готы, одни из предков современных немцев, поселились в Крыму с III века. Греки колонизировали Крым во времена Византии — наиболее массово с V века от Рождества Христова, турки — с XV века, Российская Империя — с XVIII. Степи и горы Крыма несколько раз видели массовый геноцид. Большевики ликвидировали оставшихся в Крыму белогвардейцев, а немецкие фашисты уничтожали евреев, цифры были чудовищными. В 1941 году в Крыму жило примерно 70 тысяч евреев, караимов и крымчаков. Большая часть их погибла, фашисты хотели видеть Крым в составе третьего рейха. Эсэсовская организация «Аненербе» («Наследие предков») недаром проводила раскопки в Мангуп-Кале (военной крепости готов), немцы старательно фиксировали свои крымские корни.

Средневековый Крым был многонационален: славяне, скифы, готы, греки, гунзы, татары, караимы, евреи и множество потомков смешанных пар. Всю эту этнографическую красоту планомерно уничтожали татары, турки, большевики...

«Крымская весна» не просто так случилась именно в 2014 году. Тогда к власти на Украине пришли люди Тимошенко: Турчинов, Аваков, Яценюк, и.о. минобороны Тенюх. «Женщина с косой» всегда имела доверительные отношения и с Кремлем, и с глубинным государством. Тимошенко присутствовала на судьбоносном заседании СНБО в Киеве, где она сидела рядом с Турчиновым и Яценюком, когда они блокировали военное сопротивление Украины в Крыму. До сих пор непонятно: дальнейшие события в Донбассе происходили в соответствии с планами глобальных стратегов или это была импровизация Стрелкова, Малофеева, их кураторов из российских спецслужб?

Хочется думать, что это была импровизация. Игорь Стрелков и Константин Малофеев, похоже, искренне надеялись, что освобожденные части Донбасса быстро примут в состав России по примеру Крыма. При этом Стрелков признавал в интервью весной 2023 года, что его в 2014 году пытались использовать «втемную», он же преследовал свои цели. Сложная история ранних ДНР и ЛНР требует отдельного рассмотрения, в том числе странная гибель Мозгового, Гиви, Моторолы, Захарченко... Стрелкова оставили в живых, но вынудили уехать из Донецка, только после этого начался «Северный ветер». Московским стратегам тогда нужны были более незаметные и послушные исполнители, нежели Захарченко и Стрелков. В нужный момент расширение территорий ДНР и ЛНР блокировали из Москвы. Санкций на дальнейшее увеличение ДНР и ЛНР «Deep state» (глубинное государство) российскому руководству тогда не дало. Войскам ДНР и ЛНР, уже вошедшим в Мариуполь, приказали отойти, наступление в сторону крымского перешейка остановили, российское руководство не желало полномасштабной конфронтации с коллективным Западом.

А вот в 2022 году глубинному государству, напротив, потребовалась масштабная война, любая война с участием России, Китая или Ирана. И теперь уже само российское руководство, похоже, глубинное государство мира использовало «втемную». Войну пытались раздуть в Карабахе, Белоруссии, Казахстане, но Россия и Китай эти конфликты купировали. Турция и Россия ссориться отказались, хотя их конфликт несколько раз провоцировали в Сирии, в армяно-азербайджанском конфликте. Поэтому и был введен в действие

многоуровневый сложный проект: «Война между Россией и Украиной». Бонусы, которые пообещали российскому руководству, оказалось не так легко забрать...

Что станет с освобожденным от украинцев Приазовьем — пока неясно. Понятно лишь, что причерноморские и приазовские территории весьма жизнеспособны. Через местные порты удобно вывозить не только зерно, уголь, соль, металлы. Сюда можно направить часть товарного потока, идущего из Китая в Европу в обход России. Как бы у России не украли результаты этой войны...

На время оставим предположения. Ход войны в значительной степени зависит сейчас не от «Deep state», а от нашей способности сражаться. Россию 30 лет пытались встроить в западный мир и новый мировой порядок. Наш президент признавался, что в свое время предлагал Клинтону принять Россию в состав НАТО. Многие люди были дезориентированы нашим 30-летним сближением с Европой и США. Представители российской элиты почти сплошь стали западниками: ездили туда отдыхать, в Европе находились их недвижимость, семьи, счета в банках. Отрабатывая свою ангажированность через закрытые мировые структуры, через приближенность к «золотому миллиарду», эти люди сейчас вводят в России биометрические паспорта, контроль над «электоратом» через социальные сети, цифровой рубль, пандемические протоколы, телевидение. Грядут «цифровые кошельки» в ЦБ и социальные рейтинги, как в Китае. Но кто станет устанавливать критерии этих рейтингов, кто будет определять, что хорошо, что плохо? Похоже, это собираются делать банкиры, политики высокого градуса посвящения. Их проблема в том, что россияне терпят, пока банкиры распоряжаются деньгами, а политики — голосами на выборах. Если они возьмутся за наши души — терпение может и закончиться. Отечественные глобалисты вошли в противоречие с нашими душами, это может быть разрешено только одним способом: либо они нас окончательно поставят под свой контроль, либо мы их. Мне кажется, разрешение этого противоречия — один из провиденциальных смыслов нынешней войны.

Пока они нас переигрывают, положение очень тревожное. Демографическая убыль народов России в 2021 и 2022 годах — рекордная со времен Второй мировой войны. В 2022-м к тотальному вымиранию добавилось бегство из России молодых людей, испугавшихся мобилизации. Во многом сбежала из страны и прозападная интеллигенция, не принявшая СВО. На Украине процент беженцев и того больше — из 45-миллионной страны уехало более десяти миллионов человек! Лишь

по официальной статистике, в ЕС находится восемь миллионов украинских беженцев. Огромные потоки людей направлялись в США, Канаду, Австралию, Турцию. У россиян прячась от войны принято в Грузии, Казахстане, Армении, Абхазии, Турции, Египте, Монголии, Арабских Эмиратах. Совокупные потери России и Украины от эмиграции в 2021 и 2022 годах — более 15 миллионов человек. Часть этих людей вернутся на родину после окончания войны, но вернутся далеко не все. К этим потерям надо прибавить сотни тысяч не рожденных из-за войны младенцев и почти 200 тысяч погибших на фронте с обеих сторон.

Это абсолютная катастрофа славянского мира. На мой взгляд, катастрофа продуманная и тщательно выстроенная. Как сойти с предложенного нам гибельного пути? Есть ли у нас вообще шансы сохранить страну для наших детей? У России пока шансы имеются. Союзничество Белоруссии, Казахстана, Армении, Таджикистана, Ирана, Сирии, Монголии, Северной Кореи, Вьетнама обеспечивает нам возможность создания вполне жизнеспособного торгово-экономического кластера с населением более 300 миллионов человек. Меньшие экономические зоны сейчас неэффективны.

Чтобы выжить, отдельные государства должны превращаться в члена какой-либо экономической зоны, принимая их правила игры, ведь за экономикой всегда следует идеология. Создание жизнеспособного военно-экономического кластера России, Белоруссии, Казахстана и Донбасса еще один из смыслов этой войны. По ее итогам территория России может прирасти на 100 тысяч квадратных километров. Это почти в четыре раза больше территории Крыма и больше, чем территориальные приобретения России по итогам последней Русско-турецкой войны (35 000 кв. км), Советско-финской войны (40 000 кв. км), Великой Отечественной (37 000 кв. км). Донбасс — мощный промышленный узел, здесь живет несколько миллионов русских образованных людей, умеющих воевать. Если победу у России не украдут, интеграция этих территорий приведет в будущем к росту российской металлургии на 20%; российская угольная промышленность увеличится на 6%; добыча зерна прирастет на 10%. Валовой продукт этих территорий может составлять более триллиона рублей каждый год. Кроме того, по результатам войны, если мы не отступим, Россия сможет полностью контролировать Азовское море, сюда теперь не будут заходить иностранные и украинские корабли, угрожавшие Крымскому мосту. Появился сухопутный коридор в Крым по трассе Чонгар — Ме-

литополь — Мариуполь — Бердянск — Новоазовск. Снята водная блокада засушливой Тавриды...

Россия снова проходит испытание на прочность. Нас поставили перед выбором — продолжать разыгрывать сценарий глобальных планировщиков, как все последние 30 лет, или прекратить саморазрушение. РСФСР в советское время давала 9% от мирового ВВП. В 1992-м доля ВВП России составляла 5% от мирового, сейчас — менее 3%. Если мы хотим выжить, нужно возродить свои промышленность, научные школы, образование, здравоохранение. Может быть, мы наконец-то попытаемся это сделать в результате нынешней войны. Будущее рождается здесь и сейчас. Кому-то из числа российских обывателей кажется, что мы ничего не решаем и можно расслабиться у телевизора, приготовив семечки или пиво. Но это позиция слабого человека. Очень важно показать свое отношение к происходящему. Дело в том, что власть, в том числе мировая, вынуждена оглядываться даже на сильно ослабленный, разрозненный наш народ, если мы будем народом, а не изолированными, вечно молчаливыми обывателями. Пока еще власть знает: даже в нынешнем состоянии российский народ не примет поражения. Многие решения глобалисты принимают исходя из того, что российский народ до сих пор не на коленях. Нам жизненно важно показывать свою силу и состоятельность. Своей готовностью сражаться мы пока еще оберегаем человечество от губительного обрушения в цифровой мир, трансгуманизм, новый мировой порядок.

Не российский народ начинал эту войну. Большинству россиян ее навязали. Сотни тысяч молодых людей в России долго не хотели воевать и после начала СВО, да и сейчас прячутся. Но назад уже не отыграть, надо эту войну заканчивать — победой. Если мы проиграем, то не войну, мы рискуем потерять страну, историю (ее пишут победители), язык, веру, т.е. Родину. А без Родины нам жизни не будет! Мы не евреи, не армяне, не цыгане! Нам не сохраниться, как народу, на чужой земле. Мы в смертельной опасности, а потому ближайшие несколько лет будут очень важными, в чем-то решающими, и не только в судьбе трех поколений россиян, но и в дальнейшей судьбе человечества. Скорее всего, именно в 2024—2025 годах наступит «момент истины» и станет понятно, куда пойдет мир — в цифровое стойло трансгуманизма или в дальнейшее сопротивление на новом уровне.

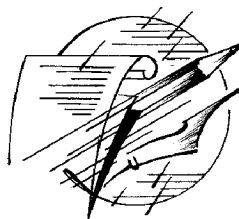
Владимир БОЛЬШАКОВ

КАПКАН ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА

Почему сионисты рвутся в Крым?

Вскоре после начала СВО на Украине в российских и зарубежных СМИ появились сообщения о том, что Россия всего лишь на сутки опередила наступление ВСУ на Крым, что и было главной целью бандеровского режима в его противостоянии с Россией. И по сей день Крым остается в планах контрнаступления ВСУ целью номер один и навязчивой идеей обитателей бункера Зеленского и их зарубежных покровителей. Не одну тысячу украинских вояк уже положили они для достижения этой цели и намерены ее добиваться до последнего украинца вместе с США и другими странами коллективного Запада.

Объяснить эту почти религиозную одержимость идеей «возвращения Крыма», вернувшегося по воле 90% крымчан в состав России после организованного ЦРУ бандеровского переворота 2014 года, только желанием восстановить границы Украины, установленные перед развалом СССР беловежскими предателями, было бы наивно. Речь идет о планах куда более грандиозных — поистине мирового масштаба. В подтверждение этой «страсти» Зеленского бывший сотрудник развед-

ТАЙНОЕ И ЯВНОЕ

службы Великобритании МИ-6 Алистер Крук сообщил в интервью СМИ Украины, что во время визита в Польшу в апреле с.г. Зеленский сообщил о своей готовности передать Варшаве несколько западных регионов страны в обмен на полномасштабную военную помощь ВСУ в захвате полуострова.

Тема Крыма остается горячей. О религиозной составляющей крымской одержимости Зеленского напомнили передачи портала «День ТВ», в которых шла речь о «Третьем храме», мессианской идее приверженцев иудаизма и сионизма восстановить Храм Соломона, а также вернуть владения древних иудеев на территории России, в частности, в Крыму. Авторы «Дня» также напомнили о реакции И.В. Сталина на предложении Еврейского антифашистского комитета (ЕАК) создать Еврейскую социалистическую республику в Крыму и о том, как печально для руководства ЕАК это закончилось.

История иудаизации Крыма действительно заслуживает в наши дни более пристального внимания, а не фрагментарного подхода. Поэтому рассмотрим ее более подробно.

Эпоха Второго храма, который был разрушен по распоряжению римского императора Тита вместе с государственностью Иудеи, длилась с 516 года до н.э. до 70 года н.э. Именно после этого и началось рассеяние евреев по всему миру. План строительства «Третьего храма» символизирует собой исполнение Завета с Богом, согласно которому евреям была обещана власть над всеми народами мира и их богатствами: «Вы (евреи), — говорится в Ветхом Завете, — овладеете народами, которые больше и сильнее вас; всякое место, на которое ступит нога ваша, будет ваше; никто не устоит против вас» (Второзаконие 11: 23–25). Второзаконие входит с еще четырьмя книгами Ветхого завета в Тору — основную священную книгу в иудаизме, так называемое «Пятикнижие Моисеево». Рождение сионизма как идеологии, системы организаций, политической и экономической практики крупной еврейской буржуазии (определение Ю.С. Иванова, данное им в его книге «Осторожно: сионизм») было вызвано именно этой «практической потребностью» завоевания мирового господства.

В начале XX века сионизм приобретает воинствующий характер, и его вожди объявляют противостояние евреям всему остальному миру. Один из авторитетов сионизма поэт Бялик написал поэму «Свиток пламени», где рассказывает, что после разрушения Второго храма в Иерусалиме вожди иудейского племени не каются перед Богом Ветхого Завета, но восстают против Него. В поэме фигурирует «Грозный», символизирующий «дух иудейского племени». Этот «Грозный» обращается к 12 еврейским юношам и девам, блуждающим по земле

после разрушения храма: «Из бездн Аваддона взнесите песнь о разгроме, что, как дух ваш, черна от пожара, и рассейтесь в народах, и всё в проклятом их доме отравите удушьем угара; и каждый из вас пусть сеет семя распада повсюду, где ступит и станет; если взглядом коснетесь чистейшей из лилий их сада — почернеет она и завянет; и если взор ваш падет на мрамор их статуй — треснут надвое... И смех захватите с собой — горький, проклятый, чтобы умерщвлять все живое!»

Эта поэма, переведенная на русский язык лидером партии сионистов-ревизионистов В. Жаботинским, стала как бы программным документом борьбы сионистов против человечества, гимном их тысячелетней борьбы за реализацию обещанной им в библейском Завете Иеговой на горе Сион власти над миром.

Этот Завет и лежит в основе претензий международного сионизма на мировое господство и, в частности, на те земли, включая Крым, которые подчинили себе иудеи в годы Хазарского каганата на территории современной Украины и России. Государство это, просуществовав недолго — с 650 по 969 гг., исчезло бесследно, не оставив о себе ни летописей, ни памятников, ни доброй памяти. Тем не менее многие идеологи сионизма и еврейские историки считают именно этот исторический пустырь второй прародиной евреев, так как именно оттуда пришли в Европу евреи-ашкенази, которые в отличие от евреев-сефардов не смешивались с арабами, а потому вроде бы более чистокровны. Карл Маркс, еврей-сефард по происхождению, был прямо противоположного мнения и обзывал лидера немецких социал-демократов Фердинанда Лассаля «грязным ашкенази». В письме к Энгельсу Маркс называет его «еврейским негром»: «Форма его головы и курчавые волосы доказывают, что он происходит от негров, которые присоединились к Моисею в Египте».

Хазарский каганат контролировал территорию Предкавказья, Нижнего и Среднего Поволжья, современного Северо-Западного Казахстана, Приазовье, восточную часть Крыма, а также степи и лесостепи Восточной Европы, вплоть до Днепра. Центр государства первоначально находился в приморской части современного Дагестана, позже переместился в низовья Волги. В политической зависимости от хазар находились несколько восточнославянских племенных союзов. Именно русы и разгромили это иудейское царство, что сионисты и их пособники не могут простить Русскому народу до сих пор.

Претензии на Крым, где евреи традиционно селились еще во времена Римской империи, связаны непосредственно с историей Хазарского каганата, власть в котором была захвачена евреями, создавшими на его обширной территории свою химерическую цивилизацию. По определению Льва

Гумилева, химера — это искусственный этнос, появляющийся в результате завоеваний и получающий свое оформление в империи. Не вдаваясь в глубины теории Гумилева, ограничимся тем, что евреи, носители химерической цивилизации, утвердили ее на пространстве от Волги до Днепра за счет иудаизации правящей верхушки Хазарского каганата. Этого удалось достичь по методике, опробованной еврейской верхушкой еще в Вавилоне, где жены и наложницы еврейки стали определять судьбы древнего царства по принципу «ночная кукушка дневную перекукует». Именно так легендарная еврейка Эсфирь, жена персидского царя Артаксеркса, по просьбе предводителя вавилонских евреев Мардохея, уговорила своего венценосного супруга казнить военачальника Амана, замышлявшего уничтожить всех вавилонских евреев. Царь согласился и в отмену своего указа, разрешавшего Аману истребить всех иудеев, издал новый указ о праве иудеев защищаться и истреблять тех, кого они считают своими врагами и кто нападал на них. В силу этого указа иудеи убили множество врагов (около 70 тыс. человек), причем и десять сыновей Амана подверглись одной участи со своим отцом — были казнены. В память об этом евреи празднуют «веселый праздник Пурим», в ходе которого детям раздают печеньки, именуемые «уши Амана».

С помощью таких своих «ночных кукушек» иудейская верхушка не раз в древней и современной истории пристраивалась у власти, а затем и захватывала ее, как это было, например, с окружением Сталина. В сентябре 1948 года, расследуя дело об участии жён Молотова (Жемчужина — Перл Соломоновна Карповская) и Ворошилова (Гитля Горбман) в манифестации евреев в честь приезда в Москву посла Израиля Голды Меир (впоследствии премьеры этой страны), он с удивлением убежденного интернационалиста узнал, что все члены его Политбюро, за исключением Г.М. Маленкова, женаты на еврейках. Жена «красного маршала» Г. Горбман заявила даже, приветствуя Голду Меир: «Вот теперь у нас есть Родина!», т.е. Израиль, а не СССР. Сталин этого не потерпел, и обе кремлевские сионистки отправились в места не столь отдаленные, откуда они вернулись к своим мужьям только после смерти главы государства. Вся эта история заставила Сталина усомниться в лояльности ЕАК во главе с актером и режиссером Еврейского театра в Москве С. Михоэлсом, который вскоре после тех событий был убит в Белоруссии агентами КГБ.

Одной из причин разгрома ЕАК, тесно связанного с американскими сионистскими центрами, и казни его руководства часто называют убеждение Сталина в том, что предложение этого комитета о создании в Крыму Еврейской социалисти-

ческой республики преследует целью провозглашение независимости такой республики, выход ее из состава СССР и превращение Крыма в плацдарм НАТО. Проницательность Сталина поистине поразительна, ибо такую же судьбу Крыму международный сионизм принялся готовить с момента бандеровского переворота на Украине в 2014 году одновременно с планом превращения этого полуострова в «новую историческую родину евреев» по образцу Хазарского каганата.

Три причины возрождения Хазарии

Казалось бы, зачем было сионистам и их покровителям заниматься столь дорогостоящим и трудоемким делом, как возрождение каганата, когда у них уже есть созданное по решению ООН еврейское государство, появившееся на карте мира 14 мая 1948 года на основании резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 181, принятой 29 ноября 1947 г.? Ответ на это есть, хотя его тщательно скрывают и игнорируют. Израиль по сей день настаивает на том, что его границы должны включать все территории исторического Эрец Исраэль, но что решениями ООН о разделе Британской Палестины на еврейское и палестинское государства это не предусмотрено. Часть этих исторических земель досталась палестинцам, которые после долгих лет борьбы создали свое государство, а часть Израиль у них отнял и оставил за собой. Затем в 1967 году прихватил земли у Сирии, Египта и Иордании. В этом одна из причин перманентного конфликта Израиля и арабских стран, обострившегося в последнее время в связи с идеей строительства «Третьего храма».

Дело в том, что руины Второго храма находятся на территории палестинской части Иерусалима, где расположены святыня мусульманского мира — мечеть Аль-Акса и святой камень, с которого пророк Мухаммед вознесся на небо. Любая попытка иудеев построить что-нибудь на этом месте вызовет возмущение всего исламского мира и соответствующую военную реакцию окружающих Израиль арабских стран и Ирана. В последние годы Израилю с помощью США удалось нормализовать отношения с рядом прежде враждебных ему стран, включая Саудовскую Аравию, ОАЭ и Ливан. Но Иран, разрабатывавший свою атомную бомбу, хотя и остановил временно эти работы, свой призыв к арабам «сбросить Израиль в море» не отменил по сей день, несмотря на все усилия т.н. «мирового сообщества». И этот призыв в арабском мире достаточно популярен. Да и далеко не все евреи в мире готовы считать Израиль своей родиной, даже исторической. Так, например, в газете «Израэль хайом» («Израиль

сегодня») профессор Шенхав заявил: «Я, еврей, выступаю против еврейского государства, так как в долгосрочной перспективе оно принесет Апокалипсис еврейскому народу. Это произойдет потому, что мы захватили эту землю силой».

Угроза нового Холокоста для Израиля, особенно на фоне постоянного конфликта с Сирией и Ираном, остается реальной. И не факт, что западные благодетели и покровители сионистов бросятся им помогать в случае очередной катастрофы.

Как показывает история, коллективный Запад ничего не сделал для спасения евреев от гитлеровского геноцида во время Второй мировой войны, что показала Эвианская международная конференция во Франции в марте 1938 года, собравшаяся для решения проблем еврейских беженцев, спасавшихся от гитлеровского режима. И если бы не Советский Союз, сыгравший главную роль в разгроме фашистского рейха, неизвестно, остались ли бы вообще на Земле потомки библейского Моисея. Вот поэтому и понадобился сейчас «запасной аэродром», а заодно плацдарм для дальнейшей экспансии, начало которой в Киеве и НАТО было намечено на февраль 2022 года — к дате вторжения бандеровских полчищ в Крым и Донбасс, сорванного буквально за день до начала СВО. Одновременно с планами этого вторжения сионисты разрабатывали программу массового переселения евреев в Крым и Донбасс после проведения там их тотальной чистки от «гоев», согласно терминологии человеконенавистнической книги иудаизма «Шулхан Арух», и в первую очередь от русских. И это выглядит достаточно реально в свете сворачивания проекта «Государство Израиль» в ближайшее время. В то, что такой проект существует, трудно поверить. Но вот факты.

В июне 2014 года группа экспертов 14-й конференции Эдмонда Бенджамина де Ротшильда по вопросам безопасности, которая по традиции проходит в Герцлии (Израиль), признала, что «доктрина безопасности Государства Израиль нуждается в капитальном ремонте» с тем, чтобы отвечать на вызовы, связанные с изменениями, которые произошли на Ближнем Востоке в последние годы.

Более решительно на этот счет высказался бывший госсекретарь США и один из лидеров сионистско-масонского ордена «Бнай Брит» Генри Киссинджер вместе с руководителями всех 16 американских спецслужб в 2012 году. В совместном заявлении они пришли к выводу, что в ближайшем будущем Израиль прекратит свое существование. The New York Post цитирует высказывание Киссинджера на этом совещании дословно: «Через десять лет Израиля не будет». То есть в 2022 году. Американские разведывательные агентства с этим

были согласны, хотя и не уверены в точной дате. Почему Киссинджером была выбрана именно эта дата, точно совпавшая с датой начала конфликта на Украине? Видимо, у этого мэтра мировой закулисы были свои каналы контактов с сионистами и масонами на Украине, готовившимися с давних пор захватить власть в независимой и оккупировать Крым.

16 американских спецслужб с общим бюджетом 70 млрд. долл. представили сионистской верхушке аналитический материал на 82 страницах под названием «Готовясь к Ближнему Востоку без Израиля». Анализ американских разведчиков указывает на 700 тысяч израильских поселенцев, незаконно живущих на землях, украденных у арабов еще в 1967 году. Весь мир согласен, что эти земли принадлежат Палестине, однако израильтяне добровольно их не отдадут. Согласно упомянутому анализу, Израиль все более потворствует необузданному насилию, творимому земляками-поселенцами. Говорится о зверствах и преступлениях в стиле апартеида, включающего израильский разделительный барьер с безжалостной системой контрольно-пропускных пунктов. 16 американских спецслужб согласились с тем, что Израиль не сможет противостоять прибывающей пропалестинской силе, включающей «Арабскую Весну», и усилению Ирана.

Несколько позже департамент Ближнего Востока Службы разведки США провел специальное исследование, в котором сказано, что государство Израиль прекратит свое существование уже в 2025 году, а большинство израильтян реэмигрирует.

В отчете американских разведывательных служб говорится, что у правительства США просто нет военных и финансовых ресурсов для продолжения поддержки Израиля вопреки интересам миллиарда его соседей. Как предполагается в анализе, для нормализации отношений с полусотней исламских стран США должны будут следовать собственным национальным интересам и «махнуть рукой на Израиль». К тому же многие американцы недовольны чрезмерной властью израильского лобби в США и выступают против новых территориальных захватов Израиля. Да и американские евреи в своем большинстве уже не склонны к поддержке его политики.

Срок годности Израиля вышел. Такое мнение охватывает всё большее число как политических деятелей и элиты США, так и простых американцев (источник: Politikus.ru).

Вот в этой ситуации руководство международного сионизма, в которое входят еврейские олигархи, контролирующая внутреннюю часть экономики США, включая военно-промышленный комплекс, как очевидно, пришли к выводу, что им будет более выгодно отказаться от поддержки Израи-

ля и создать для израильтян и других евреев «новую историческую родину» по лекалам Хазарского каганата на Украине.

Ставки на реституцию

Помимо опасений нового Холокоста на Ближнем Востоке, на Украине действиями сионистских стратегов завоевания мирового господства руководит и чисто шкурный интерес. Речь идет о так называемой «реституции». Ассоциация Украины в Евросоюз предусматривает обязательную реституцию, т.е. отбирание у государства ранее национализированных советской властью объектов еврейской собственности. После распада СССР глава сионистской организации Украины Иосиф Зисельс все годы независимости совместно с организациями США добивался реституции ранее национализированной собственности евреев (как культового, так и общегражданского назначения). Учитывая масштабы еврейского присутствия на Украине до 1917 года, следует предположить, что количество объектов, потенциально подпадающих под европейское определение реституции только относительно национализированной еврейской собственности, измеряется не сотнями, а десятками тысяч объектов, большую часть которых вернуть не представляется возможным. Но иски поданы, и украинцам придется платить по этим счетам. Активное участие в организации и проведении евромайда на украинско-израильских олигархов уже привело к тому, что правительство Украины отдало миллиардеру Игорю Коломойскому с контролем группы «Приват» Коломойского находятся Одесса и ее область. Днепропетровск, отмечу, — это родина седьмого любовического ребе, духовного вождя иудейской секты Хабад, которого половина из хабатовцев считают мессией. Так совпало, что это идеологическое прикрытие служит ширмой для управления предприятиями ВПК, ракетно-космического комплекса и др. Речь, в частности, идет о приватизации под видом реституции ряда стратегически важных объектов типа Одесского припортового и Одесского НПЗ и др. Так лидеры бандеровского режима отблагодарили сионистов и за их активное участие в евромайдане в феврале 2014 года в Киеве, куда из Израиля были командированы офицер и примерно 300 военнослужащих ЦАХАЛа («Армии обороны Израиля»). Они прибыли в Киев по приглашению киевского раввина, синагога которого была одним из штабов по координации деятельности боевиков наряду со штабом в информационном агентстве УНИАН олигарха И. Коломойского. Они и возглавили обо-

рону майдана, где лидер сионистов Украины Иосиф Зисельс активно призывал толпу к смене власти, создавая таким образом своего рода «еврейскую ширму» для неонацистского сектора евромайдана.

Олигарх И. Коломойский с израильско-украинским гражданством не скрывает конечной цели своей и Хабада — построение новой Хазарии на Украине, нового Сиона, центр которого переносят в Днепропетровск, именуемый в этой секте «Иерусалим Хабада» с «престолом мошиаха» (т.е. мессии) М.М. Шнеерсона.

И наконец, третья, но одна из основных глубинных причин событий на Ближнем Востоке и на Украине — огромный госдолг США (17 трлн долл.). Для его ликвидации и стабилизации финансовой системы США нужны новые ресурсы, которые пытаются добыть путем организации гибридных войн, а также новый рынок сбыта. США реализуют план по постепенной дестабилизации ситуации в Европе. Важным звеном этого плана стали события на Украине. Именно поэтому США и управляемый из Вашингтона киевский режим заинтересованы в том, чтобы поддерживать там постоянно тлеющий вооруженный конфликт и вести войну с Россией. Вот почему бандеровский режим предлагает объявить Черное море «морем НАТО» и грозит отобрать у России Крым, чтобы предоставить США Севастополь для базы 6-го флота. Казалось бы, при чем здесь Хазарский каганат с его еврейскими беками и раввинами? Увы, всё в этом мире взаимосвязано.

Этапы иудаизации Крыма

Первые шаги евреев по иудаизации Крыма были предприняты еще при римлянах. Еврейские купцы вели там активную торговлю и не подвергались преследованиям. Уже после падения Хазарского каганата, незадолго до крещения Руси, из Крыма в Киев прибыла делегация хазарских раввинов, которая предложила Великому князю Владимиру принять иудаизм. В ответ на это он, зная, что Хазария была разгромлена его отцом Святославом, спросил, где их земля. Хазары были вынуждены признаться, что у них нет своей земли — Бог рассеял их по другим странам. Князь Владимир отказался от иудаизма, сказав: «Так как же других учите, когда сами отвержены Богом и расточены? Если бы Бог любил вас и веру вашу, то вы не были бы расточены по разным землям. Или вы хотите, чтобы и с нами случилось то же?»

Русские самодержцы, как и Великий князь Владимир, никогда не приветствовали евреев на своей земле. 280 лет

назад был подписан указ о выселении евреев с территории Российской Империи. В Киевской Руси еврейский погром произошёл в 1113 году во время волнений, связанных со смертью князя Святополка Изяславича.

В Российской Империи первый указ о высылке евреев издала в 1727 году императрица Екатерина I. Он гласил: «Жидов, как мужеска, так и женска пола, которые обретаются на Украине и в других Российских городах, тех всех выслать вон из России за рубеж немедленно, и впредь их ни под каким образом в Россию не впускать». 3 декабря 1742 года дочь Екатерины I и Петра I, императрица Елизавета Петровна, издала новый указ «О высылке как из Великороссийских, так и из Малороссийских городов, сёл и деревень всех жидов, какого бы кто звания и достоинства ни был, со всем их именем за границу и о невпускании оных на будущее время в Россию, кроме желающих принять Христианскую веру Греческого вероисповедания». Елизавета отказала и еврейским купцам торговать на Руси, несмотря на обещания прибыли от этого российской казне, заявив в 1743 году: «От врагов Христовых не желаю интересной прибыли».

А в 1791 году, когда после Второго раздела Речи Посполитой во власти Российской Империи оказались ее восточные территории вместе с местным еврейским населением, императрица Екатерина II ввела черту оседлости, вне которой запрещалось проживать евреям. Из этой черты в разное время были исключены Киев (евреям дозволялось жить только в некоторых частях города), Николаев, а в Крыму — Ялта и Севастополь. Стремления заняться земледелием в те времена у них замечено не было. Черту оседлости отменило Временное правительство после Февральской революции 1917 года.

Новый этап иудаизации Крыма начался вскоре после создания Теодором Герцлем Всемирной сионистской организации (1897 г.). Герцль обратился к императору Николаю II с просьбой поспособствовать евреям в эмиграции в Палестину. Ответ был такой: препятствовать не будем, но и способствовать тоже. На базе такой договоренности российские сионисты, прежде всего движение «Хе-Халуц», организовали в Крыму подготовку евреев к эмиграции в Израиль и освоению палестинской пустыни для будущей еврейской колонизации.

Первые еврейские земельные колонии в Российской Империи возникли в начале XIX века в Херсонской, Екатеринославской и некоторых других губерниях Южной России. В дальнейшем политика поощрения еврейского земледелия в России была свёрнута императором Александром I указом от 30 мая 1866 года как бесполезная.

В результате Гражданской войны, погромов, голода и эпидемий часть колоний прекратила свое существование. Многие евреи покинули их в поисках работы в крупных городах или эмигрировали в США, Палестину и страны Латинской Америки. К 1926 году еврейские местечки в бывшей черте оседлости лишились половины населения.

Сионистские организации начали свою деятельность в Крыму по созданию центров подготовки к сельскохозяйственному труду будущих еврейских эмигрантов уже в 1919 году. В 1921 году численность еврейского населения Крыма составляла 50 043 человека. В 1922—1924 годах движение «Хе-Халуц» создало в Крыму четыре земледельческие коммуны, в их составе было 300 человек. Эти коммуны были ликвидированы властями в конце 1920-х годов.

После разгрома белогвардейцев и иностранных интервентов на территории СССР продолжали, как ни в чем не бывало, действовать сионистские организации, маскировавшиеся под «невинными» вывесками вроде «Общество помощи еврейским трудящимся» (впоследствии переименованное в ЛЕКОПО — Ленинградский еврейский комитет помощи). И хотя лидер сионистов-ревизионистов Зеев Жаботинский говорил, что «для сионизма коммунизм как удушающий газ», жизнь евреев, в том числе сионистов, в Советской России после революции никак нельзя сравнить с Освенцимом и его газовыми камерами.

«Советская Россия в 1920-х гг. была ареной интенсивной сионистской деятельности, охватывавшей тысячи молодых людей и десятки партий и организаций, — пишет автор одного из самых серьезных исследований деятельности сионистов в СССР Зива Галили, профессор Ратгерского университета США. — Около трех тысяч членов этих организаций прибыли в Палестину в 1924—1931 годах, все они были молодыми людьми, чьи годы становления были непосредственно связаны с эпохой нэпа. Это было первое поколение российских евреев, пережившее не только революцию 1917 года и лихолетье Гражданской войны, но и участвовавшее в политических и культурных процессах в России первой половины 1920-х годов. Нет ничего удивительного в том, что сионизм нашел питательную почву в среде еврейской молодежи в 1920-х годах. Не прошло и десяти лет с момента бурного расцвета сионистской деятельности во время демократической революции в 1917 году, когда Организация российских сионистов насчитывала около 300 тыс. членов и 1200 региональных отделений, а сами сионистские партии получили возможность набрать на выборах в Учредительное собрание более двух третей голосов из общего числа, отданных всем

еврейским партиям» (Галили З. Экспорт советской политической культуры в Палестину. Советский опыт сионизма).

Еще до революции 1917 года большевики расценивали все сионистские политические организации как «мелкобуржуазные» и «враждебные делу подлинного освобождения пролетариата», а позднее, в ходе и после окончания Гражданской войны, и как «подрывные». Тем не менее в июле 1919 года Постановлением ВЦИК по поводу сионистского общества «Хе-Халуц» власти, как пишет Галили Зива, «вынуждены были разрешить деятельность сионистских организаций» при определенных условиях. «Поскольку культурно-просветительная деятельность сионистских организаций не идет в разрез с постановлениями Советской власти, — говорилось в этом постановлении, — президиум ВЦИК предлагает всем советским организациям не чинить препятствий этой партии в означенной деятельности». Ни о какой «вынужденности», поправим Зиву, речь не шла. Председатель ВЦИК Янкель Свердлов всячески крышевал сионистов, следуя указаниям своего заокеанского патрона банкира Якоба Шиффа, лидера нью-йоркских сионистов и финансиста Лейбы Троцкого. У Шиффа в Нью-Йорке к тому же работал брат Свердлова — Вениамин. После этого постановления ВЦИК последовали быстрое освобождение уже арестованных сионистских лидеров и юридическая регистрация «Хе-Халуца», занимавшегося вербовкой рабочих в Палестину и их подготовкой к этому в Крыму. Как следствие, сионисты получили возможность действовать в Советской России без серьезных опасений.

Тем не менее с них не спускали глаз. Хотя ряд сионистских организаций, прежде всего левосоциалистических, существовал в СССР в 20-е годы легально, все они находились под постоянным и пристальным наблюдением ОГПУ. Председатель ГПУ Украины В.А. Балицкий, например, в своем докладе о проделанной работе за период с 1 октября 1923 года по 1 октября 1924 года указывал, что ведется наблюдение за следующими еврейскими организациями сионистского толка: Алгемейн-сионисты, Цейре-Цион (летом 1917 года в партии состояло 50 тыс. членов), Сионистский союз молодежи «Гистадрут», Сионистско-социалистическая партия ЦС, Сионистский союз социалистической молодежи «Юген-Фербанд», спортивная организация «Маккаби», занимающаяся вопросами культуры «Гашомер-Гацоир», студенческая организация «Дройер» и «Гехолуц». Практически все эти организации так или иначе были вовлечены в «Южный проект», как сионисты именовали еврейскую колонизацию Крыма.

В январе 1918 года при Центральном комитете РКП(б) были созданы специальный Еврейский комиссариат (Евком) и Ев-

рейская секция (Евсекция), которые взял под свое крыло Янкель Свердлов. После его смерти в 1919 году Евком был распущен в 1920 году, а остатки этого комитета реорганизовали в отделение Народного комиссариата национальностей. Евсекция просуществовала с осени 1918-го до 1930 года. Ее лидеры, по сути дела, заняли ту же позицию, что и бундовцы в 1903 году. Они считали необходимым установить свой контроль над принятием любых решений, касающихся еврейского населения. Реализация этих целей приводила к фактическому поражению других партий, претендовавших на поддержку еврейского населения. В результате к началу 1921 года почти все еврейские социалистические партии — «Объединенные еврейские социалисты», «Комфербанд», «Бунд» и коммунистическое крыло «Поалей Цион» — оказались в изоляции.

В 1925 г. советское правительство начало осуществление проекта, предусматривавшего поселение евреев на сельскохозяйственных землях Крыма, Украины и Белоруссии. Негласно этот проект именовали Хазария-2. Дело в том, что еще до революции киевский еврей миллионер Лазарь Бродский выступил с идеей создать еврейское государство на юге России — на территории бывшего Хазарского царства между Черным и Каспийским морями с центром в Крыму. Не вдаваясь в подробности истории этой колонизации, отмечу, что после восстания и гражданской войны против иудейской верхушки (810—820 гг.), которые были подавлены с небывалой жестокостью (иудеи сдирали с повстанцев кожу, заливали глотки раскаленной смолой и т.д.), «Хазария, — как писал Л. Гумилев, — изменила свой облик. Из системной целостности она превратилась в противоестественное сочетание аморфной массы подданных с господствующим классом, чуждым народу по крови и религии».

Нечто подобное произошло и в России после октябрьского переворота, а по своей жестокости в годы Гражданской войны «новые хазары» вроде чекистской садистки Землячки и ее соплеменника Бела Куна не уступали своим предшественникам. Планы сиониста Лазаря Бродского по восстановлению Хазарского царства в его исторических границах, частично реализованные с помощью Советского правительства в Крыму и прилегающих к нему областях, были поэтому и не столь уж невинны, как на первый взгляд кажется. Международный сионизм приложил максимум усилий для того, чтобы еврейская верхушка захватила власть над Россией в результате большевистской революции. Яков Свердлов явно готовился к тому, чтобы стать новым «хазарским беком» и управлять «аморфной массой подданных». То, что именно он готовил покушение на Ленина в 1918 году, давно доказано.

Тем не менее его могилу за Мавзолеем не тронули ни при Сталине, ни при Горбачеве, ни при Путине.

Идея возрождения Хазарии с иудейским правлением была впоследствии экстраполирована на всё человечество и весьма успешно осуществлена в Соединенных Штатах. После развала СССР аналогичный проект сионисты пытаются реализовать и в России при активном участии правящих кругов США.

Но вернемся к нашим хазарам от революции. В 1923 году об инициативе создания еврейского «национального очага» на хазарский манер вспомнили в США. Сионистский Объединенный комитет распределения» (ОРТ), председателем которого был зять Якоба Шиффа Феликс Варбург, провел переговоры с советским правительством о создании еврейских колоний на Крымском полуострове. Разработкой этого проекта занимался один из авторов политики «военного коммунизма» Ларин-Лурье. Именно он первым выдвинул проект создания в Крыму национальной автономии евреев, переселив туда 280 тыс. человек. И то, что с такой же инициативой выступили 20 лет спустя лидеры Антифашистского еврейского комитета, разгромленного Сталиным, лишь говорит о преемственности идеи возрождения Хазарии.

В ноябре 1923 года «свердловец» А. Брагин выдвинул ещё более грандиозный проект — в еврейскую автономию он запланировал ввести не только Крым, но и степи Украины, Приазовье, Кубань, Черноморское побережье вплоть до Абхазии в точных исторических границах Хазарского каганата. Практически проект «Хазарии-2». План поддержали Троцкий, Каменев, Бухарин, Цюрупа и др. В итоге проект «автономии» в Крыму был одобрен в феврале 1924 года большинством членов Политбюро, а 29 августа 1924 года его рассмотрел Президиум ЦИК СССР. При Президиуме Совета Национальностей ЦИК СССР в 1924 г. было создано правительственное агентство — Комитет по землеустройству трудящихся евреев (КОМЗЕТ), а также общественная организация ОЗЕТ — Общество по землеустройству трудящихся евреев. (И КОМЗЕТ, и ОЗЕТ были ликвидированы только в 1938 г.). В мае 1926-го определен план расселения евреев (100 тыс. семей — 500—600 тыс. человек) на территории СССР в течение 10 лет. Половину из них предполагалось расселить в Крымской АССР. К началу 1930-х гг. около четверти миллиона евреев были поселены на сельскохозяйственных землях.

Напомню, что организованное переселение евреев и создание земледельческих поселений в Крыму началось в 1923—1924 гг. сразу после разгрома Врангеля и зверского отстрела чекистскими палачами десятков тысяч жителей Крыма и остав-

шихся там белых офицеров. Этим руководили, как известно, большевики Землячка (Залкинд), по партийной кличке «Демон», и Бела Кун. Не исключено, что они уже были посвящены в планы создания «Хазарской советской республики» в Крыму и расчищали пространство для будущих еврейских поселенцев путем геноцида русского народа. Воспоминания о том времени и зверствах евреев-чекистов были еще слишком свежи в памяти крымчан. Но с их чувствами никто не считался.

Зимой 1920—1921 года в Крыму организовали голодомор — продотряды конфисковали продовольствие, а заслоны на перешейке перекрыли подвоз продуктов питания. Ещё одна волна голода прошла в Крыму в 1921—1922 годах. Шла «зачистка» населения, чтобы евреи стали преобладающим этносом в Крыму. Ларин объявил, что в Крым надо переселить 500—600 тыс. евреев. Еврейская колонизация Крыма шла полным ходом. Первоначально она носила как бы стихийный характер. Весной 1923-го около Джанкоя в Крыму при содействии сионистов из Хе-Халуц были созданы первые еврейские сельскохозяйственные поселения Алкай и Керем. Первые 34 колонии, созданные в то время, заняли около 15 тысяч десятин земли в степной части Крыма.

В советском руководстве всё чаще открыто обсуждали проекты массового переселения евреев в Крым и создания там для них автономии. Председатель ЦИК Крымской АССР Вели Ибрагимов, бывший подпольщик, чекист и руководитель уже существовавшей в Крыму татарской «автономии», в ответ на это пожаловался в Москву, что для еврейских переселенцев у татар отбирают лучшие земли. Последовало несколько покушений на главу КрымЦИКа. Все — неудачные. Тогда в ОГПУ объявили, что и сам Ибрагимов, и его команда «заражены идеями национализма и пантюркизма, татарской автономии». Попутно обвинили его и в том, что он противился приказам из Москвы готовить «Великий перелом» в крымской деревне и не торопился начать судебные процессы против «кулаков». В итоге, когда Ибрагимов приехал в Москву, его 08.02.1928 г. арестовало ОГПУ, обвинив в «сокрытии бандитов». Дело было передано в суд. 9.05.1928 Вели Ибрагимов был расстрелян. (Реабилитирован решением Верховного Суда Российской Федерации 20 июня 1990).

Ларин и компания договорились с американскими сионистами, что Москва только выделяет землю для новой Хазарии, а финансируют обустройство сельхозпоселений еврейские организации из-за границы. Еврейский олигарх Феликс Варбург (США) заключил несколько договоров о создании еврейских колоний. Его проект поддержали Пол

Варбург, фонд Рокфеллера, различные благотворительные организации. Только американская сионистская организация «Джойнт», сотрудничавшая с КОМЗЕТОМ, выделила на эти цели около 30 млн. дол. в соответствии с соглашением, подписанным между СНК СССР и «Джойнтом». Одновременно в США был принят закон Рида—Джонсона, по которому были введены ограничения для иммиграции евреев из России в США, куда они ехали гораздо охотнее, чем в Палестину или даже Крым, разоренный Гражданской войной. Евреям, таким образом, сионисты в сговоре с большевиками перекрывали главное направление их миграции. И этот закон не вызвал критики в прессе США, а большевиков не обвинили в «анти-семитизме» и препятствии еврейской эмиграции.

Для финансового обеспечения проекта в 1928 году «Джойнтом» было создано акционерное «Американское общество по устройству еврейских ферм» под председательством Джеймса Розенберга и с Джулиусом Розенволдом в качестве главного инвестора. Этот проект был известен под наименованием «Агро-Джойнт». Директором российского отделения «Джойнта» в этот период был американский агроном российского происхождения Джозеф (Иосиф Борисович) Розен. Он с большим энтузиазмом сажал на землю бывших соотечественников, обнищавших местечковых евреев. Из Америки в еврейские колонии завозилась современная сельскохозяйственная техника, высокоурожайное посевное зерно, племенной скот. Агрономы «Агро-Джойнта» опекали колонистов и обучали их передовым методам ведения сельского хозяйства. В Джанкоке «Агро-Джойнт» построил и оснастил завод по ремонту сельскохозяйственной техники. За время своей деятельности «Агро-Джойнт» оказал помощь в переселении на землю более чем 150 тыс. евреев, основав или укрепив более 250 поселений и израсходовав 16 млн. долларов, не считая выдачи долгосрочных кредитов. «Агро-Джойнт» оказывал помощь и городскому еврейскому населению, поддерживая ссудно-кредитные кассы (370 касс существовало в 1927 году), производственные кооперативы, медицинские учреждения, профессионально-технические школы. Финансирование подготовки кадров для промышленности «Агро-Джойнтом» усилилось в годы первых пятилеток. До 1929 года некоторая часть его бюджета тратилась также на поддержку независимых еврейских организаций социальной помощи, еврейской культуры и подпольной религиозной деятельности.

Корреспондент американской еврейской газеты «Форвертс» Исроэл-Йегошуа Зингер, посетивший Советский Союз в 1926 г., был особенно впечатлен достижением крымс-

ких переселенцев в свиноводстве, запрещенном евреям религией. Коммунары не только разводили, выращивали и ели свинью, они глумились над еврейскими пророками, давая свиньям их имена. Бывший член коммуны вспоминал позднее, как их свиноводству была присуждена первая премия Всекрымской сельскохозяйственной выставки, где представленная ими необычно большая и плодовитая свиноматка породы Йоркшир стала объектом всеобщего внимания.

Сбор средств в помощь евреям Крыма начался по всему миру. В 1925 году советское правительство приступило уже к плановому переселению евреев. Согласно постановлению ВЦИК, им выделили тысячу с лишним десятин земли, на которых были организованы 11 колоний из 305 семей, создан национальный сельсовет — Ротендорфский («Ротендорф» — Красное село). В книге «Тайны и секреты Бнай-Брит» (Париж, 1993 г.) есть глава «Коммунизм как возрождение еврейского народа». Автор книги, в частности, цитирует статью, опубликованную в 1928 г. в мартовском номере «Бнай Брит мэгезин», в которой положение евреев в Советской России того времени описывается в восторженных тонах. Она была написана после посещения СССР секретарем Ордена «Бнай Брит» Эмилем Богеном, который родился в Москве и участвовал в революции 1917 г. в рядах большевиков. Вот что он рассказывал своим «братьям» о еврейских колониях в Крыму:

«Колонизация евреями русских сельскохозяйственных земель представляет одну из наиболее значительных глав в истории нашего народа. Правительство Сталина предоставило бесплатно уже более миллиона акров сельскохозяйственных земель для еврейских колонистов и, как кажется, готово предоставить еще столько же, если евреи будут способны ее обработать. Большинство из них получает помощь, а третья часть из них находится под руководством Соединенного Агро-Комитета, «русского» филиала Американского Соединенного Распределительного Комитета».

Боген не скрывал предназначения этих еврейских колоний: «Здесь, в Крыму, — писал он, — обосновались молодые сионисты, основав свои общины, кибуцы, жизнь в которых они рассматривают как подготовку к освоению Палестины. Они вместе едят, вместе отдыхают, вместе покупают на всех продукты и всё вообще делают вместе. Отсюда они уже готовы отправиться в Палестину».

В начале 1928 г. коммуны Хе-Халуца были ликвидированы, а в феврале 1928 г. Хе-Халуц в СССР был запрещен. Некоторые исследователи считают, что проект погубили сами евреи, которым «Хазарская республика» была не нужна. Ев-

рейские переселенцы не хотели заниматься сельским хозяйством, многие вскоре уезжали в родные края, разбегались по городам, занимались там привычной деятельностью: торговали, открывали портные, часовые мастерские и т.п. Так, на 1 января 1930 года в Крыму было 49 100 евреев, в селе осталось лишь 10 140, да и те старались стать бухгалтерами, учителями, продавцами сельских магазинчиков, счетоводами и т.д., не становясь крестьянами.

По мере того, как деятельность сионистских организаций в СССР свертывали, еврейские поселения в Крыму стали ликвидировать, а колонистов отправлять в Сибирь осваивать земли (7 мая 1934 года из Биробиджанского еврейского национального района Дальневосточного края была образована Еврейская автономная область). Для наиболее активных сионистов пребывание в ссылке затем заменялось более «суровым наказанием» — высылкой в Палестину. Эти «репрессивные меры» были введены уже в 1924 г. при содействии Л.Б. Каменева, Ф.Э. Дзержинского и других советских руководителей. Бывших колонистов, прошедших сельхозподготовку в крымских коммунах Хе-Халуц, доставляли в Палестину на судах советского торгового флота, обслуживающих маршрут Одесса—Яффа.

Проект «советской Хазарии» окончательно рухнул с началом «Большого террора» в СССР. В 1938 году сотрудников «Агро-Джойнта» перевели в категорию «врагов народа» по обвинению: шпионаж в пользу США. В том же году «Агро-Джойнт», деятельность которого проходила под постоянным надзором ОГПУ-НКВД, был вынужден прекратить свою работу в СССР. При этом многие его ответственные работники подверглись репрессиям. Всего было репрессировано не менее 30 советских граждан — сотрудников «Агро-Джойнта». Такова судьба заместителей Розена — Самуила Любарского и Иехезкеля Гроера. Они были расстреляны в конце 1930-х годов как диверсанты и шпионы, а чуть позже началось преследование и рядовых поселенцев.

Кто крышевал сионистов?

«Сионизм как таковой, казалось, не противоречил фундаментальным основам советской политики, и его приверженцы использовали это обстоятельство до тех пор, пока советское руководство не решило создать автономную еврейскую территорию с центром в Биробиджане, — отмечает Галили Зива. — Некоторые советские деятели усматривали в сионизме потенциальное решение проблемы еврейского национального меньшинства, осложнявшего осуществление националь-

но-территориального принципа на Украине и в Белоруссии (позже рост влияния сионизма стал источником беспокойства у руководства этих двух республик). К тому же работа сионистов во благо еврейской «продуктивизации» и проекта сельскохозяйственных поселений преподносилась как соответствующая целям советской политики в этих регионах. Формирование поля для сионистской деятельности стало возможным не в последнюю очередь и благодаря тому, что *в высших эшелонах советской власти отношение к сионизму было двойственным и нерешительным* (выделено мной. — В.Б.). Сохранившиеся документы свидетельствуют о том, что советская политика по отношению к сионизму в те годы не препятствовала сионистской колонизации Крыма, а чаще этому всячески способствовала. И это объясняется в первую очередь необычайной толерантностью шефа советских чекистов председателя ОГПУ Ф.Э. Держинского». В.С. Измозик в своей книге «Ф.Э. Держинский, ОГПУ и сионизм в середине 20-х годов» сообщил, что «еще 15 марта 1924 г. Ф.Э. Держинский направил своим заместителям В.Р. Менжинскому и Г.Г. Ягоде рукописную записку следующего содержания: «Просмотрел сионистские материалы. Признаться точно, не пойму, зачем их преследовать по линии их сионистской принадлежности. Большая часть нападков на нас — опирается на преследование их нами. Они, преследуемые, в тысячу раз опаснее для нас, чем не преследуемые и развивающие свою сионистскую деятельность среди еврейской мелкой и крупной спекулирующей буржуазии и интеллигенции. Их партийная работа для нас вовсе не опасна — рабочие (доподлинные) за ними не пойдут, а их крики, связанные с арестами их, долетают до банкиров и «евреев» всех стран и навредят нам немало. Программа сионистов нам не опасна, — заключал Железный Феликс, — наоборот, считаю ее полезной. Я когда-то был ассимилятором. Но это детская болезнь. *Мы должны ассимилировать только самый незначительный процент, хватит. Остальные должны быть сионистами* (выделено мной. — В.Б.)».

Хотя, как видно из текста, позиция Держинского объяснялась, прежде всего, трезвым политическим расчетом, она вступала в противоречие не только с практикой, но и с теорией Коммунистической партии, со взглядами В.И. Ленина на эту проблему. Провозглашая лозунги интернационального объединения трудящихся, большевики в «еврейском вопросе» с одинаковой решительностью отвергали антисемитизм и сионизм. Ленин еще в 1903 г. писал, что «сионистская идея — совершенно ложная и реакционная по своей сущности», а решение «еврейского вопроса» лежит на пути ассимиляции

евреев. То, что просионистские настроения не были случайным эпизодом для председателя ОГПУ, а выражали его продуманную позицию в этом вопросе, подтверждается еще одной его запиской, обнаруженной в архивах Измозиком. Через год, 24 марта 1925 г., он вновь пишет своей рукой:

«Т. Менжинскому.

Правильно ли, что мы преследуем сионистов? Я думаю, что это политическая ошибка. Еврейские меньшевики, т.е. работающие среди еврейства, нам не опасны. Наоборот — это же создание рекламы меньшевизму. Надо пересмотреть нашу тактику. Она неправильна».

Видимо, в связи с этой запиской Дзержинскому была направлена 29 мая 1925 г. с грифом «Совершенно секретно» справка за подписью Т.Д. Дерибаса и начальника 4-го отделения Секретного отдела ОГПУ Я.М. Генкина о «работе» с сионистами. В ней говорилось, в частности: «1. По всему СССР сидят арестованными 34 сиониста, в том числе Москва — 1, Минск — 32, Ростов — 1. Вовнутрь СССР выслано всего 132 человека. Из них на два года — 8 человек, на три года — 124 человека. Высланы преимущественно в Киркрай (Киргизский край. Название Казахстана до апреля 1925 г. — В.Б.), Сибирь и Урал. В концлагерь заключено всего 15 человек сроком на три года каждый. За границу выслано и разрешен выезд взамен ссылки всего 152 чел. Что касается вопроса о разрешении замены ссылки выездом в Палестину, то по этому вопросу придерживаемся следующей тактики: наиболее активный элемент, члены ЦК, губкомов, у которых найдены серьезные материалы в виде антисоветских листовок, воззваний, типографий, в Палестину не выпускаем. Менее активный элемент в Палестину выпускается. Тактика эта основана на опыте борьбы с сионистами. Когда до конца 1924 г. мы преимущественно высылали в Палестину — это явилось серьезным стимулом для усиления нелегальной работы сионистов, так как каждый был уверен, что за свою антисоветскую деятельность он получит возможность проехать за общественный счет (сионистских и сочувствующих им организаций) в Палестину, а не расплачиваться за совершенное им преступление. Ссылку и концлагерь мы применяем преимущественно к активу ЦС (сионистско-социалистической партии, по существу меньшевистской партии)» (видимо, имеется в виду Цеире-Цион. — В.Б.).

Под текстом справки стоит машинописная резолюция Дзержинского, датированная 31 мая 1925 г.: «Все-таки, я думаю, столь широкие преследования сионистов (особенно в приграничных областях) не приносят нам пользы ни в Польше, ни в Америке. Мне кажется, необходимо повлиять

на сионистов, чтобы они отказались от своей контрреволюционной р[аботы] по отношению к Советской власти. *Ведь мы принципиально могли бы быть друзьями сионистов* (выделено мной. — В.Б.). Надо этот вопрос изучить и поставить в Политбюро. Сионисты имеют большое влияние и в Польше и в Америке. Зачем их иметь себе врагами?».

В письмах, направленных ведущим работникам ГПУ, Дзержинский потребовал прекращения преследований и арестов сионистов, будучи убежденным в том, что цели, преследуемые сионистами в Палестине, приносят больше пользы, чем вреда для советского государства. Более того, он считал, что преследование сионизма является «политической ошибкой», которая поставит сионистов как в Советском Союзе, так и за рубежом в оппозицию к советскому правительству.

Не зря, выходит, мать Дзержинского учила его в детстве писать и говорить на идише.

Сталин и разгром ЕАК

Хотя крымский проект был практически закрыт в 1930-е, тем не менее во время Второй мировой войны он вновь стал объектом внимания еврейских общественных деятелей и руководства СССР. Профессор А. Костырченко пишет, что летом 1943 года перед своей поездкой в США члены Еврейского антифашистского комитета (ЕАК) Соломон Михоэлс и Ицик Фефер получили разрешение главы МИД СССР Вячеслава Молотова на переговоры о материальной поддержке еврейского переселения в Крым после изгнания оттуда нацистов: согласие взять на себя частичное финансирование такого проекта дал американский сионист, миллионер Д.Н. Розенберг.

15 февраля 1944 года Михоэлс, Фефер и Шахно Эпштейн направили Сталину письмо с предложением создать в Крыму Еврейскую советскую социалистическую республику. Письмо редактировал Соломон Лозовский. Аргументами за создание еврейской республики были нежелание евреев возвращаться в места массовой гибели еврейского населения, необходимость сохранения еврейской интеллигенции в условиях снижения её востребованности в национальных республиках и новые вспышки антисемитизма. Биробиджанский проект при этом отвергался из-за его крайней удалённости от мест проживания «основных еврейских трудовых масс». Тем не менее в 1944 году это предложение не нашло поддержки советского руководства и стало одной из причин ухудшения отношения к ЕАК, который, по мнению кураторов из ЦК ВКП(б), занимался не тем, для чего его создавали.

После раскрытия в 1948 году Министерством госбезопасности «сионистского заговора» это письмо было приобщено к делу и представлено в качестве доказательства «преступных планов ЕАК». Лозовский был исключён из Коммунистической партии с формулировкой «сговаривался за спиной ЦК ВКП(б) с антифашистским еврейским комитетом о том, как выполнить план американских капиталистических кругов по созданию в Крыму еврейского государства». Аналогичные обвинения были предъявлены арестованным членам ЕАК в 1952 году.

12 августа 1952 года 13 обвиняемых, включая Фефера, известных писателей Давида Бергельсона, Давида Гофштейна, Лейбу Квитко, Переца Маркиша и игравшего на идише актера Вениамина Зускина, были расстреляны на Лубянке.

На последнем при жизни Сталина Пленуме ЦК КПСС в октябре 1952 года, он говорил: «Молотов — преданный нашему делу человек. Позови, и, я не сомневаюсь, он, не колеблясь, отдаст жизнь за партию. Но нельзя пройти мимо его недостойных поступков... Чего стоит предложение Молотова передать Крым евреям? Это грубая политическая ошибка товарища Молотова... На каком основании товарищ Молотов высказал такое предложение? У нас есть еврейская автономия. Разве этого недостаточно? Пусть развивается эта республика. А товарищу Молотову не следует быть адвокатом незаконных еврейских претензий на наш Советский Крым...»

Спустя два года Хрущев решил судьбу Крыма, передав его к великой радости украинских националистов под административное управление Украинской ССР. Мстил Сталину «кукурузник» и в этом.

Реванш по-сионистски

Потомки «неразумных хазаров» активно готовятся отомстить русским уже в наши дни. Проект возрождения Хазарского каганата и переселение израильтян в Крым поддержало в США движение Хабад, крайне реакционная секта в иудаизме и самая влиятельная часть американского филиала международного сионизма.

Исторически Хабад возник в XVIII веке на стыке границ России, Украины и Белоруссии — в местечке Любавичи (ныне Смоленская область России). Хабад — единственное движение в иудаизме с обязательным вождем во главе — Любавичским Ребе. В течение 200 лет или семи поколений это звание передавалось по наследству. Секта возникла, как утверждали её идеологи, в ответ на гонения со стороны Богдана Хмель-

ницкого, сопровождавшиеся гибелью тысяч евреев. Основателем движения хасидизма был рабби Исраэль бен Елиэзер (Бешт) (1700—1760). Его учение во многом опиралось на Каббалу и отличалось крайним мистицизмом. В 1928 году по решению Сталина, в своё время обучавшегося в Тифлисской духовной семинарии и хорошо разбиравшегося в истории религии, Хабад во главе с шестым Любавичским Ребе был изгнан за пределы СССР как «фашиствующая секта». В наше время Хабад во главе с раввином Берлом Лазаром пользуется покровительством российских властей и главенствует в еврейских и сионистских организациях России, а созданная им Федерация еврейских общин России контролирует 200 общин из 178 городов РФ, при этом в 42 городах работают раввины.

Уже давно в планах Хабада стоит переселение американских евреев, членов этой секты, на Украину, которую они выбрали как место компактного проживания хасидов (и не только) с построением сионистской государственной структуры в регионе. Украина последние годы находится, в основном, в руках олигархов еврейского происхождения, связанных с Хабадом и Израилем. В первую очередь это Коломойский, Пинчук и др.

После Майдана 2014 года Хабад на средства еврейских олигархов пытается выстроить новую Хазарию на Украине, которая по американскому образцу должна стать новым Городом на Холме. Так, 6 мая 2014 года в медиа-проекте «Киев еврейский» заместитель главы Днепропетровска Борух (Борис) Филатов сделал сенсационное признание: «Что делать с теми, кто искренне желает смерти моей стране? С феерическими русскими идиотами, искренне не понимающими, почему мы готовы их убивать. С подлыми российскими журналистами, которых и людьми назвать-то язык не поворачивается. Со всем этим сонмом нечисти? Завтра будет новый день, и взойдёт Солнце. А что будет делать вся эта нечисть? Мы должны будем строить Новую Страну. Город на Холме, Новый Сион. Землю Обетованную».

На людоедские планы сионистов обратил внимание наших властей и советник президента РФ по вопросам региональной интеграции, член Национального финансового совета Банка России, доктор экономических наук, профессор и академик Российской академии наук Сергей Юрьевич Глазьев в своей статье в газете «Завтра». Он отметил, что ставка на Зеленского связана с общим креном администрации США в сторону крайне правых сил в Израиле. «Вероятно, — пишет Глазьев, — они поставят перед обновленным киевским режимом новые зада-

чи. Я не исключаю, например, возможности массового переезда на «защищенные» от русского населения земли Юго-Востока Украины уставших от перманентной войны на Ближнем Востоке жителей Земли обетованной — так же, как бегущих из исламизирующейся Европы христиан».

В своих проектах переселения евреев на земли Украины современные лидеры сионистов напоминают их предшественников, которые вместе с гестапо готовили в гитлеровской Германии переселение немецких евреев в Палестину так единодушно, что ведомство нацистской пропаганды Геббельса отчеканило медаль, на одной стороне которой была выбита свастика, а на другой — символ сионизма в виде шестиконечной Звезды Давида. И все это сотрудничество с организаторами Холокоста было столь активным, что последний центр Хе-Халуца по подготовке еврейских переселенцев в Палестину действовал в нацистской Германии вплоть до середины 1942 года, когда уже год как повсюду дымили крематории нацистских лагерей смерти, выполняя «окончательное решение» Гитлера об уничтожении евреев.

В наши дни сотрудничество сиониста Зеленского и его окружения с укронацистами (самый яркий тому пример — отдых в Израиле батальона «Азов» после его сдачи в плен нашей армии в Мариуполе, а потом усилиями «нашего» олигарха Романа Абрамовича доставленного на «землю обетованную») вновь напомнило о том, что фашизм и сионизм — это две стороны одной и той же медали Геббельса.

После того, как президент Украины Зеленский, выступая в США перед представителями еврейских общин, заявил, что на Украине нет нацизма и ксенофобии, экс-руководитель спецслужбы «Натив» Яков Кедми заявил, что Зеленский позорит евреев, причисляя себя к этому народу. «Таких людей нельзя пускать ни в один еврейский дом. Он должен быть изгоем в любом обществе больше, чем другие, потому что он беснуется на крови своих предков, пытается оправдать и обелить убийц своего народа, которые сегодня правят бал на Украине. И при этом он кричит: «Я еврей!» Он — позор еврейского народа».

Только вот и еврейскому народу давно следовало бы задуматься над тем, почему его судьбами распоряжаются который уже век маньяки ветхозаветного покроя, готовые ради власти и денег отправить на тот свет всё человечество, включая и самих евреев.

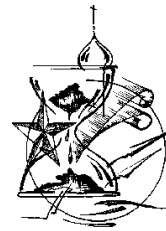
Владимир АНИЩЕНКОВ

ПЕРЕД ШЕСТЫМ РАЗДЕЛОМ ПОЛЬШИ

Всякий раз, когда Польша посягала на русские земли, она исчезала с карты мира. Храброе шляхетское войско было бито на поле боя, а ее земли были разделены между соседями.

В XVII веке Польша была очень близка к осуществлению своей многовековой идеи — к созданию империи «от можа до можа». Речь Посполитая (уния Польши и Литвы) достигла своего могущества. Сами поляки «сидели» в Московском Кремле, призванные боярами-предателями. Русь еще только восстанавливалась от последствий монгольского ига. Чтобы избежать дальнейшего разрастания смуты и избавиться от разнообразных Лжедмитриев пришлось присягать на верность польскому королевичу Владиславу. Однако русские люди нашли в себе силы изгнать надменных пришельцев и восстановить государственность.

Польша начала терять завоеванные земли. Сначала Войско Запорожское во главе с гетманом Богданом Хмельницким перешло «под руку Московского царя православного». После Русско-польской войны 1654—1667 годов Россия вернула Смоленщину и Левобережную Малороссию. Киев был выкуплен за 146 тыс. рублей.

УРОКИ ИСТОРИИ

Поводом для первого раздела Речи Посполитой послужило восстание Барской конфедерации шляхтичей против польского короля Станислава Понятовского, ставленника Русской императрицы. Шляхтичи-католики были возмущены уравниванием в правах с православными гражданами.

Конфедерация обратилась за поддержкой к Франции и Турции. Турки были разбиты русскими войсками, а помощь Франции оказалась ничтожной. Восстание было подавлено королевскими войсками Браницкого в союзе с русскими войсками Кречетникова и отрядами православного населения Польской Украины.

Пруссия и Австрия предложили Екатерине разделить между собой земли беспоконной Речи Посполитой. Сначала в Санкт-Петербурге было заключено соглашение между Пруссией (Фридрих Второй) и Россией (Екатерина Вторая). 19 февраля 1772 года в Вене была подписана конвенция о первом разделе.

«Союз трех черных орлов» (на гербах всех трех государств был изображен черный орел в отличие от белого польского орла) распределил часть польских земель между собой. Австрия получила всю Галицию с округами, Пруссия — Западную Пруссию (Поморье). Россия вернула часть древнерусских земель, ранее захваченных польско-литовскими войсками. Восточную часть Белоруссии (Витебскую и Могилевскую губернии) и часть земель, входивших ранее в Ливонию.

После принятия новой польской конституции, которая наделяла польскую шляхту особыми правами, население Тарговицкой конфедерации обратилось к России за помощью. Войска конфедерации совместно с Русской армией под командованием Михаила Васильевича Каховского в нескольких сражениях разгромили отряды Иосифа Понятовского (не путать со Станиславом Понятовским).

23 января 1793 года Пруссия и Россия подписали конвенцию о втором разделе Речи Посполитой, которая была утверждена на созванном тарговичанами Гродненском сейме.

Пруссия получила Гданьск, Торунь, Познань. В Россию вернулись земли Центральной Белоруссии с Минском, Новороссии, а также Волынь и Подолия.

На следующий год началось восстание под руководством Тадеуша Костюшко, стремившегося вернуть утраченные земли. Сюда были направлены русские войска под командованием Александра Васильевича Суворова. За шесть дней корпус Суворова одержал четыре победы: у местечка Дивин, при Кобрине и дважды разбил войска Сераковского.

Когда предводитель восстания Костюшко был пленен, русские войска направились к Варшаве. Им навстречу был

выставлен отряд генерала Майена. У селения Кобылки пятчасовой бой закончился разгромом польских войск.

После капитуляции Варшавы и объявленной Суворовым амнистии войска повстанцев по всей Польше в течение недели сложили оружие.

В 1795 году состоялся уже третий раздел. На этот раз Австрия получила Южную Польшу с Люблином и Краковом, Пруссия — Центральную Польшу с Варшавой. В Российскую империю вошли Литва, Курляндия и Западная Белоруссия.

Таким образом, польско-литовская Речь Посполитая была окончательно разделена между тремя европейскими державами.

Россия вернула земли, захваченные Речью Посполитой в ходе предыдущих войн, а также русские княжества, ранее вошедшие в Великое княжество Литовское.

Земли, вошедшие в Российскую империю, составили Курляндскую, Виленскую и Гродненскую губернии.

После нескольких лет революционных войн в 1807 году по Тильзитскому мирному договору между Россией и Францией из польских земель было образовано Великое Герцогство Варшавское под протекторатом Франции.

Готовясь к новой войне, Наполеон, обещавший не создавать самостоятельного польского государства, фактически превратил Варшавское Герцогство в плацдарм для нападения на Россию. Польская шляхта, мечтающая о «Великой Польше», оказывала ему всестороннюю поддержку.

Наполеон вынашивал план расчленения Российской Империи и выделения из нее литовских, белорусских и украинских земель. В беседах с поляками он прямо говорил, что ждет от шляхты организации антирусских восстаний. Когда польский сейм, собранный перед вторжением «Великой армии» в Россию, узнал о ее переходе через Неман, он объявил о восстановлении Великой Польши.

С началом войны 1812 года Бонапарт призвал поляков, живших на территории Российской Империи, вступить в ряды его «Великой армии». Поляки были одной из самых преданных французскому императору частей. Они вместе с Наполеоном дошли до Москвы, но на обратном пути большая часть шляхты погибла.

После падения Наполеона в 1814 году на Венском конгрессе Россия, Пруссия и Австрия вновь разделили Польшу и создали на ее территории автономные области: Великое княжество Познанское (отошло Пруссии), вольный город Краков (включен в состав Австрийской Империи). Большая часть Великого Герцогства Варшавского была присоединена «на вечные времена» к Российской Империи под названием

Царства Польского со столицей Варшавой. Это было сделано в целях ликвидации «польского плацдарма» — источника угроз для России.

После Первой мировой войны странами Антанты западная часть Российской Империи была превращена в «независимую» Польшу, как противовес Советской России. В результате кровопролитной Советско-польской войны Польша, поддержанная Францией и другими странами Антанты, оккупировала Западную Украину и Западную Белоруссию.

В 1932 году, несмотря на заключение польско-советского договора о ненападении, «ослабление и разгром России» были главной целью польской внешней политики. В докладе разведывательного отдела Главного штаба Войска Польского зафиксировано: «Расчленение России лежит в основе польской политики на Востоке. ... Польша не должна остаться пассивной в этот замечательный исторический момент. Задача состоит в том, чтобы заблаговременно хорошо подготовиться физически и духовно... Главная цель — ослабление и разгром России» (Залевская Н. Польский поход РККА. О чем молчит Польша).

В 1934 году состоялось подписание Польшей «Пакта Пилсудского — Гитлера», который подкреплял заинтересованность польского движения на восток.

23 августа 1939 года был подписан Межправительственный договор о ненападении между Германией и Советским Союзом, известный как «пакт Молотова—Риббентропа». 28 сентября Советский Союз и Германия подписали договор о границе. Стороны соглашались на раздел сфер влияния.

1 сентября 1939 года немецкие войска вступили на территорию Польши. Это событие западные историки считают началом Второй мировой войны, хотя она длилась уже несколько лет и захватила несколько континентов. В течение одного месяца польская армия, считавшаяся одной из сильнейших в Европе, была разгромлена. Британия и Франция, обещавшие военные гарантии, побоялись воевать с Гитлером. Большая часть Польши была завоевана. Немцы вошли в Брест, окружили Львов и приближались к государственной границе СССР. Однако согласно договору Советского Союза и Германии наступление немецких войск было остановлено.

В эти дни советское командование работало четко. 1 сентября в Советском Союзе была введена всеобщая воинская повинность. При этом призывной возраст снижен с 21 до 19 лет. Закон немедленно вступил в силу, и в короткое время численный состав армии достиг пяти миллионов человек.

В ночь с 6 на 7 сентября Советское военное командование объявило учебные сборы в семи военных округах. Началось развертывание военных округов и преобразование их в Белорусский и Украинский фронты. Директива о вступлении Красной армии на территорию Польши за подписью наркома обороны К. Е. Ворошилова и начальника Генштаба Б. М. Шапошникова была отправлена в войска 14 сентября 1939 года.

Начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии Франц Гальдер писал в своем дневнике о том, что в эти дни в Берлине прорабатывали план создания «независимой Западной Украины», во главе которой должны были встать находившиеся под контролем немецкой разведки украинские национал-шовинисты. Марионеточная «Западная Украина», выдвигающая от своего имени притязания на территории Украинской ССР, становилась бы отличным плацдармом для последующего «дранг нах остен».

17 сентября 1939 года заместитель наркома иностранных дел СССР Потемкин зачитал ноту послу Польши в СССР Гржибовскому: «Польско-германская война выявила внутреннюю несостоятельность польского государства. В течение десяти дней военных операций Польша потеряла все свои промышленные районы и культурные центры. Варшава как столица Польши не существует больше. Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это значит, что польское государство и его правительство фактически перестали существовать. Тем самым прекратили свое действие договора, заключенные между СССР и Польшей. Предоставленная самой себе и оставленная без руководства, Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Поэтому, будучи доселе нейтральным, советское правительство не может более нейтрально относиться к этим фактам. Советское правительство не может также безразлично относиться к тому, чтобы единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, остались беззащитными. Ввиду такой обстановки советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии. Одновременно советское правительство намерено принять все меры к тому, чтобы выволить польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут его неразумными руководителями, и дать ему возможность зажить мирной жизнью».

В этот же день советские войска начали выдвижение на восточную часть Польши, чтобы «взять под защиту братские народы». Польская армия, уже, по сути, разгромленная немцами, организованного сопротивления не оказывала. Сложная масштабная операция была проведена блестяще и закончилась через 12 дней.

Надо отметить, что с началом наступления советских войск непольское население (русские, украинцы и белорусы) создавали партизанские отряды и самостоятельно освобождали свои села и даже города от польской оккупации. В Западной Беларуси в результате Скидельского восстания крупная группировка польских войск при подходе красноармейцев сдалась без боя.

Уже на третий день советского наступления начались переговоры Ворошилова и Шапошникова с представителями германского командования о порядке отвода германских войск и продвижения советских войск на установленную демаркационную линию.

Был подписан советско-германский протокол, по которому части германской армии отводились на западный берег рек Вислы, Нарев, Сан. При этом движение войск было организовано с расчетом, чтобы дистанция между передовыми частями колонн Красной армии и хвостом колонн германской армии составляла 25 километров. Под контроль советских войск был передан Брест.

Очень любопытную с исторической точки зрения листовку выпустило тогда германское командование на русском языке:

«Немецкая армия приветствует Рабоче-Крестьянскую Красную Армию! Мы, солдаты, желаем войти с солдатами Р.К.К.А. в хорошее солдатское отношение. Русский солдат пользовался у нас всегда глубоким уважением. Что и в будущем должно остаться так!»

Вскоре состоялась беседа наркома обороны Ворошилова и начальника Генерального штаба Шапошникова с представителями Германского военного командования. Через два дня в Москве был подписан протокол о согласовании границы от реки Игорка до Ужокского перевала. Новая граница была установлена близко к так называемой «линии Керзона» (восточная граница Польши, рекомендованная Антантой еще в 1918 году).

Между прочим, западные державы ничего крамольного в произошедшем не увидели. Черчилль заявил тогда: «То, что русские армии должны были встать на этой линии, было совершенно необходимо для безопасности России против нацистской угрозы. Как бы то ни было, эта линия существует, и создан Восточный фронт, который нацистская Германия не осмелится атаковать».

Кстати, именно тогда Виленский край и нынешняя столица Вильнюс (Вильно) были переданы Литве («Договор о передаче Литовской Республике города Вильно и Виленской области и о взаимопомощи между Советским Союзом и Литвой»). О чем литовцам не следует забывать.

28 сентября 1939 года Советский Союз и Германия подписали договор о границе. На подписании с советской стороны присутствовали И. В. Сталин, В. М. Молотов и Б. М. Шапошников. В состав СССР вернулись земли Западной Украины и Западной Белоруссии, утраченные в ходе Гражданской войны и иностранной интервенции площадью 190 квадратных километров с населением 30 миллионов человек.

Таким образом, произошел пятый раздел Польши, которая одинаково враждебно относилась и к Советскому Союзу, и к Германии, надеясь на помощь Англии. Вот почему поляки всеми силами стараются ослабить и Россию, и Германию, испытывая болезненный синдром страха нового раздела.

Закончилась эта сложная и запутанная эпопея договоренностью Советского Союза, Британии и США на Ялтинской конференции 1945 года о восстановлении Польши. Более того, ей были переданы экономически развитые районы Восточной Пруссии. Но в этом виновата сама Германия. Не надо было нападать на СССР.

Польская Народная Республика несколько десятилетий находилась в дружественных отношениях с Советским Союзом. Польша была одним из лидеров Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) стран народной демократии. Не случайно в польской столице был подписан военно-политический Варшавский договор.

Во время перестройки советское руководство по указке западных «друзей» и «партнеров» проводило предательскую политику по отношению к своей стране и своим союзникам. В результате поочередно были уничтожены: Варшавский договор, СЭВ, СССР.

Поляки, подкормленные западными подачками, «вспомнили» о своем былом величии, утраченных «восточных креслах», застарелых обидах и вечной ненависти к России.

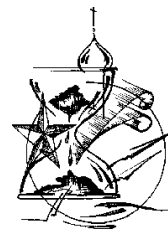
Сейчас поляки опять надеются на «замечательный исторический момент», когда можно восстановить империю «от можа до можа», т.е. опять захватить исконные русские земли. А заодно максимально ослабить своего «векового врага». Они вновь забыли, что нападение на Россию всегда заканчивалось разделом Польши.

Дмитрий ОРЕХОВ

МЫ ДУМАЛИ, ЧТО ПОБЕДИЛИ ФАШИЗМ

В 1941 году, за несколько недель до нападения на Советский Союз, Гитлер произнес свои знаменитые слова: «Борьба за мировую гегемонию в Европе будет выиграна путем обретения русского пространства... Русское пространство — это наша Индия, и так же, как англичане правят там через горстку своих людей, так и мы будем править этим нашим колониальным пространством. Украинцам мы привезем головные платки, стеклянные бусы, как украшения, и другие вещи, которые нравятся колониальным народам».

Свое представление о будущем русских людей Гитлер передал в другой известной формулировке того же года: «Нашей Миссисипи должна стать Волга, а не Нигер». Река Миссисипи, как мы помним, была той границей, за которую третий президент США Томас Джефферсон собирался изгнать индейцев. Гитлер же был убежден, что англосаксы, которые «сократили численность миллионов краснокожих до нескольких сотен тысяч и держат скромный остаток в клетке под наблюдением», подали немцам правильный пример того, как нужно поступать с русскими. По его мнению, «на Востоке Герма-

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

нии» (то есть в России) подобный процесс должен был стать «повторением завоевания Америки».

Гитлер недаром называл русских «краснокожими». Его война против СССР была всего лишь еще одной колониальной войной. Все зверства гитлеровцев (массовые убийства, переселение, превращение людей в рабочий скот) были опробованы в начале двадцатого века, когда немцы устроили геноцид народов гереро и нама в Юго-Западной Африке. Аналогичные преступления совершали французы, голландцы, бельгийцы, американцы, англичане. «Фашизм уже давно был знаком Индии под именем империализма» — писал Джавахарлал Неру, постоянно подчеркивавший, что борьба за свободу Индии была частью мировой борьбы против фашизма и империализма.

Борьба за свободу народов Советского Союза 1941—1945 годов также была частью мировой борьбы против фашизма и империализма. Увы, в какой-то момент мы об этом забыли, поддавшись искушению объявить свою борьбу исключительной. В каком-то смысле — по размаху военных действий, по напряжению сил, по числу жертв — это и в самом деле было так. Но это было неправдой по сути. Приняв эту неправду, мы ступили на скользкую почву. Согласившись признать исключительный характер нашей борьбы, мы поддержали удобную для Запада трактовку, согласно которой и немецкий нацизм был исключительным явлением, вроде высадки марсиан в графстве Суррей, описанной в романе Герберта Уэллса. Ведь палачи индейцев и индийцев старательно делали вид, что не имеют со своим учеником ничего общего, приписывая феномен гитлеризма немецким национальным особенностям, загадочному движению под названием национал-социализм, нюансам истории Германии и злому гению Адольфа Гитлера — «психопата, который мог явиться только среди гуннов».

Однако фашизм существовал до Гитлера и никуда не делся после 1945 года. По окончании войны западные демократии нашли пленным нацистам работу по специальности, отправив их служить в свои карательные войска в колонии. Так, например, голландские эсэсовцы были отправлены сражаться с национально-освободительным движением в Индонезию, а немецкие эсэсовцы, попавшие в плен к французам, — в Индокитай. Печальная правда состоит в том, что гитлеровские палачи и после 9 мая 1945 года продолжали убивать людей в странах третьего мира — на этот раз уже в союзе с французскими и англичанами.

Нацизм нельзя было признавать исключительно немецким явлением, поскольку это позволяло коричневой чуме и дальше распространяться по западному миру под другими именами. Об этом нас предупреждали многие. Французский поли-

тик и писатель Симона Вейль писала, что импульс, лежавший в основе гитлеризма, играл и играет чрезвычайно важную роль в истории, культуре и повседневных мыслях всего Запада. По ее мнению, Гитлер был реинкарнацией стойкого западного феномена. Вейль подчеркивала, что нельзя мерить одной мерой фашизм в Европе и совершенно другой — тот же самый фашизм (хотя бы даже французский) в колониях. Этих же взглядов придерживался афроамериканский историк и писатель Уильям Дюбуа. Он отмечал, что «не было такого нацистского зверства — концентрационных лагерей, массовых увечий и убийств, растления женщин или ужасного богохульства в отношении детства, — которое христианская цивилизация или Европа давно не практиковала бы против цветных людей во всех частях света во имя и для защиты высшей расы, рожденной править миром».

Сартр писал, что «республиканцы во Франции являются фашистами в Алжире». Философ указывал, что «колониализм заражает молодых французов расизмом и заставляет их гибнуть во имя нацистских принципов» (тех самых, против которых сражалось французское Сопротивление) и призывал помочь фашизму умереть — «повсюду, где он существует». В широко известной «Речи о геноциде» Сартр констатировал, что война американцев с народом Вьетнама тоже идет по лекалам Гитлера: «Он убивал евреев, потому что они — евреи. Американские вооруженные силы пытаются и убивают во Вьетнаме мужчин, женщин и детей, потому что они вьетнамцы».

Сартр и многие другие интеллектуалы предостерегали: фашизм не побежден, он продолжает свое победное шествие. Но мы всё больше соглашались с западной пропагандой, представлявшей нацизм исключительно немецким явлением, ограниченным временными рамками с 1933 по 1945 год. Причины этого понятны — мы чувствовали благодарность за поставки по ленд-лизу, за второй фронт, нам мешало русское миролюбие, мешало великодушие, мешала порядочность. Мы считали память о встрече на Эльбе священной.

Впрочем, была еще одна причина. Нам очень хотелось видеть себя в одном лагере с «белыми и прогрессивными» — с теми, кого мы со времен Петра почитали своими учителями. Согласно этой убаюкивающей трактовке, мировое зло было побеждено союзными державами в сорок пятом, и теперь всем оставалось только договариваться о мирном сосуществовании да поругивать поверженный гитлеризм. Что, собственно, мы и делали. «Хуже немецкого фашизма ничего нет» — говорили мы, словно бы не было избиения ирландцев и индейцев Америки, растерзанной Африки, голода, организованного англичанами в Бенгалии, геноцида народов Азии, Латинской

Америки, Австралии и Океании, интервенций по всему миру. «Хуже немецкого фашизма ничего нет» — говорили мы, когда американцы выжигали вьетнамские деревни. «Хуже немецкого фашизма ничего нет» — говорили мы, когда сыпались американские бомбы на маленькую Камбоджу. «Хуже немецкого фашизма ничего нет» — говорили мы, когда англо-американская коалиция терзала Ирак. Но чем массовые убийства и пытки всех этих людей, совершенные западными расистами ради каких-то своих экономических и политических выгод, принципиально отличались от того, что пережили мы сами в период Великой Отечественной?! Сейчас у нас принято возмущаться заявлениями западных политиков в стиле «это другое» о геноциде мирного населения Донбасса. Но разве мы сами не приняли формулу «это другое» по отношению к индейцам, латиноамериканцам, азиатам и африканцам?

Объявив гитлеровский фашизм исключительным, самым страшным в мире явлением, оторвав фашизм от его корня — колониализма, мы утратили понимание происходящих в мире событий и перестали держать врага в фокусе. И пока мы каждый год праздновали свою «окончательную победу» над коричневой чумой, Запад продолжал совершать преступления против человечества, собирал новую империю и готовился к новым войнам. Готовился к тому, чтобы после индейцев, африканцев, латиноамериканцев, вьетнамцев, индонезийцев, арабов однажды снова заняться русскими.

Сейчас неоколониальный расистский Запад во главе с Байденом осуществляет на Украине старый план Гитлера, согласно которому украинцам обещаны стеклянные бусы, а русским — смерть. Видеть это неприятно. Намного комфортнее было считать, что мы вместе с просвещенными народами совладали с исключительным мороком немецкого фашизма. Но это было ложное представление. Хоть и позднее, но прозрение дает нам шанс окончательно победить фашизм.

Александр СЕВАСТЬЯНОВ

О НАШЕЙ МОТИВАЦИИ

Мне не раз уже приходилось со всей тщательностью разбирать причины, по которым нам приходится вести СВО (на деле — настоящую войну) на Украине. Но помимо рациио-

нальных доводов, должна быть и душевная мотивация, без нее воевать и побеждать трудно.

Насчет мотивации украинских военнослужащих всё достаточно понятно. Как заметил Владимир Путин, никакого украинского государства не было до прихода советской власти на Украину. Но если быть совсем точным, то в рамках СССР это украинское государство (УССР) не было вполне государством, его суверенитет поглощался суверенитетом всего Советского Союза. Так что украинцы в действительности заимели свое государство впервые в истории только после 1991 года. И теперь они его добровольно ни за что не отдадут. Именно поэтому они ведут с нами не СВО, а самую настоящую тотальную этническую войну. Нелепо обращаться к ним как к братьям, взывать к понятию единого русского народа: там никто это даже слушать не станет. С оружием в руках украинцы доказали нам, что перестали быть для нас не только единым, но даже и братским народом, по крайней мере на самой Украине.

Неоднократно уже звучали с самого верха украинского общества заверения в неугасимой ненависти современных украинцев к нам — «русне», «москалям», «ватникам» и т.д. И всё, происходящее на фронтах СВО, полностью подтверждает эти заверения. Особенно убеждают в этом беспощадные теракты по инициативе украинских спецслужб, в которых участвуют этнические украинцы в том числе российского происхождения. А также расправы с российскими военнопленными и новыми гражданами России, оказавшимися вновь под бандеровцами. Сегодня украинцы, воюющие на фронте и вне его против России, ненавидят нас едва ли не больше, чем мы ненавидели когда-то немецких захватчиков, и готовы жертвовать собой во имя этой ненависти. А мы?

Ненависть к врагу — величайший залог победы, без нее победить трудно, если вообще возможно. Именно благодаря ей мы победили немцев в Великую Отечественную войну. Но есть ли эта вдохновляющая ненависть у наших солдат и офицеров, у наших генералов, у нашего главнокомандующего по отношению к сражающимся с нами украинцам? Нет, что-то я пока ее не наблюдал, скорее наоборот, от нашей пропаганды постоянно слышны заверения совсем противоположного толка. Да и как может быть иначе, если еще накануне войны с самого верха российской власти нас пытались убедить в том, что русские и украинцы — единый народ? И с тех пор эту вредную, архаичную, давно и полностью изжившую себя чушь повторяют, как мантру, наши пропагандисты и политологи всех мастей. (Какой кровью мы уже оплатили эту наивную иллюзию! И какой кровью она еще нам впредь обойдется!)

Хотя на деле оснований для русской ненависти к бандеровцам, нашему давнему непримиримому и жестокому врагу — хоть отбавляй. И эти основания в условиях тотальной бандеризации всей Украины за последние тридцать лет могли бы сейчас, при правильной работе наших СМИ, серьезно мотивировать российскую армию. Но для этого нужно ежедневно, ежечасно, ежеминутно говорить о том, что в лице ВСУ и особенно нацбатов перед нами — злобный враг, который, если его не уничтожить, уничтожит Россию и всех нас, ее защитников и патриотов. Но мы этой информационной работы на государственном уровне что-то не слышим и не видим.

Есть ли у нашего воинства мотивация к бою, сравнимая с той, что двигает украинцами? Хотелось бы, чтобы это было так, но...

Я не думаю, что нередко звучащий призыв «сломить хребет укрофашистской гадине» и тем спасти и осчастливить человечество может быть особо близок российскому солдату. Ведь этот призыв сродни тому невразумительному «интернациональному долгу», с которым нас когда-то занесло в Афганистан. Какое нам, однако, дело до «человечества»? Мы ничего ему не должны. Тем более, что заметная его часть поддерживает не нас, а как раз укрофашистскую гадину и вряд ли поблагодарит нас за победу.

Серьезным мотивом могло бы быть осознание того несомненного факта, что руками украинцев войну на уничтожение с Россией ведет Запад. И наша пропаганда, правильно упирает на это обстоятельство. Но такой умозрительный аргумент обычно плохо воспринимается простым человеком, которому надо предъявить что-то более непосредственное, конкретное. Да и воевать нам, по данной логике, следовало бы в таком случае, прежде всего, напрямую с Западом.

Итак, коль скоро настоящей, нутряной ненависти к врагу (с какой враг ненавидит нас) у нашего воинства не видно, а убедительной мотивации наша пропаганда пока не родила, то, по моему убеждению, нужно воспользоваться успешным опытом пропагандистской работы времён Великой Отечественной войны, в особенности после 28 июля 1942 года, когда был издан сталинский приказ № 227 «Ни шагу назад!»

Надо отметить, что фронтовая хроника после 24 февраля 2022 года дала и дает нам множество примеров мужества и героизма российских воинов, их безупречной верности долгу, их ратного дела. Однако мы обязаны держать перед глазами не только положительный, но и отрицательный опыт. История с нашим прошлогодним отступлением не должна повториться.

Валерий ХАТЮШИН

ПРОТУБЕРАНЦЫ

РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ

2023 год
(Апрель — май)

На встрече В. Путина с главой ДНР Д. Пушилиным, показанной 6 апреля по телевидению, президент спокойно объяснял человеку, десятый год находящемуся в зоне ежедневных ударов вэсэушных снарядов: «Надо не допускать обстрелов мирного населения Донбасса украинскими артиллерийскими установками». Первый вопрос, который возник в моей голове, когда я услышал это президентское пожелание, был таким: а кто у нас Верховный главнокомандующий? Пушилин или Путин? Кто обязан действовать и принять все меры, чтобы эти обстрелы исключить? Или, может, ДНР всё еще не часть России?.. Впрочем, это уже был второй вопрос.

8 апреля на Троекуровском кладбище похоронен журналист Максим Фомин (Владлен Татарский), подорванный в питерском кафе украинской диверсанткой Дарьей Треповой. Следственный комитет установил ее связь с СБУ, да и она сама призна-

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

лась в осуществлении теракта, подготовленного спецслужбами Украины. И что? А ничего. Российская власть упорно не желает объявлять Украину террористическим государством. Ей всё еще мало Дарьи Дугиной, Кирилла Стремоусова, Сергея Пускепалиса, главы ДНР Захарченко, взорванного Крымского моста, аллеи погибших детей в Донецке... Словно она чего-то боится, осторожничает... Даже вердикт Гаагского суда на нее не действует. Как будто украинский терроризм для нее — «это другое»...

* * *

На Украине (в Малороссии) продолжают знамения. 2 апреля в Киево-Печерской лавре, где почернели кресты на захваченном раскольниками храме, обесовленные дегенераты устроили танцы вокруг стоящей на коленях женщины. Среди них особо выделялся старый дебил с целлофановым пакетом в руках. К концу дня этот бандеровский старпёр окочился.

Утром 8 апреля во время захвата храма в селе Липовец Киевской области раскольник вырвал из рук священника УПЦ крест и бросил его на землю. Через мгновение он схватился за сердце и упал. Оживить его не смогли.

Как ни странно, почему-то российские СМИ об этом промолчали. Интересно, почему бы это?..

Экс-депутат Верховной рады В.Стретович, возглавлявший захват одного из храмов канонической Украинской Православной Церкви, погиб в автоаварии.

* * *

В марте 2023 года сразу после назначения директором Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина Елизавета Лихачёва в одном из своих первых интервью на вопрос журналиста по поводу 70-летия со дня смерти Сталина высказалась так: «Фигура Сталина сложная, неоднозначная, и я приверженец очень простой позиции: он сдох — всё, проехали». Слово «сдох» — это и есть маркер всей этнолиберальной пятой колонны, занимающей руководящие должности и директорские места в нашей стране. И Лихачева, возглавившая крупнейший культурный музей страны, не постеснялась выставить на всеобщее обозрение свою либеральную «этику». Потому что для них, либералов пятой колонны, это — нормально. Великий Генералиссимус, возглавивший разгром фашистской Германии, символ нашей спасительной Победы для нее — сдох. И плевать ей на то, что без этой Победы, она, зашоренная либералка, не родилась бы на свет. Эта мысль никогда не приходила и не могла прийти в ее пятоколонную голову.

На этом своем «сдох» Лихачёва не остановилась и продолжила ёрничать — рассказала о том, как ей в руки попал бюст Сталина из мыла, который ей благополучно «удалось смылить», ведь это же очень забавно: мыть грязные руки о бюст вождя народов...

К либеральным назначенцам, сидящим на высоких должностях, лично у меня давно уже никаких вопросов нет. Но продолжают множиться вопросы к тем руководителям нашей страны, которые их на эти должности день за днем назначают. Несмотря на время войны, называемой СВО.

* * *

В Пасхальную ночь украинские сатанинские выродки из дальнобойных установок нанесли удар по донецкому Спасо-Преображенскому кафедральному собору во время пасхальной службы и находящемуся возле него детскому саду. Погибла беременная женщина, шесть человек были ранены, в том числе священник. Детский сад загорелся.

Люди в донбасских церквях молились перед иконами, произносили: «Христос Воскресе!» и «Воистину Воскресе!», а нелюди посылали на них снаряды из американских, германских, английских, французских и чешских артиллерийских установок. И при этом кто-то на бессмысленной Украине еще надеется, что она может сохраниться... Кто-то думает, что Бог этого не видит... Кто-то не придает значения почерневшим крестам на захваченном нелюдями храме...

Сатанинские выродки по Божьему попущению не только лишили мозгов, но уже при жизни окончательно погубили свои души. Им уже нет пути назад. На Пасху бить дальнобойными снарядами по молящимся в храмах людям — значит уже при жизни, на этом свете, пребывать в аду. Зеленский, Порошенко, Турчинов, Тягнибок, Яценюк, Тимошенко и другие киевские сатанисты уже давно пребывают в аду и тянут туда за собой всю т.н. Украину. И она проваливается в ад.

Та земля, что нами освобождается, будет вырвана из цепей ада и уже больше никогда не назовётся «украинской». Миссия русского солдата — исполнить Божескую волю: чтобы на этой земле в Православную Пасху звучали слова «Христос Воскресе!» и «Воистину Воскресе!» Миссия русского солдата — вырвать «украинскую» землю и оставшийся на ней православный русский народ из погибельных цепей ада.

* * *

На сайте «История Государства Российского» появилась заметка под названием «Бардак в Большом театре». Речь в

ней о том, что в Большом отменён спектакль в постановке К. Серебренникова «Нуреев». В заметке сказано следующее:

«Постановка раскрывает жизненный путь советского «невозвращенца», артиста балета Нуреева и его любовные отношения с датским танцовщиком Эриком Бруном, с которым тот прожил 25 лет, кстати, встречаясь в то же время на стороне с другими партнерами.

Премьера спектакля состоялась в декабре 2017 г. Серебренников на тот момент был уже под домашним арестом. Но оценить постановку опального режиссера пришел весь московский бомонд — Песков с супругой, Матвиенко, Собчак, Абрамович, Карасин, Эрнст, Ургант, Мединский, Кудрин, Чemezov — в общем не буду всех перечислять. Только отмечу, что постановка создавалась при поддержке Абрамовича и Костина.

Результат? Зал рукоплескал и чиновники тоже (и это при том, что оппозиционеры на сцене выступали в футболках с надписью: «Свободу Серебренникову!»). Шампанское лилось рекой. В общем настоящий фурор. Да что тут говорить. Сам господин Песков после спектакля заявил: «Спектакль очень талантливый. Есть пара спорных моментов. Но с точки зрения творческой феерии — это событие мирового масштаба».

... Теперь, спустя 6 лет, выясняется, что все эти «спорные моменты» вовсе никакие не спорные, а самые что ни на есть очевидные и однозначные, раз попадают под закон о пропаганде нетрадиционных ценностей, подписанный в декабре 2022-го Путиным. Видимо, в 2017 г. разглядеть скандальность и неприемлемость постановки было сложно».

Автор назвал данное явление «Бардаком в Большом театре». Увы, это не бардак. Оно называется иначе. Оно — не что иное, как постсоветская **традиция** Большого театра. Традиция, укоренившаяся здесь и ставшая для некоторых государственных людей и для псевдокультурной «элиты» желаемым и обожаемым явлением. И то, что сегодня гомосексуальный спектакль арестанта Серебренникова под давлением благообразных людей отменен, для них большое разочарование.

Вот по этой причине наша армия более года топчется возле Авдеевки, вот по этой причине глава НАТО «голубой» Столтенберг встречается в Киеве с Зеленским, вот по этой причине после четырнадцати месяцев войны мы так и не освободили Донбасс.

Россия вновь горит. Как только сошел снег, огонь начал пожирать поселки, деревни и дачи. И телевизионные СМИ,

как и год, и два, и три года назад, долдонят о «природных пожарах».

Еще зимой я знал о неизбежности скорого бушующего огня на двести процентов. Потому что писал об этом всё прошлое и позапрошрое лето. Нынешний год, не сомневаюсь, по пожарам будет страшнее всех предыдущих. В апреле уже сгорели сотни жилых домов в разных областях России, а в следующие месяцы сгорят — тысячи. И никто из поджигателей, как и в предыдущие годы, не будет объявлен и показан по ящику. Потому что и на радио, и в ящике установка одна — «природные пожары».

Но никаких «природных пожаров» в природе не существует. Потому что ВСЕ пожары — только и исключительно рукотворны.

Страна просто-таки кишмя кишит украинскими диверсантами. Потому что страна наша до сих пор, несмотря ни на какое СВО, не ввела визовый режим с Украиной. И под личиной беженцев и переселенцев подготовленные украинские боевики тысячами расползаются по России. За последние два года не проходит и дня без сообщений о том, что где-то среди ночи сгорел склад, рынок, нефтебаза, торговый центр и т.д. И, заметьте, ни разу, повторяю, ни разу не было сообщений в российских СМИ о задержании поджигателей. Шаблонное, трафаретное «объяснение» российских радио-теледикторов всегда одно и то же: помимо «короткого замыкания» и «взрыва бытового газа» чаще всего слышим: «причины происшествия выясняются». Все пожары в нашей стране происходят, согласно заверениям центральных СМИ, сами собой.

1 мая этого года в Ленинградской области, как сообщил нам по центральным каналам ящик, «диверсантами подорвана опора ЛЭП». А в Брянской области взрыв повредил железнодорожный путь перед движущимся товарняком, перевозившим топливо. С рельсов сошли семь цистерн, две загорелись. Но вот «природные пожары», если послушать российские СМИ, по всей стране происходят исключительно по вине природы...

То ли абсурдна, то ли совсем уж дебильна логика властей, отвечающих, за информационную политику? Подорвать ЛЭП и железнодорожный путь бесчисленные диверсанты в нашей стране могут, а вот устроить пожар — нет, не могут. То ли они, власти, и впрямь нас всех держат за идиотов и словно в насмешку день за днем вдалбливают в головы российских обывателей сказки про «природные пожары»?..

Но с другой стороны: почему власти (сверху донизу) не подготовились к предотвращению наступления весеннего

огня? Почему в провинции не были организованы из местного населения и выставлены ночные патрули вокруг поселков и деревень? Что, не способны были догадаться о том, что нас ждет с приходом теплой и сухой походы? Или, как всегда, безалаберность заела? Или всем было на всё наплевать? И теперь вот людям, оставшимся без крова, эти власти будут миллионы выплачивать...

3 мая два украинских беспилотника совершили атаку на Кремль. Долетели! А вот пожары, бушующие по всей России, исключительно — «природные»...

* * *

Как ни удивительно, я всё более убеждаюсь в своем мнении о том, что высокопоставленные чиновники читают журнал «Молодая гвардия». Стоило мне в майском номере нашего журнала сказать в «Протуберанцах»: «Не пора ли уже ввести в Уголовный кодекс статью, преследующую за русофобию», как уже в этом месяце заместитель министра юстиции РФ Андрей Логинов, выступая на сессии «Русофобия: нацизм XXI века» в рамках Петербургского международного юридического форума, выступил с таким сообщением: «Я поддерживаю необходимость закрепления в нашем российском законодательстве понятия русофобии... предупреждения распространения информации, враждебной России, и установления ответственности за русофобскую деятельность».

Слава Богу, и наверху пробуждается благоразумие. Давно пора устанавливать ответственность за русофобскую деятельность. Причем даже не надо вводить в УК новую статью. Достаточно внести изменение в пресловутую «русскую» статью 282 — вместо бессодержательных и широко трактуемых слов «возбуждение ненависти и вражды» ввести слова: «за проявление русофобии». Вот тогда вся этнолиберальная пятая колонна, тридцать лет заваливавшая прокуратуру доносками на русские газеты и журналы, а теперь исподтишка вредящая проведению военной спецоперации, поневоле хвост подожмет.

* * *

Чуть ли не на всех политических телешоу примелькавшиеся эксперты ломают копы на тему государственной идеологии России, несмотря на то что таковая отвергается ельцинской конституцией. Ясно, что эту конституцию нужно существенно изменять, но речь в данном случае не о ней. В теледискуссиях по поводу государственной идеологии экс-

перты рассуждают о чём угодно и предлагают всё, что угодно, только не то, что для России сейчас единственно спасительно и единственно жизненно назрело. Причем назрело до крайнего предела. Но почему-то об этом все эксперты молчат, хотя среди них немало и русских людей.

Сейчас, в этот исторический период, лет на пятьдесят, не меньше, может быть только одна государственная идеология. И заключается она в сохранении, в отстаивании, в государственном провозглашении **национальных интересов русского народа**. А прямее, точнее и проще говоря — **в государственном сбережении русской нации**. Никакая другая идеология в настоящее время Россию не спасет и не сохранит в качестве великой Державы.

Мы подошли к такой черте, когда русская нация стремительно вымирает и исчезает. Она вытесняется неудержимой и баснословной азиатской миграцией и уничтожается всемирной русофобией. И если ничего радикального не предпринимать на государственном уровне, то русская нация очень скоро ослабнет, сократится до такого состояния, когда уже не сможет противостоять «мирной» оккупации новой Орды. А с ослаблением русской нации погибнет и великая Россия — она будет разодрана на клочья и сдана Западу без сопротивления. (Воевать за Россию новая Орда будет только с русскими, но с остальным миром — не будет.)

Когда я слышу о том, что государственная идеология сохранения русской нации может обидеть или как-то морально задеть другие малые коренные народы России, то хочу сказать только одно: поскольку вопрос стоит о жизни и смерти государства, то малые народы могут дальновидно и благо-разумно помолчать. Если вслед за ослаблением русской нации начнет гибнуть и разваливаться Россия, малые народы, ее населяющие, рассеются по миру, как пыль, или навсегда исчезнут из бытия.

* * *

Еще один кремлевский «жест доброй воли». Указом Путина отменены визы для граждан Грузии, въезжающих в Россию. Во время войны. Теперь грузинские диверсанты вместе с находящимися в Грузии украинскими диверсантами смогут без особых проблем проникать на нашу территорию. Зачем он это делает — одному Богу известно.

Безвизовая идея фикс была присуща Владимиру Владимировичу все годы его президентства. Начиная с нулевых годов вплоть до последнего украинского майдана, он упорно, неотступно, прямо-таки самозабвенно раз за разом пред-

лагал отменить визовый режим на всех переговорах, встречах, саммитах и т.д. с «европейскими партнерами». Те так же упорно игнорировали его предложения, но он при любых новых встречах с ними никогда не забывал напомнить им о желании России отменить визы со странами Европы... Откуда, с чего вдруг у него зародилась эта идея фикс — понять трудно, почти невозможно. Те, кто хотел ездить в Европу, имел постоянные визы туда, а большая часть народа России в нее особо и не стремилась...

Теперь оказалось, что Европа, буруеваемая русофобией, не то что вообще не желает нас у себя видеть, но нескончаемым потоком (без всяких виз) шлет своих наемников, свои танки, гаубицы, крылатые ракеты, беспилотники и снаряды, чтобы нас уничтожить. Не сомневаюсь, что это желание у «европейских партнеров» было уже тогда, когда Путин предлагал им ввести безвизовый режим с Россией...

Кстати сказать, с Украиной, устраивающей теракты в Москве и Санкт-Петербурге, безвизовый режим до сих пор сохранился. И вот теперь эта идея фикс наконец нашла свой выход, свое воплощение в отмене виз с Грузией, находящейся с нами в состоянии войны и разорвавшей с нами дипломатические отношения. Но чего не сделаешь ради исполнения живущей в глубине души и ничем не истребимой идеи фикс?..

Воистину либеральные сны всё ещё никак не выветрятся из постаревших птенцов ельцинского гнезда.

* * *

Как говорится, чёрт шельму метит. Побывавший в российской власти осточертевший рыжий еврей наконец-то обосновался на своей «исторической родине»...

В 2004 году я написал стихотворение «Смети Чубайса!», которое потом даже было положено на музыку, и песня эта участвовала в Конкурсе патриотических песен, в двухтысячные каждый год проводимом газетой «Дуэль».

Долгие годы вся страна ждала, когда же будет сметен этот главный аферист-приватизатор, Рыжий Ваучер, как его обозвали еще при Ельцине. Даже рыжих котов многие тогда называли Чубайсами. Но ни при Ельцине, ни при Путине, ни при Медведеве Чубайс так и не был сметён — при всех российских президентах вплоть до прошлого года он оставался непотопляемым...

В 2005 году на митинге в самом центре Москвы, на Славянской площади, возле памятника Кириллу и Мефодию, Чубайсу был вынесен общественный приговор, зачитанный перед стечением нескольких тысяч человек. (Кстати, на том

митинге я прочёл это свое стихотворение.) За все преступления против российского народа он был приговорен к отсечению головы. И тут же на глазах у всех чучелу Чубайса была отрублена голова и выброшена в ближайшую урну...

Когда началась военная спецоперация, Чубайс сбежал из страны. А точнее говоря, как только в Генпрокуратуре зашла речь о возбуждении против него уголовного дела, он по чьему-то всеильному указанию из страны был выпущен... Вскоре его заметили в Израиле. Но он еще оставался «Анатолием Чубайсом».

И вот в мае этого года появилось сообщение о том, что никакого Анатолия Чубайса больше не существует и что человек с этим именем исчез из бытия. Он сменил не только гражданство, но и всему миру известное имя. То есть Чубайс как некая одиозная личность, ненавидимая всей Россией, действительно оказался сметён историей, развеян, как прах Гришки Отрепьева... Отныне А.Чубайса больше нет. А есть гражданин Израиля Натан Шагал. Предъявлять обвинения за многократное ограбление России через ваучеры, РАО «ЕЭС России» и РОСНАНО больше никому. И отрубленная, никому больше не нужная голова Чубайса действительно валяется где-то на мусорной свалке...

Не зря говорят, что поэтическое слово имеет свойство сбываться...

* * *

Продолжение ритуально-мистических проявлений, связанных с сатанинской верхушкой Украины.

Еврейский ублюдок Зеленский (а еврейским ублюдком его назвали в эфире ТВ известные евреи В.Соловьев и Е.Сатановский), побывав в Ватикане в резиденции папы римского, имел «теплую» встречу с нынешним понтификом Франциском. Во время этой встречи произошло изощренно-издевательское, а с христианской точки зрения — не просто кошунственное, а вопиюще-вызывающее событие: еврейский ублюдок-сатанист вручил папе римскому, главе всех католических христиан, а согласно ватиканским постановлениям, «наместнику бога на земле», якобы икону Богородицы, на которой вместо младенца Христа — чёрное пятно. Франциск этот «подарок» молча принял и со своей стороны подарил еврею-террористу Оливковую ветвь — символ мира по Библии.

То, что папа римский принял «икону» с чёрной тенью вместо Христа, — это тоже знак, тоже символ, говорящий о многом. Эта «икона» — не что иное, как черная метка Франциску и всему католичеству, своего рода издевательское посла-

ние сатаны погрязшему во лжи и лицемерии Ватикану, давно утратившему Христа, в свое время поощрявшему гитлеровский нацизм и ныне одаривающему Оливковой ветвью украинский сатанизм.

И пока Ватикан **публично** не отвергнет принятую им «икону» с черным пятном вместо Христа, он будет центром не католического христианства, а чёрного сатанизма. И всякий, кто переступит границу Ватикана, должен об этом знать. Бог поругаем не бывает.

А Оливковая ветвь от Ватикана озверевшим нелюдям, террористам и сатанистам — отныне не что иное, как католический символ войны, смерти и расчеловечивания.

* * *

На заседании Совета по межнациональным отношениям, состоявшемся 19 мая, В.В. Путин в онлайн-режиме говорил много, но ни звука не произнес о всё более углубляющейся демографической яме русского населения. Также ничего реально-конкретного не было сказано о кричащей проблеме с мигрантами в России, проблеме, нарастающей с каждым годом и даже с каждым днем. Речь президента свелась в основном к голословной констатации: мол, да, проблемы есть, мы о них знаем, мы их решаем и мы их будем решать. В остальном же: межнациональное общение и межнациональное взаимодействие со странами СНГ — это хорошо, межэтнические браки — тоже хорошо, а те, кто этого не понимает — «недоумки». И *«на конкурсе недоумков они займут второе место. Почему второе? Потому что — недоумки»* — резюмировал президент. В зале по поводу этого «остроумия» кто-то подбостранно заржал. Тут, правда, хотелось спросить: а кто же на этом конкурсе займет первое место? Ведь ясно же, что на конкурсе дураков (или недоумков) второе и третье места всегда лучше, чем первое... Но до такого умозаключения очень остроумным спичрайтерам президента дойти было сложновато... (Как тут не напомнить о том, что конкурс «минских соглашений» под названием «Нас обманули» длился аж восемь лет?..)

Одним словом, проблема русского народа в России опять оказалась «благополучно» заболтанной, заиронизированной, всерьез не обозначенной и в результате, как и прежде, не подлежащей решению.

* * *

20 мая был полностью очищен от бандеровских нацистов старинный русский город Бахмут, основанный в XVI веке

Иваном Грозным и стоящий на одноимённой реке. Теперь это районный город ДНР. В 1924 году он был переименован в Артёмовск. Именно тогда и началась украинизация Донбасса.

Штурмовики ЧВК «Вагнер» под командованием Е. Пригожина за полгода битвы за Бахмут уничтожили более 50 тысяч украинских нацистов и иностранных наемников (и ранили более 70 тысяч), потеряв в этих ежедневных сражениях около 20 тысяч своих бойцов (по данным Е. Пригожина). И министр обороны, и президент поздравили вагнеровцев с победой и отметили их героизм и умение вести бои в городской застройке.

То есть на наших глазах в России появилась армия, не подлежащая официальному армейскому командованию и воюющая даже эффективнее федеральной армии. Правда, конечно, надо признать, федеральная армия оказывала ей поддержку боевой авиацией, вооружением и снарядами. Без этого «Вагнер» не смог бы одерживать свои победы. Но сам факт появления этой как бы второй армии — есть не что иное, как свидетельство нового военного времени и новой, еще до конца не осознанной и по-настоящему не оцененной тенденции в проведении боевых действий. К чему это новое явление приведет — еще не знает никто, можно только догадываться и предполагать, но явление это столь же отрадное, сколь и опасное для власти в целом и для армии в частности. Ведь народ видит и оценивает, кто как воюет и кто чего достигает.

ЧВК «Вагнер» никого не загоняет в свои ряды силой, не пополняет их госпризывом и мобилизацией. Люди туда приходят сами по самым разным обстоятельствам, многие — по материальным, Пригожин хорошо оплачивает их работу. Но всё же большинство идет служить Родине из чувства патриотизма и под влиянием искреннего, честного и убедительного разговора с Евгением Пригожиным. Вагнеровцы его уважают и верят ему — а это главное. И это уже нечто новое в нашей действительности.

Мы знаем, что «Вагнер» воюет бесстрашно, даже бесшабашно и безоглядно. Это не означает, что вся наша армия должна быть такой. Государственная, федеральная армия — главная, основная наша защита и надежда. Но пригожинские бойцы — это пока что самый яркий пример боевых побед.

И бахмутская победа, несомненно, войдет в историю России наравне с самыми громкими победами Великой Отечественной войны.